

ЗНАКИ, СИМВОЛЫ И МИФЫ

Люк Бенуас

Cogito, ergo sum

*ЗНАКИ, СИМВОЛЫ
И МИФЫ*

Cogito, ergo sum

***Знаки, символы
и мифы***

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЛЮК БЕНУАС

Почетный хранитель музеев Франции

Перевод с франц. *А. Калантарова*

АСТ • Астрель
Москва
2004

УДК 008
ББК 71.1
Б41

Подписано в печать 15.11.03. Формат 76x100/32. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 7.0. Тираж 5000. Заказ № 4187.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение № 77.99.14.953.Д.008286.12.02
от 09.12.2002 г.

Бенуас Л.

Б41 Знаки, символы и мифы / Л. Бенуас; Пер. с фр.
А. Калантарова. — М.: ООО «Издательство Астрель»:
ООО «Издательство АСТ», 2004. — 160 с. —
Cogito, ergo sum: «Университетская библиотека».

ISBN 5-17-022697-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-08182-6 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2 13 044285-4 (франц.)

Университетская библиотека — это серия книг для университетов
и вузов по всем основным областям знаний.

Человек стал пользоваться языком символов, как только произнес
первое слово. С тех пор мы существуем в мире символов, они — неотъ-
емлемая составляющая развития цивилизации. Как происходила эво-
люция символического языка: от жеста первобытного человека к знаку,
символу, сложным мифологическим структурам и, наконец, современ-
ному уровню символического мировосприятия, — на эти вопросы отве-
чает в своей книге известный французский ученый.

УДК 008

ББК 71.1

Настояще издание представляет собой перевод оригинального
французского издания "Signes, symbols et mythes"

Переводчик выражает благодарность за помощь при подготовке
издания Надежде Елизаровне Мальцевой

ISBN 5-17-022697-7

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-08182-6

© ООО «Издательство АСТ», 2004

(ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2004

ISBN 2 13 044285-4 (франц.)

© Presses Universitaires de France, 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

В соответствии с общепринятым заблуждением понятие «символ» относится к высоким эмпириям, доступным немногим, скажем, знатокам средневекового искусства или поэзии Малларме. В действительности каждый человек постоянно использует символический язык точно так же, как мольеровский Журдэн говорит прозой, поскольку любое слово – символ. Как говорил Аристотель, «слово "собака" не кусается»*. Итак, это не специальная или случайная область, а каждодневная практика, когда роль символического языка состоит в выражении определенной идеи или мысли.

С этимологической точки зрения, слово символ происходит от греческого «*sumballein*», означающего связать вместе. Слово «*symballon*» поначалу обозначало знак узнавания: это был предмет, разделенный на две половинки, соединение которых вместе позволяло носителям каждой части предмета признать друг в друге брата и попытаться извлечь пользу из новых обстоятельств.

Что касается порядка в мыслях, то и здесь символ является элементом-мостиком, богатым связями и

*Хотя в крайнем случае слово «собака» символически идентифицируется с укусом. Если переноса не происходит, что, по-видимому, предполагает Аристотель, то в этом случае нет и символа. *Save canet!* (Здесь и далее примеч. авт.)

аналогиями. Он соединяет противоречия и снижает остроту несогласия. Мы не можем ничего понять или сообщить без его участия. От него зависит логика, поскольку она призывает к равновесной, эквивалентной концепции; математика в этом отношении весьма показательна.

Сама жизнь является наиболее ранним и характерным примером использования символов. Она доказала это уже в то время, когда первобытный человек произнес свое первое слово. Вот почему живой и органичный символический язык лучше других выражает истины духовного порядка, о чем свидетельствуют евангельские притчи. Поэтому современная биология вкупе с ее новыми ветвями науки о живом, пополняемая производными дисциплинами, имеет шанс стать альтернативой с древних времен находящимся в противоборстве как чересчур сухой математике, так и слишком литературной философии, более приверженной словесному иллюзионизму, чем конкретным вещам.

Если и существует большое количество книг, трактующих эту обширную тему, то они, как нам кажется, имеют ограниченный характер, даже если речь идет о популярных работах. Ни одна из таких книг не объясняет логических причин символического языка. В словарях приводится только перечень слов, а специальные исследования не отваживаются подойти к области их генезиса; приводятся лишь простейшие констатации, а не толкования, которых мы вправе ожидать.

Вот почему представляется полезным проследить процесс эволюции знаков с момента их появления до какой-либо отдаленной метаморфозы, особенно в области ритуалов и мифов, показав их функциональную связь. Мифы – это образный язык основы, первопри-

чины. Фрейд называл их комплексами, Юнг – архетипами, а Платон – мыслью, идеей. Мифы объясняют начало установления обычая, логику происшествия, структуру случая. По словам Гете, они составляют неизменные отношения жизни.

Мы, в частности, попытаемся проследить, останемся ли в последующем нашем развитии по-прежнему на самом элементарном, самом примитивном, самом обыденном уровне, не отваживаясь проникнуть в гущу спекуляций структурной семантики или математических категорий, которыми, тем не менее, мы уже воспользовались. Мы все еще держимся на уровне эксперимента, ибо не верим, что человеку когда-либо удастся выразить свои мысли лучше, чем при помощи жеста*.

*Эссе, опубликованное в 1930 году и озаглавленное «Кухня ангелов», было первым приближением к настоящему исследованию. К тому времени оно удостоилось премии «Revue universelle». Но его слишком лиричная форма сослужила плохую службу строгости изложения.

Глава I

ЗНАКИ И ТЕОРИЯ ЖЕСТОВ

Человеческая мысль
соответствует теории групп.

А. Эддингтон

I. От сенсации к знаниям

Для того чтобы гарантировать себе безопасность, а попросту выжить, первобытный человек, как представитель приматов, был вынужден постоянно уделять пристальное внимание знакам, которые в любой момент указывали бы на наличие в окружающей среде предметов и присутствие живых существ. Это, впрочем, и сейчас актуально, хотя обманчиво принижается цивилизацией. Как и раньше, мы поставлены в необходимость осуществлять постоянное наблюдение и быть бдительными, в основном подсознательно, в повседневной действительности, к примеру, в отношении пищи, климата, уличного движения, множества случайных встреч, степень последствий которых наш опыт способен оценить далеко не всегда. С самого начала жизнь человека зависела от использования накопленных знаний, если можно употребить этот амбициозный термин по отношению к элементарному вниманию.

Сегодня, как и вчера, уровень понимания посланий, которые доходят до нас из окружающей среды, различен и зависит от рецепторных органов. Такие органы чувств, как осязание, обоняние, вкус, буквально «приклеиваются» к близко расположенному предмету; кажется, что наше познание предмета совпадает с нашим ощущением. Тем не менее зачастую трудно присвоить им точную специфику. Осязание слепо, поливалентно и малоизбирательно. Оно нередко смешивает полученную информацию, полученную от осязаемых предметов: их форму, вес, прочность, текстуру. И напротив, если мы попытаемся оценить качество вкуса, то оригинальность каждого из них настолько исключительна, настолько далека от любого сравнения, которое позволило бы нам привязать их к узнаваемым или близким к узнаванию нормам. Так что мы примирились с необходимостью грубо подразделять их на четыре группы: горькую, кислую, соленую и сладкую, к которым Китай добавил острую. Что касается запахов, мы далеки от совершенства системы обнаружения, которой снабжены наши собратья-млекопитающие; запахи субъективно распределяются нами на две элементарные группы – приятные и отвратительные. Между тем, если обратиться к способностям хотя бы собак и кошек, можно отметить, что тысячи запахов в мире для них столь же индивидуальны, как для нас – лица друзей.

Два других, более интеллектуальных чувства (слух и зрение) осведомляют нас об источнике информации, который в ряде случаев находится вне досягаемости. Аромат цветка, колокольный звон, вспышка звезды – вот примеры все более удаленного источника информации, тем более что яркость звезды в ретроспективе относится к эпохе, отделенной от нас, быть может, на тысячи световых лет. Сила зрения, несомненно, засчитывает характер явления, основанного на догад-

ке. Но если глаз способен заметить свет свечи на расстоянии семнадцати километров, он не позволяет нам с уверенностью сказать о его природе.

В отношении слуха зона звуков, различимых ухом, ограничивается десятью или одиннадцатью октавами, и нужно быть музыкантом, чтобы воспроизвести изменение на четверть тона, что, кстати, сможет оценить только другой, в той же степени одаренный музыкант.

Субъективность наших чувств проистекает из того, что они исходят от кожного покрова и осязания, которое еще Эпикур считал чувством фундаментальным. Другие чувства отделены от многочисленных функций эмбрионального эктодерма и сохранили от своего скромного происхождения много поверхностного. Тем более что послания, полученные сенсорными клетками, должны пройти многочисленные нервные центры, мозг, гипофиз и гипоталамус, чьи роли заключаются в синтезе и рациональной интерпретации этих посланий и передаче их двигательным органам, с помощью которых, в свою очередь, совершаются добровольные или вынужденные поступки.

Уже давно Лейбниц, цитируя знаменитую схоластическую поговорку, согласно которой «нет ничего в интеллекте, что прежде не находилось в чувствах», основательно ее скорректировал, добавив «если это не сам интеллект», что поставило в первый ряд наших понятий о знаках активность нашей мысли. Плиний сказал: «Мы видим с помощью нашего ума».

Современная психология называет «проекцией» ту интерпретацию, которую наш интеллект выбирает из прочих в момент обнаружения каждого знака; без этого «выбора» он оставался бы для нас непонятным. Альберти в свое время признал наличие такого явления у артистов. Каждое новое послание перехватывается строго персональной решеткой значков-ориентиров. Впрочем, кажется, для того, чтобы признать та-

кую операцию, термин «сюримпрессия» (который кино сделало для нас привычным), будет, вероятно, более точным, чем «проекция». Нам легче познать возвратную природу этого палимпсеста через образы-картинки, которые он оживляет, воскрешая в нас древнее инстинктивное ощущение происходившего при каждом следующем явлении.

В заключение скажем, что не сможем ничего понять, если события не вызывают у нас какого-либо воспоминания. Мы не сумеем принять что-то, прежде чем не соотнесем с прецедентом, сохранившимся в нашей памяти. Мыслители всех времен неустанно повторяли это. «Наши знания зависят от реминисценции», – говорил Платон. «Слово «боль» начинает что-либо значить лишь в момент, когда оно напоминает нам ощущение, которое мы уже испытывали прежде», – говорил Дидро. «Мы видим лишь то, что нам знакомо», – говорил Гете. «Мы не можем допустить существование какой-либо вещи, если не можем придать ей смысла», – говорил Кассирер. Это совпадение двух опытов, удаленных во времени, после многих своих предшественников заново открыл Пруст, расширив область его применения до смешения географической и сентиментальной атмосферы, двух моментов и двух мест собственной жизни, что вернуло ему сладость комбрейских бисквитов и в то же время ощущение контакта с неровной булыжной мостовой Сент-Марка.

Всякое ощущение также вызывает появление на поверхности сознания забытой мысленной схемы, знака, соответствующего уже испытанному впечатлению. А это позволяет классифицировать такой знак, отнести в «тематическую» группу памяти и, следовательно, узнать его, то есть принять. Гомбрих квалифицировал эту операцию так: «Расшифровать послание – значит проникнуть в его символическую форму».

II. От жеста к знаку

Первобытный человек, которого мы застали в начале данного исследования наблюдающим за опасностью или удовольствиями, преподносившимися ему окружающей средой, вряд ли оставался равнодушным перед очередным разворачивающимся перед ним спектаклем. Он отвечал на вызов соответствующей реакцией, возражением, которое принимало форму рефлекторного движения, например жеста или крика, выражающего какую-то эмоцию: страх или желание, отвращение или любопытство, удивление или восхищение. Сам жест сосуществует с жизнью и на несколько миллионов лет предшествует слову, которое стало следующим свойством, ограниченным ртом. Первобытный человек изъяснялся сначала жестами, ставшими знаками для его близких, так как не был одинок в мире. Он жил так, как жил всегда, как мы все еще живем сегодня, то есть в обществе. После того, как мы искусственно изолировали его в качестве рецептора знаков, мы должны рассмотреть его в качестве передатчика посланий, объекта возможных знаний, но объекта привилегированного, чьи качества известны окружающим; в результате его жесты становились незамедлительно понятны братьям по расе и племени. Эти жесты должны были вызывать у последних эмоции той же природы, поскольку в самом деле они понимали лишь то, что могли повторить сами, потому что знаки заполняли ту зияющую пропасть, которая открывается между восприимчивостью и разумом.

Всякому жесту предшествует глубокий вдох полной грудью, а первая фаза дыхания, по словам Рильке, является колыбелью ритма. Спустя некоторое время после усвоения кислорода за вдохом следует выдох, который в самой элементарной своей форме выражается криком. Этот крик, третий такт дыхательного ритма и

первое проявление жизни у новорожденного, показывает, что любой поступок сам по себе дар, что каждый человек должен, так сказать, выдохнуть воздух, чтобы совершить действие или поступок. Он пользуется запасом своих сил, чтобы созидать, в соответствии с законом, символизирующим индусский миф о космическом сне Брахмы, каждый выдох которого создает вселенную и следующий вдох в ритме тысячелетий всасывает вселенную до следующего ее воссоздания.

Если Гете предположил, что «в начале было действие», то Ганс фон Бюлов не без основания предпочел сказать: «В начале был ритм», поскольку любой жест и любое поначалу аритмичное движение образуют ритм с помощью повторения. Ритм обуславливает обязательную непрерывность всякого действия, его последующую трансформацию, его распространение в психической и духовной зонах существа. Ритм индивидуума определяет его форму. Это – неизменность в подвижности, «прожитая периодичность», как говорят йоги.

Итак, для самовыражения первобытный человек прибег к знакам жестов, которые используются еще сегодня и предполагают предваряющий опыт по части ритма, чтобы с пользой интерпретировать послания зрения и слуха. Вообще, что касается зрения, любопытно констатировать, что в древности в Китае и Египте отрицание или отказ выражались вытянутыми горизонтально руками, как ныне поступает дорожная автоинспекция, преграждая путь. В Индии «мудры», мимические жесты, образуемые руками танцовщиц, передают самые тонкие нюансы мысли. Современные трапписты общаются между собой с помощью дактилологии, разговору на пальцах, содержащему около тысячи трехсот знаков.

Другие способы общения касаются как слуха, так и зрения. Негры Африки с давних времен передают

очень подробную информацию с помощью свистков, как, впрочем, и кавказцы, барабанов, как американские индейцы, или костров. Известны «киппусы» инков, веревочки с узелками, бывшие в ходу также в древнем Китае. Палки с зарубками, бытовавшие у древних скандинавов, использовались также во французских провинциях как метки для определения запасов пекарской муки.

С помощью жестов-сигналов удалось провести эксперименты на сообразительность с животными. Доктор Ф. де Вэйли установил диалог с шимпанзе, пользуясь языком глухонемых. Особи, собранные в стаи или табуны, общаются друг с другом посредством различных знаков. Известны информационные танцы пчел, душистые или ультразвуковые сигналы муравьев, песни и ритуальные парады птиц, сто четырнадцать звуковых сигналов, издаваемых воронами, хрюканье дельфинов, общение между собой летучих мышей с помощью радаров и т. п. Все это позволяет предположить наличие и других, неизвестных человеку способов общения и передачи неизвестных сведений у пока еще не изученных существ.

Возвращаясь к человеку, отметим, что импульсивность жестов представляет собой основу классического метода, предложенного актерам, танцорам и ораторам. Их учат тому, что жест должен предвещать слово, предшествовать ему и зачастую некоторым образом заменять его мгновенной перестройкой филогенеза языка. То, что может показаться простым ремесленным трюком, на самом деле является законом, основанным на потребностях социальной среды.

Таким образом, в своей начальной разработке мы можем сказать, что выражение простой, лишенной сути мысли начинается с рефлекса движения. Оно так красноречиво и так рано проявляется, что уже в трехлетнем возрасте ребенок может с помощью жестов от-

крыть психологу, кем он будет по складу характера: учителем или учеником. Эмоция, являющаяся источником движения, демонстрирует связь, объединяющую физическую и психическую области, и выражается словом «ощущение», в котором Реми де Гурмон усматривал смешение понятий «чувство» и «понимание». От субъективного выражения жест путем повтора становится подлинным учебным знаком, сообщением понятия, а вскоре и внушением мысли. Ибо в происхождении жеста существует поразительная аналогия с формированием привычки, пониманием явления и зарождением символа.

Это позволяет лучше понять весьма общий смысл, который вслед за Р. П. Жуссом нужно будет придать слову «жест», смысл главной позы, позволяющей использовать такие разные чувства, как слух, зрение, обоняние и осязание. С этой точки зрения можно рассматривать каждое живое существо как наследственный комплекс жестов, а тело как функциональную совокупность определенных жестов, ставших нашими органами и частями тела. Таким образом, жест оказывается пережитком древнейшей стабильной деятельности, в которой он остается «исследовательским началом», единственным свободным и созидательным элементом. И поскольку любое существо стремится воспроизвести себе подобное, семиотика жеста могла бы дать нам наилучшее определение таинства и ритуала, который на самом деле нечто иное, как повторение жеста прародителей.

III. «Я» как начало

Наши жесты выдают не только элементарные чувства — они являются носителями гораздо более общих и существенных понятий. Они фиксируют границы

физической обособленности индивидуума и ставят межевые столбы нашим экспрессивным возможностям, создавая жесткие рамки трех измерений пространства, в которых мы привыкаем осознавать себя в мире. Впрочем, мы и так носим в себе эти измерения, они записаны и внедрены в полукружные каналы нашего внутреннего уха, связанные с органом, управляющим нашим физическим и умственным равновесием. Эта космическая печать, преображающая самое скромное «я», придает каждому из нас роль платоновского «микрокосма», универсального эталона, ту центральную позицию, важность которой в качестве принципа и начала сумел в свое время доказать Шеллинг*. Наши жесты демонстрируют власть этого «я», их внутренний образный киноряд составляет, как сказал Блейк, саму жизнь ума и духа. Богатство воспоминаний и опыта воспитывает каждого из нас в духе поэта, созидателя прожитой эпохи, питаемого пережитыми сенсациями и усвоенными знаками, полученными от предков и переданными следующим поколениям.

Это внутреннее «я», центр наших поступков, субъект и объект интуитивных знаний, пронизывает нас успокоительной и недолговечной силой. Законы перспективы, уменьшающие относительно субъекта все, что от него удаляется, подпитывают нас лестной и заманчивой иллюзией господства, и наша привычка беспрестанно говорить о себе, так называемое «ячество», лишь подкрепляет это. Самовлюбленность толкает нас интегрировать все, что мы видим, как отражение нашего «я» в зеркале вещей, считать любой объект зависящим от нас, вдыхать в него жизнь и сознание, приписывать нашу душу всему, что имеет тело.

Такая «предполагаемая эмпатия», как мы уже отмечали, оживляет «спектакль вселенной», придает ему

* *Schelling F.G.J. Du moi comme principe de la philosophie (О проблеме «я» как о принципе философии). 1795.*

почти органическую живучесть, объясняющую анимизм примитивной мысли. Самоидентификация, которую человек открывает в мире, доходит до того, что преобразует, как показал Капп, форму и функцию наших органов не только в инструменты, являющиеся как бы продолжением их, но в натуральные предметы типа тех, что выпускает наша промышленность.

Недаром Протагор провозгласил, что человек – мера всех вещей. Непобедимая тенденция по-прежнему поддерживает в действии оригинальный антропоморфизм, остающийся принципом любой поэзии и любого языка. Морфология нашего тела предоставила первые архетипы нашей идеологии и наши первые единицы измерения – сажень, локоть, пядь или четверть аршина, дюйм, фут и шаг, тот шаг, которым измеряют также и время, поскольку он подчиняется дыхательному ритму. Первым инструментом человека было его тело и более всего рука, являющаяся моделью его будущих инструментов, «инструментом инструментов», как сказал Аристотель.

Освоив вертикальное положение, первобытный человек сумел при помощи ставших свободными рук овладеть материалами и наладить производство. Говоря о человеческой руке, мы странным образом ограничиваем собственную роль, ибо рука является продолжением всего человека, и одна треть его мозга работает на нее. Благодаря чувствительности, превосходящей чувствительность других частей тела, рука стала по преимуществу органом-детектором, производителем предметов, оператором знаков и самым поливалентным инструментом. Кстати, от латинского «*signum*» (знак) в некоторых языках происходят глаголы «резать», «пилить» и т. п. Знак – это то, что было надрезано, вырезано рукой на коре дерева. На всем, что делает или чем манипулирует человек, он оставляет отпечатки пальцев, индивидуальный характер кото-

рых хорошо известен. Привилегированные связи, объединяющие церебральные области, ответственные за наши двигательные способности, и область головного мозга, ведающая суставами, позволяют руке изображать говорящего, думающего и в то же время действующего человека, находящегося в ритме движения. «Делать» – всего лишь переходная стадия от «говорить», и даже этимологически в языках индоевропейской группы слово «говорить» – производное от корня, означающего «показывать пальцем».

В действительности, даже после того, как человек освоил область абстрактного мышления, его видение вселенной остается соотнесенным с движениями его руки – закодировано в непреодолимых рамках трех измерений.

IV. Крик как песня

Появление языка как лепета и отдельные голосовые звуки представляют собой мнимую проблему, которая родилась одновременно с человеком, будучи не менее древней и не менее естественной, чем крики животных (рычание тигров, воркование голубей, ржание лошадей, хрюканье свиней, мычание коров) – звуков, которые мы называем криками, потому что не понимаем их.

Мало-помалу язык освобождался от этой первой, еще несовершенной формы, от намека на пение, которым являлся крик, о чем не позволяют нам забыть слишком многие певицы. Язык родился из складывания по слогам крика и вздыхания. В любом случае, он всегда музыкален и пропитан элементарными чувствами, что проявляется, к примеру, в радостных криках, гиканье или свисте толпы, движимой восхищением или гневом. Начиная от спонтанного народного пе-

ния, в котором проявлялась радость жизни, до мелодической поэзии античных времен, от религиозного псалмопения, сентиментальных стенаний и жалобных стихов, вплоть до элементарного прозаического разговора, мы констатируем еле заметную деградацию музыкальной насыщенности языка, которая, кстати, никогда не исчезает совершенно; да это практически невозможно, как доказывают разные тона, модулирующие обязательное произношение в таких языках, например, как китайский или наречие «twi» в Африке. Постоянное пополнение осуществляет ассоциативную связь некоторых чувств и звуков, заставляя предвкушать таинственную аналогию, соединяющую музыку и внутреннюю жизнь в той сфере сродства, которая пока еще мало изучена*.

Те, кто занимается акустикой, знают, что любое слово уникально и может быть идентифицировано хотя бы по тембру, даже когда монотонность эмиссии навязывается, как это делается на чтениях во время монастырских завтраков. Любой голос узнаваем благодаря флексии и ударениям, *andantino* или *arioso*, и отличает индивидуум, как отпечатки пальцев.

Тот факт, что тоническое ударение, регулируя слово, больше не управляет им, не мешает записать и исследовать звучание фразы, пренебрегая смыслом слов, но так, чтобы это не вредило их пониманию и эмоциональному настрою.

В парадоксальном состоянии находится зритель немого фильма или пьесы, сыгранной на непонятном языке, во время которых он может постигать смысл происходящего посредством одних только жестов и звуков. Тем не менее эмоциональная атмосфера проникает в него полностью и, быть может, гораздо глуб-

*См.: *Bourgués L., Dénéreaz A., La musique et la vie intérieure. Genève, 1921 (Бургес Л., Денереаз А. Музыка и внутренняя жизнь. Женева, 1921).*

же, чем при помощи фраз, смысл которых зачастую противоречит замыслу. Нам нет необходимости понимать слова, чтобы понять смысл сказанного, его юмор, горечь, лукавство или ненависть. Наши кошки и собаки каждый день доказывают нам, что «интонация стоит больше, чем песня», то есть текст. В этом секрет удивительного успеха некоторых ораторов или докладчиков, когда сбежавшиеся слушатели вовсе не имели намерения чему бы то ни было поучиться, но, соблазненные голосом, приходят вновь исключительно ради того, чтобы послушать не речь, а звучание.

Язык родился в результате известного и обиходно случайного согласия между чувством и соответствующим звуком, извлекаемым ртом, благодаря интонации, связанной с чувством. Еще и сегодня можно констатировать, что в наиболее удаленном от своего начала языке некоторые согласные передают более верно намерения собеседников, нежели другие чувства. Например, во французском языке губные буквы «В» и «М» вызывают размыкание губ, необходимое для их произношения, что одновременно облегчает восприятие таких понятий, как «пить» или «есть», «кусать», «шептать», «зевать». Зубная буква «Т» — это, естественно, «Teter» (сосать), «Traire» (доить). Гортанная буква «G» ассоциируется с «Gronder» (сердиться), «Gueuler» (горланить, драть глотку, орать), «Glapiг» (тявкать, гавкать, визжать), «Gonfler» (выдувать, раздувать). Буква «R» вызывает ассоциацию с «Ruissellement» (протекание ручья) и «Ruee» (наплыв людей, быстрое передвижение большой массы людей в одном направлении). Буква «L»: «Lenteur» (медлительность, неповоротливость, тупость) и «Langueur» (бессилие, слабость, томность, томление, вялость). Мы констатировали, что сильные (безударные) гласные «А», «О», «U» оказываются более далекими, чем острые (ударные) гласные «Е» и «I», которые кажутся

ближе. Эти созвучия представляют собой реликты, свидетельствующие в пользу древней корреляции формы и содержания – ветхое наследие праязыка, сохранившего, вероятно, следы то ли животного, то ли небесного происхождения.

Сегодня лингвисты отказались от претензий ученых XIX века, занимавшихся поиском первобытного языка. Все, что можно сказать о происхождении слова, является всего лишь гипотезой, основанной на психологической реконструкции в конфронтации с более древними состояниями языков, возраст которых мы сумели определить с помощью лингвистической хронологии.

Англосаксонские лингвисты предположили, что при зарождении языков имели место несколько возможных источников:

1. Имитационный источник – теория bow-wow, по которой язык возник в результате ономотопеи (звукоподражания, образования слов посредством звукоподражания), имитируя естественные шумы и звуки.
2. Эмоциональный источник – теория rooh-rooh, по которой язык образовывался постепенно, складываясь в слова от спонтанно экспрессивных звуков, связанных с определенными чувствами.
3. Гармонический источник – теория ding-dong, согласно которой язык возник из символической связи между звуком и его импрессионистским впечатлением.
4. Социальный источник – теория yo-he-yo, согласно которой язык родился из песен или хорового пения, сопровождающего мускульное напряжение, от усилия и отмечающего ритма коллективных жестов наших предков во время работы.

Другие теории обращаются к развитию первого детского щебетания и болтовни или спонтанному, само-

произвольному пению, целью которого являлось всего лишь желание подчеркнуть свое присутствие... Впрочем, ни одна из этих теорий не является эксклюзивной, и не исключена возможность свести их к общему источнику. Мы можем придерживаться теории одновременного появления человека и слова, каким бы ни был эволюционный уровень развития цивилизации. Случаи, описанные каждой из теорий, конечно, сыграли свою роль либо все вместе, либо каждый в отдельности. Если крик, испускаемый под давлением мощного чувства, выражающего желание, означал приказ, то демонстрация жеста, подлежащего выполнению или требующего помощи, интерпретировалась слушателями как сообщение, достаточно ясное, чтобы повиноваться, — так одним махом родился язык и вместе с ним символ посредством эмоциональной ассоциации с музыкой голоса.

V. От имени собственного к простым словам

Человеческие отношения первобытных людей были гораздо интимнее и живее, чем в наших просвещенных странах, где, однако, с идентичной живостью свирепствует мода на стадные чувства. Тем не менее в те суровые времена, освещаемые неопределенной зарей истории, племенная солидарность была необходимостью более настоящей, чем в наши дни. Она так громко стучалась в дверь, что знаменитый греческий остракизм, изгонявший человека из родной семьи, деревни или города, практически был смертным приговором.

В самом деле, у всего живого, как в животном, так и в человеческом мире, есть постоянная потребность к объединению в группы, чтобы избежать одиночества, которое в прежние времена могло быть губительным. Это было необходимо для участия в коллективных иг-

рах, на тяжелых работах, да просто чтобы быть вместе, наслаждаться взаимным присутствием, удовлетворить инстинкт привязанности, который современные этнологи хотят заменить на чересчур знаменитое фрейдовское «libido», являющееся лишь одним из его свойств.

В условиях жизни первобытных людей одна из самых больших радостей короткого досуга была в разговоре, состоящем в обмене банальностями, новыми идеями и мыслями. Содержание и значение такого общения могло быть весьма разнообразным: начиная с текущих сплетен и до торжественных и напыщенных, продолжительных и бесполезных речей, которые, однако, самых красноречивых вели к популярности и власти. Необходимость правильно говорить и иметь достаточно богатый словарь для выражения понятий гарантировала языку важность и статус племенного ритуала. К слову, язык оберегался от ошибок и искажений посредством экстраординарного развития памяти, благодаря которому несколько тысяч ритмизированных фраз стало возможным выучить наизусть, запомнить и передать потомкам с помощью простой традиции, что и по сей день имеет место у некоторых племен и народностей, не имеющих письменности. Эти архаичные, практичные, реальные и обыденные, без претензии на возвышенность языки обязаны были вызывать образ каждого живого существа, любого предмета ежедневного пользования в знакомой ситуации, в определенный момент жизни, в каждом взаимодействии группового общения в конкретных условиях, подмеченных непревзойденными наблюдателями, каковыми были первобытные люди. Подобный квалификационный синтез позволял, бесспорно, одним-единственным словом указать на существо или предмет, о котором шла речь.

Например, в древнем классическом арабском языке более пяти тысяч слов, связанных со словом верблюд. Но каждое из них предназначалось для обозначения одного из многочисленных аспектов, одной из мельчайших деталей анатомии верблюда, его внешнего вида, пола, возраста, шерсти, его привычек и криков, и одновременно в ситуации, строго привязанной к месту и времени, не говоря уже о росте верблюда, его здоровье, пороках, болезнях или же достоинствах. Суметь сказать, о чем идет речь, чего она касается, в каком месте и с кем, почему это произошло там, как и в какой момент – именно в этом и состояли вопросы, на которые могло ответить одно-единственное слово в словарном гнезде «верблюд»*.

Для того чтобы удовлетворить всем этим требованиям, соответствующее слово становилось подлинным именем собственным, которое могло в данный момент времени относиться к единственному индивидууму. Это напоминает условия назначения на пост, подбираемые для кандидата, который только и может отвечать им и для которого данный пост забронирован заранее.

Каждая семья имела свой словарь, как бывает и сегодня, когда диалог между близкими становится для человека постороннего, знающего тот же язык, практически непонятным, если он не посвящен во все логические переплетения, которые несет каждое слово для членов этой семьи.

Однако такая «специализация», привязанная к персонифицированной реальности, отторгала всякое обобщение и препятствовала экспрессии движения и переменам, облегчающим путь от имени собственного к простым словам, иначе говоря, путь преобразования имени в символ. Общественная работа особенно со-

*Мы можем заметить, что дальнейшее это развитие в точности соответствует общим местам древней теории: «Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?»

действовала бы этому переходу, а использование инструментов, в свою очередь, потребовало бы более гибкого владения языком. Происхождение большей части глаголов, связанных с ремеслом, свидетельствует в пользу такой гипотезы. Первая речь, по-видимому, была связана с поступком, делом, когда слова, еще не вышедшие из фразы, заменили старые жесты, так как голос проникал дальше, чем они, и доходил до тех, которых хотели известить о чем-либо, но не могли видеть. Если бы у нас был способ собрать такую информацию, мы могли бы попытаться «поднять» самые употребительные слова, в особенности глаголы любого языка, и дойти до первичного источника их происхождения в соответствии с ремеслом.

В узком смысле язык символов появился, когда слово, едва вышедшее из «жильной породы» фразы, было использовано для передачи какого-то чувства или мысли.

VI. Мутация жеста

Хотя происхождение фразы, а следовательно, и языков уходит в темные и далекие времена, психология, традиция легенд и этимология могут под разными именами пролить некоторый свет на механику ее символического языка.

Психологию говорящего всегда можно было понять в состоянии зарождения фразы. Д.-Б. Вико и В. Гумбольдт размышляли над этим вопросом. На основе своего писательского опыта в поисках терминов, способных выразить мысль, они пришли к заключению, что до любой глагольной артикуляции существовала некая внутренняя сила, махание или сотрясение, где просматривался источник всех метафор и архаичная эмбриональная форма теории жестов.

Следует проанализировать механизм, в силу которого предчувствие претворяется в интуицию и сообщает нам о способе, вызывающем необходимое нам слово под давлением так называемой мысли. Рассмотрим понятие «дерево» и спросим себя, как оно формулируется. Первобытные люди беспокоились о существах и вещах, среди которых жили, лишь в той мере, в какой это касалось их нужд и потребностей. Лесорубы доисторической эпохи прекрасно отличали ясьень от березы и дуб от сосны, потому что использовали для разных целей их древесину, кору, семена, листья. Точное слово соответствовало каждому специальному назначению, и никто не испытывал необходимости объединить все виды деревьев в абстрактном выражении под одним словом.

Лишь по истечении некоего, вероятно, весьма продолжительного отрезка времени новаторы, не связанные с этой специальностью, более чувствительные, может быть, к эстетическим аспектам леса, оформили общую мысль о дереве как таковом. Как такое пришло им в голову? Неужели от смешения разных пород дерева несведущими людьми? Или это была подсказка «фонтана» ствола и веток, неровным распусканием листьев? Или же совокупность всех вариантов?

Чтобы облегчить себе ответ, попытаемся уловить то впечатление, которое могло бы оказать на наших предков (как и на нас) высоко взметнувшаяся крона статного дуба и, сверх того, отдельно стоящий образ – величавый и буйный древний лес. Невольное чувство близости, напряженно-обволакивающее усилие сразу охватывает нас, неукротимая мощь эрекции восставших стволов и неисчерпаемая жизненная сила, которую мы подспудно ощущаем в себе с чувством приятя и симпатии. Это объясняет, что встречающийся в индоевропейских языках корень «dreu» (твердый и густой, частый) мог означать в греческом варианте на-

звание дуба, дерева, человека твердого и постоянного. Как дерево является властителем леса, так и человек, говорят «Упанишады».

Пьер Николь отмечал, что человек внешне – зритель, а в глубине души – актер. Этот актер на заре цивилизации первым соединил в одном слове «d'arbre» мысль о дубе, духе лесов и человеке в целом, доказывая нам, что слова не имеют фиксированной или эксклюзивной ценности и смысла, но выполняют некую роль. Пользователь слова поступает как карикатурист, который из всех многочисленных признаков модели выделяет для выработки типажа всего одну достаточно оригинальную черту, но в столь общем виде, чтобы окружающие сумели почувствовать и верно истолковать ее. Если же пользователем выбран жест, он будет таким же определяющим, как тест, и психологи усмотрят в нем синтез характера, живое и трогательное свидетельство о типе человека, символом которого этот жест сможет стать в будущем.

Мы начинаем понимать, что имел в виду Гумбольдт под таинственным первородным импульсом. Именно первое движение в жесте, начало бессознательного проявления мимики и намечают наши мускулы; мы приписываем это вещам, в то время как они подсказали нам движение. Символическое слово, соединяющее эти два понятия (вещь и жест), играет посредническую роль глагола. Здесь мы встречаемся с самым элементарным аспектом теории жеста, в котором Рене Генон усматривал подлинный ключ к символическому языку.

Рассматриваемая в самой обширной концепции, теория жеста требует восстановления непрерывности на всех уровнях того мира, который квантовая физика представляет как мир прерывный, и устанавливает виртуальную связь взаимной ответственности между отдельными состояниями, в особенности когда перво-

начальный жест трансформируется в ритм путем повтора. Ибо действие (немедленное по своему определению) производит эффект последовательным образом и может избежать временного состояния лишь благодаря ритму, управляющему жестами, ритуалами и символическим языком.

Существует родство, говорит Генон, между символом и ритуалом. Не только потому, что любой ритуал является реализуемым во времени символом, но потому, что графический символ приходит на смену фиксации ритуального жеста. В этом смысле слово представляет собой случай тем более чистый, что любое ритуальное слово обычно произносится посвященным человеком, квалификация которого зависит не от индивидуальности, а от его работы, что в равной степени определяет, как мы видели, амплу актера и роль слова.

VII. Первенство ритма

Самые древние языки, дошедшие до нас благодаря письменности, относятся приблизительно к IV–V тысячелетиям до н. э. Чтобы добраться до тех времен, в нашем распоряжении имеются только случайные и ненадежные свидетельства мифов, сохранившиеся в священных текстах, в частности в священных писаниях народов, их декламировавших и сохранивших благочестивое отношение к книге. Это мифы Индии, Израиля и Ислама. Слово здесь представлено как божественное откровение, с которым тесно связан ритм. Именно ритм вручил людям жизнь, она – его проявление, так как любая форма зависит от повтора одного и того же жеста.

В исламских преданиях говорится, что в Раю Адам говорил стихами на ритмическом языке, до того време-

ни бывшем привилегией богов, ангелов и ангельских символов, то есть «птиц». Этот миф является поздней формой, которую приняла в результате длинной родословной историческая традиция, гораздо более древняя, чем нам сохранили и донесли Веды. Изначальный, самый ветхий и поэтический язык назывался там «*sygiaque*», или «солнечный», иначе говоря, «солнечный» – тот самый легендарный язык, чье звучание ведические тексты символически относят к полюсу, где они размещают также первобытный очаг своих предков-арийцев, меж тем как в течение последнего межледникового периода Северный полюс находился в умеренном климате. В греческой мифологии этот околополярный центр индусской традиции стал гипербореической Тулой, а у латинян «*ultima Thula*», островом, расположенным на арктических границах мира*.

В те древние времена поэтический ритм облегчал не только запоминание, речитатив и передачу священных текстов, но утверждал в рассказчике гармонию подсознательных и не всегда скоординированных элементов существа благодаря синхронным вибрациям, распространявшимся по его собственным физическим и духовным каналам. Ибо ритмы, образующие все ценные связи природы от мельчайших глубинных частиц до самых удаленных вовне границ, настраивали человека в соответствии с этой космической гармонией, чтобы он научился ощущать и понимать ее. Человеческие поступки могли теперь избежать спонтанности, продлевая собственную естественную и непредсказуемую ценность и ее последствия во всех направлениях пространства и времени.

*Существуют еще города с названием Тула в России, Лапландии, Ирландии и Исландии, Шотландии и Северной Америке. Тула на санскрите – название Весов, зодиакального знака, который был древним именем Большой и Малой Медведиц, полярного созвездия. См.: *Tilak B. G. The Arctic home in the Vedas. Poona, 1925 (Тилак Б.Г. Арктический дом в Ведах. Пуна, 1925).*

Вернемся к нашему скромному ежедневному кругу-зору, чтобы констатировать, что ритм управляет выполнением любой работы. Он делает ее более легкой, перенося усилие, которого она требует, на подсознание и привычку, благодаря гармоничному согласию дыхания и пения, сопровождающих выполнение данной работы. Подобные песни создавались одновременно с выработкой различных технических приемов, в частности с помощью точного кода жестов, требующихся для успеха в создании шедевра, либо знания «приемов», способных обеспечить выполнение тяжелой работы, снижая угрозу несчастного случая или брака. Мы всегда хорошо работаем, когда правильно и удобно подберем рабочее место. Необходима также правильная поза как для работы, так и для ритма, и обычно мы можем судить о мастере по его жестам, поскольку инструмент, которым он пользуется, является всего лишь продолжением его мозга и руки. Чтобы понять подобную необходимость, достаточно присутствовать при таком коллективном пении, как например, крики «ha-han», исторгаемые с отрегулированными жестами бригадой по укладке рельсов всего несколько лет тому назад, в момент выполнения этого опасного маневра; зрелище напоминало балет, когда, подчиняясь единому порыву, двадцать человек действовали «на одном дыхании».

Именно древнейшие специальности, такие как плетельщик корзин, горшечник, ткач, кузнец или землепашец, обеспечили развитие языка. Словарь любого народа берет начало в ремесле, поскольку ремесло связано с жестами, и даже сегодня, в самых фундаментальных словах можно обнаружить давно исчезнувшие жесты античных ремесленников. Они умели отличать разные виды деятельности, грубые метафоры которых и по сей день служат для выражения самых тонких нюансов мысли. И если мы резонно предполо-

жим, что в начале мира было столько же языков, сколько родов и семей, то только требования по обучению ремеслам и сотрудничество мастеровых между различными группами и племенами позволили прийти к обобщению технических терминов и появлению общего языка, понятного всем.

VIII. Три лица глагола

Язык состоит из слов, выполняющих разнообразные функции, которые древние грамматики именовали «частями речи». Мы попытаемся, взяв в качестве гида Эрнста Кассирера, проследить за постепенным появлением этих слов вне загадочных фраз, идя по следам древнего собеседника. Мы сможем констатировать, в какой степени характером этой прогрессии управляли жесты от лица «я».

Как говорил Гумбольдт, местоимения, заменяющие имена собственные и являющиеся личными, были элементами, которые были выделены раньше других, что в особенности относится к притяжательному местоимению, появившемуся даже прежде личного местоимения. Понятие «я» («мое»), как мы наблюдаем у ребенка, медленно высвобождалось из сонма лиц, среди которых его персону все еще оставалась связанной с семейными предметами, окружавшими его в обязательном порядке. Это, по-видимому, доказывает, что чувство собственности, зависящее от инстинкта самосохранения, не является запоздалым вкладом передовой цивилизации.

Любой разговор или послание предполагают взаимосвязь трех человек, двое из которых ведут диалог о третьем, безгласном или отсутствующем. Здесь не может идти речь о других лицах, ибо третий подразумевает и персонифицирует других, как античный хор.

Именно он присутствует в драме, как неопределенный статист, далеко не так просто выдающий свое присутствие. Неравенство, которое отличает эти три лица, «я», «ты» и «он», геометрически зафиксировано в пространстве по убывающей важности, которую «я», господствующий в центре событий, придает лицам или вещам, удаляющимся от него. Лицо «ты» остается достаточно близким, которого следует считать наперсником, у него испрашивают совета или отдают приказ. Что касается лица «он», можно сказать, что он затерялся где-то в толпе, являясь всего лишь ее символическим представителем. Это – «другой», как сказал бы Платон.

Звучание первоначальных букв местоимений выдает чувства говорящего и степень собственной значительности. Острое «I» в команде «сюда! ко мне!» («ici!»), которой хозяин собаки учит ее понимать и уважать его, характеризует то, что находится близко, и, совершенно естественно, что именно этим словом он и заканчивает команду – «moi» (я). В противоположность этому, «A» с сильным ударением и удвоенное в слове «la-bas» (там), указывает на удаление как в пространстве, так и во времени, в том числе и на угасание проявляемого интереса.

Что касается первоначальных согласных, следует отметить, что буква «M» в слове «moi» (я) ассоциируется с чем-то интимным, задушевым, центростремительным, как например, «Mere» (море), «Maison» (дом), между тем, как буквы «T» и «D» – с центробежными тенденциями: «Triste» (грустный), «Timore» (богобоязненный, богобоязливый, боязливый), «Tardif» (поздний, запоздалый, медленный). Если говорить в более общем смысле, то буквы «T» и «D» – это универсальные идеограммы других, их местоимение в латинском языке («iste») указывает на того, чье имя мы произносим с тем же нюансом презрения или

отвращения, которое заключено в слове «celui-la» (тот), «cestuy-la» или которое выполняет приказ, отданный «toi» (тебе).

Вместе с тремя лицами глагола появляются первые три числа, потому что мы ассоциируем с местоимением «moi» (я) – «Un» (один), с «toi» (ты) – «Deux» (два), а с местоимением «lui» (он) – «Trois» (три), представляющих в самых примитивных языках типа бушменского (Boshimans) неопределенное множество, «много» у нас, а у китайцев «сто», служащее той же цели в сотнях разных случаев, и даже слово «tres» (очень, весьма, пре-) в свою очередь тоже происходит от «trois» (три).

Таким образом, из уважения к своей персоне, к «я», помещенному в центр собственной деятельности, первый заговоривший и стал «выяснять отношения» с окружающими его вещами. А чтобы сделать это, воспользовался позами своего тела и жестами своей руки, сориентированными в пространстве. Сначала это был «указующий перст», указательный палец правой руки, который он направил в сторону предмета, к которому хотел привлечь внимание собеседника, того предмета, который позднее он удостоит имени: «dire» (говорить, сказывать, показывать, выражать) – означает «дать имя», поскольку оно этимологически привязывается к корню, означающему «montrer du doigt» (показывать пальцем). Таким образом, слово появляется как дополнительный жест и вскоре подменит его, что сэкономит арсенал эффективных жестов и к тому же будет иметь то преимущество, что может быть услышано собеседником, видеть которого в данный момент невозможно. Этимологически археология языка столь же трудна и деликатна в интерпретации, как реликвии и знаки, откопанные историками древности, но тем не менее она позволяет нам уточнить символический механизм слов.

IX. Тридцать шесть фактов и жестов

Если в одном из индоевропейских языков мы, обратив время вспять, создадим генеалогическое древо одного словарного гнезда, ведомые идентичностью фоном, мы в конце концов доберемся до корня, будь то простой звук или ономотопея (звукоподражательное слово). Его весьма общий смысл передается с бесконечным множеством нюансов во всех производных ответвлениях. Возьмем, к примеру, ономотопею слова «clac-clac» и корень «fla». «Clac-clac» воспроизводит сухое хлопанье, постукивание двух поверхностей. Отсюда произошло слово «cliquet» (спуск, собачка у часов, трещотка), «cliquetis» (звук, стук от оружия, бряцание), «declic» (пружина, крюк для остановки движения машины, собачка у храпового колеса, крюк у сваебойной бабы), «clanche» (собачка замка), глагол «declencher» (открыть дверь), «cliche» (шум, шорох падающих на мрамор букв набранного шрифта). Латинское слово «clavis» (ключ) дало слова «clore» (запирать, затворять, заграждать, огораживать, обносить забором или стеной, оканчивать, заключать), «inclure» (включать, впадать), «conclure» (заклучать, оканчивать, доказывать, присуждать), «conclave» (конклав — собор для избрания Папы). От латинского «clagus», означающего оглушительный звон, образуются как производное нечто сияющее, знаменитое, откуда берут начало имена королей: Clotaire, Clodomir, Clovis, ставшее Hlovis, и престижные имена из ряда Louis (Луи, Людовик).

Если начнем теперь с корня «fla», который дал латинское «flatus» (дыхание), то мы найдем слова «enfler» (раздувать, пучить, преувеличивать, прибавлять в рассказе, пухнуть, раздуваться, прибывать, надувать парус и пр.), «gonfler» (надувать, раздувать, пучить, наполнять гордостью), «souffler» (дуть, веять,

дышать, пыхтеть, выдувать, раздувать, задувать, сдувать, надувать, подсказывать, суфлировать, перебивать, обшивать надельными досками судно), «flettrir» (делать вялым, иссушать, помрачать, расслаблять, пятнать, бесчестить, заклеить, клеймить преступника), «fiasco» (что означает «degonfle», т. е. выпущенный воздух, облегчение сердца или души, излитый гнев), «flacon» (делать пустым, опустошать), «fou» (пустая голова), «flou» и «flair» (соответственно: нежно, легко, нежный, нежность кисти и чутье, поиск у собаки).

Привязав оноματοпею, или корень, к соответствующим смысловым «гнездам», мы получаем два ряда слов, один из которых происходит от «declic» (щелчок пальцем), а другой от «souffle» (дыхание ртом). Благодаря этимологическому словарю мы сможем таким образом исчерпать запасы языка, составив таблицу производных от нескольких корней, привязанных к одному из наших родов деятельности.

Этимология – очаровательная наука, долгое время остававшаяся искусством, исследования которой навеки останутся основанными на предположениях. Ибо она предполагает, что мы можем реконструировать оригинальную форму разговорного языка на протяжении тысячелетий, начиная с дописьменного периода. Однако при этом она не может сослаться на какой-либо документ или проверенное свидетельство, способные узаконить предполагаемые мутации, два примера которых, ограниченные латинскими корнями и основанные исключительно на законах фонетики, мы только что привели.

Эти законы, как представляется, доказывают, что существует некоторая связь, омофоническое родство, между звуком и смыслом, «жестом» и его языковым выражением. По этому поводу у лингвистов существует две противоположные позиции, в свое время сфор-

мулированные Платоном и Аристотелем. Ученики Платона утверждали, что связь, соединяющая слово с его смыслом, спонтанна и основана на природе вещей, между тем ученики Аристотеля полагали такую связь условной и произвольной. Это последнее мнение, обновленное и подхваченное знаменитым Ф. де Соссюром, сегодня вновь становится предметом спора.

Если мы попытаемся погрузиться в самые ранние периоды истории человечества, когда должно было появиться первое звучание слов, то согласимся, что произвольное наименование поступков и вещей противоречило обычаям первобытного человека, повиновавшегося прежде всего инстинктам. Всякий раз он внимательно и как можно более натурально старался передать объективную сторону вещей или субъективное чувство, которое испытывал, и присущий ему несравненный талант наблюдателя требовал неукоснительного следования этому принципу. С другой стороны, учитывая, что позднее необходимо было прийти к согласию относительно легитимизации слов, мы должны объединить оба тезиса в один, оставляя ценности, присущие каждому из них. Следовательно, можно сказать, что последующее согласие в случае, если оно должно было произойти, одобряло состояние достигнутого уровня как соответствующее здравому смыслу.

Материнские корни, как можно рассудить, играют роль не вещей, а зародышей дел, фактов или жестов, повинуюсь функциям наших органов в пределах обжитого пространства. Они крайне малочисленны, и лингвисты полагают, что ни одному из известных языков не требуется, чтобы стать разговорным, больше сотни фонем, а в принципе он обойдется и много меньшим числом.

Именно тактильные органы и мускульные продолжения их чаще всего становятся источником метафор языкового посредника. Для классификации знако-

мых ему животных древний человек использовал способы их передвижения и различал тех, что летают, плавают, ползут или ходят. Когда же речь шла о классификации чувств, выходящих за рамки осязания, например цвета, вкуса, запаха, «эстафетная палочка» снова переходила к тактильным метафорам в связи с богатством их словаря, в особенности с запасами языка символов, приобретенного с помощью руки. Еще и сегодня мы вынуждены выражать наши внутренние чувства с помощью внешних образов и говорить, например, о терпком вине, теплых красках, сладком аромате. Иногда это приводит к абсурдным, но символически оправданным и вполне понятным выражениям типа «remplir un devoir» (выполнить, буквально – заполнить задание), «ouvrir une parenthese» (открыть скобки) или «embrasser une carriere» (поступить на службу).

Несмотря на то, что метод неточен и приближителен, результат оказывается превосходным. Он напоминает машину, собранную с огрехами и грубо отрегулированную. Она заведомо обречена на некоторый процент осечек, но без полной поломки, тогда как абсолютная жесткость соединений сделала бы ее неработоспособной. То же самое можно сказать о языке символов. Чем более расплывчато и туманно слово, тем больше подобий и сходств формы, цвета или вкуса оно вызывает в памяти, что и ценно. Именно это предвидел Верлен, некогда и еще так недавно, когда советовал поэту:

Il faut aussi que tu n'aïlles point
Choisir tes mots sans quelque meprise...
(Тебе следует также не ходить
В поисках слов без некоторой доли презрения...)

Уж он-то сам не чурался презрения. И то, что казалось ему фантазиями собственной музыки, на самом де-

ле было законом символизма, который иллюстрировал все образцы стиля, метафоры, синекдохи, метонимии или катахрезы, передающие аналогию, ассимиляцию или сходство. Этот закон основан на первопричине, которую мы приписываем не вещи, обозначенной словом, а общей сути, к которой привязывается ее функция. Мы постараемся проверить этот закон этимологически.

Одним из первых жестов первобытного человека была вытянутая рука, чтобы схватить то, что он желал. А все слова, означающие «взять», должны также означать «avoir l'intelligence de» (иметь понятие о), «saisir» (схватить), «comprendre» (понять), «piger» или «pieger» (поставить западню). Слово, мозг и рука связаны таким образом, что слово становится рукой, которая на расстоянии выполняет ту же функцию. Латинский глагол «cogitare» (cum-agitare, cogiter – размышлять) означал «agiter ensemble» (совместно, вместе возмущать, колебать, качать, махать) и в конце концов стал означать «возмущение», как «волнение», «мысль». Латинский глагол «intelligere» (понимать) означает «choisir entre» (выбрать между), что является самым точным определением слова «intelligence» (разум, понятие, смысл), означающего непрерывный выбор, постоянный расчет вероятностей. Есть лишь те, кто плохо выбирает, значит, можно предположить, что только случай благоприятствует тем, кто выбирает хорошо.

Латинский глагол «putare» означал поначалу «резать, рубить, подрезать деревья». Но, дробя вещи на части, мы их считаем, откуда смысл слова «считать» «рассчитывать», «взвешивать». А взвешивая, мы оцениваем, откуда «putare» в конце концов приобрело значение «juger» (судить, решать, рассуждать, думать, воображать себе) и «penser» (думать, мыслить, полагать, размышлять, рассуждать).

Если и существует некое первое и оригинальное свидетельство, то это само рождение. А во всех языках существует тесная связь между «naissance» (рождение, род, происхождение, начало) и «co-naissance», основная цель второго рождения – посвящения, которое Поль Клодель разыграл в своем «Поэтическом искусстве». Корнем этого гигантского гнезда является «gen», «gon», «gn», отсюда латинское «gens» (семья), а затем «genese» (происхождение), «genealogie» (генеалогия). Греческое «gonos» (ребенок) дало слово «epigone» (ученик, учащийся, последователь), «gynese» (гинекей, женская половина дома у греков), «gentil» (из честного рода, с добрыми качествами, благородный), глагол «engendrer» (рождать, родить, порождать, производить, причинить), «generaliser» (обобщать, распространять), «generosite» (великодушные, щедрость). От латинского «ingenium» (природный ум) происходит «genie» (гений, дух, ангел, дарование, талант, свойство, характер), «ingenieur» (инженер), «ingenieux» (изобретательный, искусный, остроумный, замысловатый, хитрый). От латинского «ingenius» (свободный человек) происходит «benignus» (из честного рода, с добрыми качествами), откуда «beni» (благословенный), «benin» (благодущный, добродушный, кроткий), «benoit» (сладенький, приторный, слащавый), затем «naif» (наивный, чистосердечный, откровенный, естественный, нехитрый, простой), «niais» (глупый, пустой, простак, глупец, дурачок), «natal» (родимый, родной, отечественный) и «noel» от «novellus», «an nouveau» (новый год).

Что касается понятий, выражаемых греческим «gnosis», мы обнаруживаем «gnose» (гностицизм, высшая богословская наука), «diagnostic» (диагностика), «gnomes» (гномы, подземные духи), «vers gnomiques, sentances» (гномические, нравоучительные стихи, сентенции) и «notion» (понятие, познание). От латин-

ского «nobilis» (достойный известности) происходит «noble» (благородный, дворянин, дворянский) и «ignoble» (низкий, подлый, гнусный, неблагородный), глагол «ignorer» (не знать, не ведать), «narrer» (повествовать, рассказывать) и «inenarrable» (несказанный, невыразимый).

Лингвисты спорят насчет того, что раньше – имя или глагол – возникло в туманной древности. Но поскольку словам предшествовала общая мысль о каком-то действии, которое нужно было выполнить, именно глагол должен был воплощать в себе эту мысль. Имя часто происходило от глагола, застывшего в состоянии, или, вернее, в форме, такой как «участующий» (participant) или «участник» (participle). Индусский грамматик Панини уже признал глагольный характер корней слов, а Ф.-М. Гримм заявил: «Глаголы и местоимения, по всей вероятности, являются подлинными рычагами языка»*.

Начиная от древних языков с преобладанием глагольных форм и до английского, заменившего их наречиями и предлогами, мы наблюдаем постоянный недостаток экспрессии, которая тем не менее не лишает фразу смысла. Это – результат естественного упрощения, сужающего возможности языка в процессе его употребления. Подобный износ выявляет неизменяемые элементы, выделяет скрытые импульсы, о существовании которых подозревал Гумбольдт, «оставляя жизнь» лишь тем активным корням, которые аббат Берже уже давно признавал и считал малочисленными.

Попытавшись классифицировать французские глаголы, распределив их по разным группам, каждая из которых соответствует жесту с определенным направлением и позиции, передаваемой с помощью предлога или наре-

*Рауль де ла Грассери сделал эту мысль темой своей книги «О глаголе как о генераторе других частей речи» (*Grasserie R. De. Du verbe comme generateur des autres parties de discours. 1914*).

чия, таких как «avec» (с, из, на, при), «pour» (для, ради, от, вместо, из-за, к, за, в, на), «vers» (к, на, при, в, около, о, под), «entre» (между, в, меж, посреди), «dans» (в, во, из, на, по, при, с, через), «autour» (вокруг, вокруг, кругом), «à partir de» (начиная с), «contre» (против, от, возле, подле, у, вопреки, к, на, о, об), «au-dessus» (над, на, выше), «devant» (перед, пред, мимо, против), «depuis» (от, с, после) и т. д., мы приходим к тридцати шести группам, которыми исчерпывается разнообразие возможных жестов. В каждой группе любой глагол, передающий некое коллективное действие идентичной структуры, можно заменить глаголом той же группы, в чем мы можем убедиться, замещая их друг другом в фразе, хотя на самом деле они не являются синонимами*.

Так как уже давно животные, растения и минералы оказались классифицированы в соответствии с их структурой, лингвистика, естественно, воспользовалась тем же методом, поскольку уже с самого начала человеческий ум поступал таким же образом. И неудивительно, что мы обнаруживаем его присутствие в структурах народных сказок, драм и мифов.

Во время своих бесед с Эккерманом Гёте замечает, что, по мнению Гоцци, венецианского театрального драматурга, по-видимому, не существует более тридцати шести возможных трагедийных ситуаций. Гёте добавляет, что Шиллер потратил много усилий, чтобы найти больше, но не приблизился и к тем самым тридцати шести. Не менее примечательно, что один русский этнолог и лингвист В. Я. Пропп в своей ставшей классической книге, где он подсчитал и разобрал механизмы чудесных сказок, свел число функций героя и ситуаций, которые из них проистекают, к тридцати одному. Аналогично любому рассказу, сюжетом фразы может быть герой сказки, персонаж драмы, или бог – творец мифа.

*См. таблицу этих групп в Приложении 1.

И совершенно неудивительно, что их поступки также укладываются в те же тридцать шесть групп; они ограничивают и наше поведение, поскольку одна и та же система символов проявляется во всех случаях жизни*.

Но разве не странно, что это вещее число «тридцать шесть» считается у французов идиотизмом, указывающим на переход в область неопределенности, между тем как число тридцать один в разговорном, обиходном языке указывает на более высокую степень правдоподобия**?

Х. Топологическая аналогия

Мы надеемся, что смогли показать, что умственные упражнения, начиная с употребления языка, не могут рассматриваться в отрыве от своего действующего начала. Поступая так, человек гуманизировал пространство, мысленное обладание которым шаг за шагом приводило к эффективному, действительному обладанию им. Действуя вместе во время выполнения обыденной работы, ум и рука (с ее многократно повторяющимися жестами) последовательного создавали новое качество освоения мира. Наше познание вселенной было «ручным» и «пешим» до того, как стало визуальным. Осознавая направление взгляда, полноту и эффективность движений, человек создал активный образный словарь, который, естественно, применил к своим первым опытам по геометрии. «Почти все наши простые или умные поступки, – говорила Симона Вайль, – являются воплощением наших геометрических понятий. Все-

*См.: *Polti G. Les trente-six situations dramatiques, 1895 (Польти П. Тридцать шесть драматических ситуаций. 1895); Пропп В. Я. Морфология сказки. 1928.*

**Это число «trente et un» (тридцать один) является искажением слова «trentain», названием роскошного сукна, основа которого состояла из тридцати сотен нитей. Что только подтверждает мысль о предельном совершенстве, приписываемом числу 31.

ленная, в которой мы живем, является тканью геометрических связей, а геометрическая необходимость — это такая категория, в которую мы помещены как существа, заключенные в пространстве и во времени».

Сначала математики отвечали на утилитарные требования и социальные потребности. Они прибегли к подсчету количества урожая и поголовья животных, размежеванию земли, расчету архитектурных конструкций и движения звезд (от которых зависело и по-прежнему зависит наше «знание Времени»). Первоначальные понятия разрабатывались постепенно, начиная с осязаемых результатов в практике, отвечающей потребностям каждого дня.

Итак, интуитивная геометрия инстинктивно базировалась на двух фундаментальных понятиях: порядке и непрерывности, позднее описанных Лейбницем и представляющих собой условия нового метода, который он назвал «*analysis situs*», или анализ ситуации, иначе говоря — таких же простых способов, как «*extensions*» (протяжение, вытягивание, напряжение, растяжение, распространение, расширение власти, широкое толкование), «*regressions*» (перестановка одинаковых слов в разном смысле: «*Nous ne vivons pas pour manger; nous mangeons pour vivre*» [Мы не живем, чтобы есть; мы едим, чтобы жить]), «*exclusions*» (исключения, выключения), «*convergences*» (стечение в одной точке, конвергенция), «*connexions*» (связь, сродство) и всех прочих фигур, которые также образуют основу (мы это увидели) обычного механизма мысли, выражаемой нами с помощью жестов и глаголов.

С самого начала данного исследования мы попытались показать, что для того, чтобы выразить свои мысли, человек заимствовал экспрессивные средства у формы предметов и движения окружающих его фигур, нимало не заботясь о внутреннем мире природы этих вещей. Единственное, что, на его взгляд, было

важным, это их внешний вид, направление перемещения, которое могло послужить ему ссылкой и приблизительным символом. Такую функцию в конце концов захватили глаголы в союзе с наречиями и предлогами. А динамику мысли, предшествующую слову, расположили в преобразующие группы математическим способом. Классифицируя глаголы по тридцати шести группам, каждая из которых соответствует определенному жесту, мы только применили к языку логику построения групп. Эта логика была основана на взаимозависимости связей, определявших новую топологию, в которой соответствующая природа вещей не изменялась в результате «навязываемых» им перемещений, а идентичный метафорический смысл оставался неизменным в сонме разнообразия глаголов в группе.

Таким образом, концепции, с помощью которых мы интерпретируем мир, обладают характером некоей группы, которая, как сказал Ж. Пуанкаре, предсуществовала у нас в голове и засела там до такой степени, что мы можем думать только в соответствии с этими концепциями. Это нечто от математики в чистом виде. Она обуславливает наши способы экспрессии, поскольку мысль всегда глобальна. Она не отличает сходства (гомологии), скорее всего, она им просто пользуется. Она не индивидуализирует свои образы, которые во многом зависят от разбуженной мечты, как то облако, в котором Гумбольдт видел одновременно дельфина, ласку и верблюда. Она охватывает только группу элементов одной формы, только одну позу или состояние, только одно направление жеста, образуя общий знак, характеризующий наш кратковременный интерес. Язык не может достичь большей точности, чем та мысль, которую он пытается передать и смутность которой облегчает ему экспрессивное выражение. Переходя от жеста к символу, мы можем, таким образом, сказать, что механизм языка знаков и наша мысль используют простую топологическую аналогию.

Глава II

МИР СИМВОЛОВ

Символ – это всего лишь фиксация
ритуального жеста.

Р. Генон

I. Амбивалентность символов

Мы подошли к генезису символического языка, начав со слов, адресуемых органам слуха и практикуемых по преимуществу и с любовью кочевыми народами или пастухами, деятельность которых распространяется на животный мир, такой же мобильный, как и они. Вот почему их языки так богаты выражениями движения.

Что касается оседлых народов, земледельцев и строителей городов, они, естественно, разрабатывали богатство растительного мира и мира минералов, пользуясь символическим языком фиксированных знаков, адресуемых зрению, таких, например, как письменность, архитектура и искусство ваяния, в то время как письмо само по себе было фиксацией языка.

Тем не менее пополнение познания бытия скорректировало как раз то, что имело исключительные свойства. Кочевые народы, странствуя в пространстве, создавали поэзию и музыку, основанную на рит-

мах времени. А оседлые, привязанные к месту на протяжении времени, пристрастились, в частности, к искусству ваяния, которое зависело от чисел и геометрии, были данниками пространства. Именно эти пространственные формы символического языка и займут теперь наше внимание.

Наше познание мира шло путем исследований, которые наши органы чувств осуществляли во вселенной, пытаясь отождествиться с ней. Эта аналогия, которую древние традиции относили к области, расположенной между микрокосмом и макрокосмом, является подлинным ключом идеографического, образного символического языка, использующим элементы природы для выражения концепций, сложившихся в уме. Вот почему духовный мир отражается в зеркале видимых вещей в обратных картинках. В древних священных писаниях символизировалась эта гуманизация космоса в образе Адама Кадмона («Адама первоначального») в каббале и Человека Вселенной в Исламе. Подняв голову к облакам и поставив ноги на землю, древний Адам овладевал космосом, познавая духовный мир в небе, физический мир в промежуточной зоне воздушного пространства и плотский, чувственный мир на земле – мифическая концепция, которая в западном герметизме соответствует первобытному «андрогину».

Понятие «андрогин» имеет то достоинство, что вводит в символический язык дополнительную двойственность, которая объясняет свойственную ему амбивалентность.

Ибо любой символ может иметь по крайней мере две противоположные интерпретации, которые должны слиться, чтобы он обрел свой полный смысл. Эту амбивалентность можно узреть даже при исследовании словаря. В еврейском языке, например, слово «shet» (змея) имеет два противоположных смысла: это фундамент и руины, что подтверждает оба смысла

устаревшего герметизма. В латыни слово «altus» означает «верх» и «глубокий», а слово «sacer» означает «святой» и «проклятый». То, что мы могли бы геометрически изобразить с помощью прямой линии, вертикальное направление которой можно принять как два противоположных направления сверху вниз и снизу вверх, то это соображение могло бы облегчить толкование функции языка символов.

Что нас останавливает прежде всего перед понятием амбивалентности, так это не направление движения, а различное качество, которое мы привязываем к каждому из направлений. Ибо каждый жест, выполняемый человеком, искажается и сопровождается большим коэффициентом эмоциональности, и, следовательно, каждая зона пространства, в которой он движется, заряжена качеством его впечатления, отражающим удовольствие или страх, порождаемые им, препятствия или легкость, которые он несет в себе самом. Здесь присутствует наследственный комплекс, толкающий нас приписывать различную ценность и качества правой и левой стороне, а также тому, что находится вверху и внизу.

Если, например, согласно западной традиции, правая сторона активна и благотворна, левая сторона пассивна («угрожающая»), и совершенно иное положение в древней китайской традиции, где считается, что правая рука «yin» женская, поскольку она подносит пищу ко рту, что является низшей работой, между тем как левая рука «yang» (мужская) считается праздной и бездейственной.

Человек «двусторонний», походка которого – ритмическое балансирование, делит, таким образом, мир на две противоположные, но дополняющие друг друга половины, отражающие таинственную асимметрию головного мозга, как с анатомической, так и с функциональной точек зрения, поскольку левое полушарие

ответственно за «разговорную» зону, тогда как правое руководит немой деятельностью мысли посредством знаков, образов и звуков.

В ретроспективе вида эта поляризация восходит ко времени задолго до появления царства животных, поскольку она проявилась уже в живой клетке. Без этой первобытной асимметрии не было бы жизни; на это указывал еще Пастер, считавший, что условие ее появления заключается в равновесии двух противоположных сил.

Специалисты в области психотехники, графологии и тестирования характеров и признаков допускают наличие различного психического смысла направлений в пространстве. Весьма примечательно, что они пришли к одному и тому же выводу о сходстве и соответствии, которым учили древние традиции, хотя иногда эти традиции могли казаться странным образом сокращенными, когда их адаптировали к какой-либо специальной области.

Что касается графологов, они утверждают, что горизонтальную поверхность листа бумаги можно рассматривать как некую плоскость, на которую можно спроецировать изображение индивидуума, оставившего здесь несколько письменных строчек. На такой плоскости, выстраиваясь этажами сверху вниз, распознаются все три классические зоны – духовная, психическая и телесная.

Посредине располагается, конечно же, объединенный центр внутренней жизни, совесть нашего «я». В верхней зоне слева размещается область умозрительной духовности, а справа – область активного интеллекта. В нижней зоне левая часть относится к социальным инстинктам пассивности и повиновения, а правая – к импульсам инициативы и свободы.

С другой стороны, если с помощью вертикальной линии мы разделим среднюю часть на две половинки,

то левая часть, управляемая правым полушарием мозга, кажется, посвящена прошлому, а правая, управляемая левым полушарием головного мозга, – будущему. Впрочем, любопытно констатировать, что дурную репутацию левой стороны можно объяснить экспериментальным путем. Она, вероятно, связана с травматизмом при рождении, которому левая сторона эмбриона, кажется, подвержена больше вследствие своего внутриутробного положения.

Естественно, что любое движение, исходящее из центра и направляющееся в правую сторону, идет в сторону внешних проявлений, в то время как при движении влево оно находит убежище в проявлениях внутренних. Итак, мы могли бы сказать, что левая сторона включает в себе наследственную и рецептивную части, социальную сторону и конформизм индивидуума, в то время как правая проявляет созидательную оригинальность и своеобразие, экспансивную волю. И всякий жест, таким образом, одухотворится, поднимаясь кверху, и материализуется, опускаясь вниз.

На такую характерную кинематику можно было бы возразить, что она применима лишь к письму западных языков, пишущихся слева направо. Ничего подобного. Ибо тестировать традицию можно как раз с помощью ее письма. Семитские народы, евреи и арабы, которые пишут справа налево, выдают, таким образом, постоянный возврат к предкам, чрезвычайную верность природе своей расы, своей специфической единственности, доходящей до религиозной нетерпимости.

Поскольку народы, включая китайцев, пишущие справа налево и сверху вниз, доминируют в мире, именно приверженность природе расы оказывается преимущественной, если имеет место периодическое возвращение к первобытной духовности, а также к по-

зитивной тенденции, придающей больше значения результату, чем методу, используемому для его достижения. Мы не можем сказать, что этот анализ противоречит свидетельству психологии рас.

Из такого положения вытекает, что мифическое пространство играет, по-видимому, руководящую роль в зарождении тонкого умозрения и абстрактной мысли. Понятия «верх» и «низ», «справа» и «слева», прежде чем пройти испытание материей, были уже записаны во внутреннем мире, квалифицированы с самого начала посредством проявления космоса в нашем виртуальном сознании. Именно различные традиционные концепции этого проявления мы собираемся кратко рассмотреть согласно их символическому языку, начиная с неба и кончая землей.

II. Небесный мир

Первобытный человек соизмерял опасность, исходящую от противника, или значительность препятствия, встречавшегося на пути, с их величиной и размерами, в которых, как и мы, он видел знак силы. Перед лицом чрезмерных, колоссальных просторов природы он должен был чувствовать себя безоружным, испытывать трепетный страх и уважение. Ничто не могло казаться ему превосходящим по грандиозности страшную, неизменную и недоступную трансцендентальность неба, угрозы которого скрывались за темным покровом туч и облаков и проявлялись во время гроз, внезапно обрушивавшихся на него, меча оглушительные громы и сверкающие молнии.

Первобытные человеческие существа, естественно, предполагали, что по ту сторону небесного свода простирается царство капризной авторитарной силы, которую они называли Высшей, поскольку она оставалась

для них невидимой. Эта оккультная сила была тем более таинственной, что она преображалась в лучезарный свет, который каждое утро возвещал появление солнца.

Небесная полусфера, доминировавшая над людьми, сравнивалась с куполом, перевернутой корзиной, сводом, прибитым над землей, с тяжелой крышкой, накрывающей и одновременно защищающей их, как подсказывает имя и миф об Уране. Даже у так называемых цивилизованных народов небо представлялось в виде, например, золотого зонта, защищающего Будду, зонтика восточных правителей, голубя Святого Духа, прикрывающего весь мир своими распостертыми в виде купола крыльями, и даже в виде балдахина, который один возвышается над новым Папой после выбора его конклавом.

Бессилие и немощь, охватывавшие бедного землянина на земле, вызывали у него почтительное восхищение в отношении крылатых созданий, способных свободно летать, достигать эмпиреев и даже, не исключено, быть свидетелями божественного присутствия. Птицы, таким образом, считались посланниками богов, и разнообразные проявления духовной силы связывалось с их крыльями. Птицы, крылья и полет символизировали высшие состояния существа.

Перья на головах великих вождей американских индейцев являются признаком их духовной власти. Крылья Гермеса, посланника богов, прикрепляются к пяткам, освобождая его от силы тяжести, как и легкие ноги буддистских святых, чья походка может стать почти воздушной, или поступь таоистских бессмертных, достигающих с ее помощью островов Блаженных. Этот восхитительный полет, этот подъем духа некоторые избранные, как, например, Мухаммед или Пифагор, в качестве некой привилегии испытывали во сне.

Знакомство с небом позволило приравнять птиц к ангелам и приписать им ангельский или «солнечный» язык, который является чистой поэзией, ритмическим словом, облегчающим доступ в высшие духовные сферы. «Мысль, – говорит Ригведа, – быстрее птицы», а слово, невидимая эманация ума, само по себе крылато.

«Язык птиц» – это речение из Корана, означающее высшую степень знания. Герои – победители дракона, страшного чудовища, воплощения низменных сил, завоевали виртуальное бессмертие и понимают язык птиц. Так случилось с Сигурдом из северной легенды или со святым Матфеем, который слушал голубя Святого Духа, усевшегося к нему на плечо и толкующего откровения из Евангелия, – именно так выглядят скульптурные композиции на папертях кафедральных соборов. Ангел Благовещения, который на примитивных запрестольных украшениях приветствует Пресвятую Деву, также изображен в компании с голубем, который сам по себе является ангелом, поскольку его приветствие крылато (ave – приветствие, спасение и avis – птица). Знаменитый персидский духовный деятель Фарид эд-дин Аттар даже написал поэму из приблизительно 5000 стихов, озаглавив ее «Язык птиц», представляющую собой самое светлое и ясное изложение духовно-мистического учения о душе и жизни*.

Пчела, также имеющая крылья, название которой на еврейском (deborah) имеет тот же корень, что и слово «глагол» (Verbe, dbr), иногда рассматривалась как капля света, упавшего с солнца рассветной порой. Она оставила на губах спящих Платона и Пиндара мед поэтического вдохновения и языка ангелов. Кстати, мед, основа медового напитка, является пищей бессмертия и,

*Перевод Гастона де Тасси (Gaston de Tassy), 1863.

вновь появляясь на природе в первый день после своей зимовки в улье, пчела стала символом посвящения в таинство воскрешения.

Солнце, пронзающее тучи лучами и являющее собой горящее сердце в центре и всевидящее око в зените, – известный символ небесной духовности.

Этот символ с самого начала был принят всеми азиатскими властителями, заимствовавшими у солнца сияющую золотую **корону**, где блестящие драгоценности имитировали блеск светила. У святых также был свой ореол, а атлеты, победители игр, награждались лавровыми венками, символом бессмертия. Острые концы короны античных времен изображали световые лучи, как **рога Овнов**, животных, посвященных солнцу. Именно рог, символ мощи, силы и видимый луч вдохновения, украшал лоб Моисея, что воспроизвел и Микельанджело в своей знаменитой статуе.

Культ солнца был всемирным. В Египте это был Озирис, в Халдее – Ваал, в Персии – Митра, на Родосе – Гелиос. Оно стало Аполлоном по его прибытии из Гипербореи в Грецию прежде, чем его принял Рим. Оно представлялось космическим разумом, который светит и, следовательно, управляет таинствами. Последние происходили в дельфийском храме, название которого происходит от слова «dauphin» (дельфин), рыба Аполлона. В течение шести месяцев, когда солнце склонялось к полярной ночи, его оракул оставался нем. Его возвращение праздновалось с приходом лучшего времени года. Брат-близнец Артемиды-Дианы, родившись раньше нее, потому что лунная ночь предшествует наступлению дня, солнечный Аполлон в конце концов стал почти вездесущим и наделялся многочисленными функциями: ворожея, медика, пастуха, музыканта, стрелка из лука. Он мог убить или вылечить одной стрелой.

Другие божества, такие как Аттис (Attis) и Кибела (Cybele), выбрали трехъярусную **тиару**, символ владычества над тремя ступенями космоса; это высшая корона, которой ныне может гордиться только папа римский, хотя он и отказался ее носить.

Знаменитые представители животного царства тоже посвящены солнцу: это **орел** – король воздушного пространства, **лев** – король пустыни, воплощающий в себе величие, смелость и справедливость. Орел был известен еще и тем, что мог, не повредив зрения, пристально смотреть на солнце и прямо проникать в суть вещей. В Индии божественный орел Гаруда (Garuda), яркий, как огонь, был верховым животным Вишну и воплощал в себе трансцендентальную духовность.

Лебедь, еще одна солнечная птица, сопровождала Аполлона в его зимних миграциях в Гиперборею и связывала, таким образом, между собой северные и средиземноморские земли. Знаменитая «лебединая песня» является одним из видов «языка птиц» и этимологически изоморфна. В Индии в изначальных источниках лебедь (hamsa) является верховым животным Брахмы и Варуны и он же высиживает Яйцо Мира (brahmanda).

Другой солнечной птицей является **феникс**, греческое название египетского «бенпоу», что идентифицируется с пурпурной цаплей. Предполагается, что эта мифическая птица возрождается из пепла и символизирует воскрешение.

Солнечный символический лев слишком известен, чтобы мы о нем упоминали. Поскольку одной из королевских функций было вершить правосудие, вполне естественно, что в Средние века троны государей украшались изваяниями львов и церковное правосудие осуществлялось зачастую между каменными статуями львов, обрамлявших порталы некоторых церквей. Гораздо реже можно встретить волка

вместе с ликейским Аполлоном, что явилось результатом игры слов: «lukos-волк» и «luke-свет». Волк появился, чтобы ясно видеть в ночи.

III. Центр и ось мироздания

Мысль о центре мира, символом которого является солнце, является отправной точкой общего идеологического синтеза, который должен быть приближен к идее о группе, которую мы определили в первой части нашей книги. Эта мысль о центре, в самом деле, является идеей о группе в ситуации, взятой в масштабах вселенной, что предполагает совпадение противоположностей и их равновесие. Сама амбивалентность является всего лишь наименьшей из возможных групп, ограниченной двойственностью двух дополнительных.

Геометрическое представление о центре – точка в середине круга. А географическое – различные традиции – определяют по-разному: Святая земля, Земля бессмертия, Непорочная земля, Земля блаженных, Земля живых, Святые чертоги, внутренний Дворец, Жилище Избранных... Это Неизменная стихия китайцев, ступица космического Колеса, храм Святого Духа. Это может быть сад вроде Рая, город вроде небесного Иерусалима, пещера вроде Агарты (Agarttha), остров вроде Атлантиды, гора вроде Меру (Merou), каменный пуп вроде Омфалоса или проще – полюс земного шара, с земной точки зрения и с точки зрения индивидуального «я» каждого человека.

Круг – это геометрическое развитие центра в его динамическом аспекте, между тем как квадрат представляет центр в статическом аспекте. Вот почему круг символизирует небо, как изображают три круговые ограды небесного Иерусалима, в то время как **квадрат** символизирует землю. Вот почему земной Рай квадратен.

В исламской традиции божественный трон – круг, по которому прогуливается Мухаммед во время своего ночного вознесения. В Индии трон Вишну – это лотос в розетке. Язык символов помещает трон принцев над землей, и если на Дальнем Востоке правителей раньше носили на плечах, то королей франков носили на больших щитах, как еще сегодня носят пап на «*sedia gestatoria*», поскольку, став почти божественными особами, они не должны касаться земли. Так происходит иногда с героями современности, которых триумфально возносит на руки народный энтузиазм, хотя происхождение этого обычая скорее всего участникам этого действия неизвестно.

Земля имеет черты квадрата просто потому, что солнце фиксирует ее оси, благодаря крайним точкам своего пути, которые делят ее на четыре части, каждая из которых представляет собой одно время года и вместе с тем одну из четырех сторон света. Тантрические мандалы (*mandala tantriques*), являющиеся основой для медитации, в виде геометрических образов, составленных из кругов и квадратов, связывают таким способом небо и землю, иначе говоря, охватывают весь космос. Кстати, в обрядовой магии начертание максимального круга (*cercle maxime*) устанавливает пределы защиты от вредных влияний. А пляски крутящихся по кругу дервишей являются способом духовного преобразования.

Две взаимно перпендикулярные линии, составляющие диаметры круга или оси квадрата, образуют крест, наиболее общий геометрический символ. Во всех преданиях он представляет вездесущего Человека, который идентифицируется с Адамом Кадмоном и первобытным Андрогинном.

В горизонтальном плане крест являет собой человека, вытянутого во весь рост во всех направлениях его индивидуальности. В вертикальном направлении

крест объединяет высшие иерархические состояния человека, на которые он может претендовать. Центральная ось, соединяющая эти состояния, от неба до земли, представлена большим числом символов: дерево, гора, копье, колонна, палка, шест с призом (на народных гуляньях), космический столб, лестница, обелиск, колокол, стрела, фаллос, пирамида, пуповина, веревка, цепь, нить... Мы произвольно привели этот скучный перечень, чтобы вновь осветить идею о группе, которую он напоминает, и в то же время о единственном жесте, объединяющем и определяющем, вдоль всей этой идеальной оси, которую можно пройти в противоположных направлениях.

Гора символизирует центр и одновременно ось вселенной. Впрочем, в восхождении на гору есть нечто от естественного очищения, спонтанной духовности, которую, видимо, искал Ницше, занимаясь альпинизмом в горах Силс-Мария, и Домаль, создававший личную Подобную Гору. Высокие места были первым этапом пути вверх, как показывает библейский эпизод с Моисеем, принимающим скрижали закона на горе Синай. Поскольку каждая страна имеет собственный центр, имена священных гор варьируются соответственно с преданиями, выполняя тем не менее идентичную функцию. Это – Олимп у греков, Альборж (Alborj) у персов, Табор (Thabor) у евреев, Каф (Qaf) у мусульман, Потала (Potala) у тибетцев, Белая Гора у кельтов, Меру (Merou) у индусов, К'уанлуан (K'ouenlouen) – у китайцев. Можно даже сказать, что в центре любой деревни колокол, каланча или замковая башня отвечают тем же потребностям защиты, ниспосланной Провидением.

Когда не было горы, выстраивали нечто похожее из кучи камней, «кern» (cairn), курган, пирамиду, зиккурат в Вавилоне, гору-храм в стране кхмеров или девятиэтажную буддийскую пагоду в Китае. Поднятые

камни, бетили (betyles) и менгиры являются таким же пристанищем божественного вдохновения, как Дельфийский Омфалос, близ которого пророчествовала пифия.

Самым распространенным вариантом осевого центра является **дерево**, которое доэллинская цивилизация сделала культовым. Это дуб в Галлии, липа в Германии, Яггдрасил (Yggdrasil) в Скандинавии, береза в Сибири, олива на исламской земле, смоковница-баньян в Индии, бамбук в Японии. Не забудем упомянуть в более узком смысле масонскую акацию, еврейское миндальное дерево, китайскую вербу, аполлонов лавр и омелу друидов.

Посаженное посредине вселенной или в ее центре мировое дерево, как жертвенный индийский столб, обеспечивает связь земли и неба. Вертикаль дерева, вечная или постоянно обновляемая зелень, все три его уровня – корни, ствол и листва – соединяют землю с миром небесным, эфирным и рассветным. Его сок – это нечто вроде земной росы, а его плоды, яблоки сада Гесперид или Райского сада, являются пищей бессмертных. Как сказал Данте, «дерево живет за счет своей вершины». Что передает эзотерический образ перевернутого дерева, корни которого – листва, а листва – корни, и которое может таким образом питаться небесной росой.

Самой важной темой, связанной с деревом, является тема древа жизни, по бокам которого в иранском искусстве часто изображаются два обращенных друг к другу павлина – воплощение космической двойственности. Фонтан, символ вечного омоложения, омывает иногда подножье дерева и, переливаясь, делится на четыре потока, текущих в пространстве по четырем направлениям. В Библии оба павлина были заменены деревьями: деревом познания добра и зла и деревом жизни – тройственность,

каббалистическим эквивалентом которой является сефиротическое (sephirotique) дерево с тремя побегами.

Когда при строительстве зданий камень с опозданием заменил дерево, **колонна** из тесаного камня стала, в свою очередь, осевым символом. Корзина из изваянных в камне листьев, украшающая капитель, является подобием изначальной растительности, собранной в пучок.

Лестница – еще один образ оси. Вспомним лестницу Иакова, по которой поднимались и спускались ангелы. Эта мистическая лестница, перекладки которой отмечали этапы духовного прогресса, существует и в буддизме, а также представлена в египетской «Книге Мертвых».

Веревка – тоже очень древний символ вознесения. Вместе с ней появляется новое, более сложное понятие, отличное от оси: это узлы, соответствующие различным ступеням лестницы и применяющиеся для фиксации некоторого состояния, как в благоприятном, так и в неблагоприятном вариантах. В самом деле, в древности, в том числе исламской, орнаменты в форме узла, витого шнурка или переплетения являются охранительными талисманами. Однако есть возможность проникнуть в такие узлы и плетения с помощью эксперимента, представляющего один из ритуалов йоги. В самом деле, развязать узел – это начать освобождаться, и делать это нужно в порядке, в точности обратном тому, который соблюдался при его завязывании. С этимологической точки зрения, это единственный настоящий способ – высвободить петли мертвого узла, не затягивая его. И если Александр ударом меча разрубил знаменитый «гордиев узел», которым ярмо упряжи было привязано к колеснице Гордия, бывшего землепашца, ставшего королем Фригии, то эта псевдопобеда македонского героя в духе рыцар-

ства ускорила его собственный конец. Ибо, завоевав Азию, он тут же потерял ее, скончавшись по дороге домой.

Из всех символов оси **палка**, возможно, является самым общим и самым богатым по происхождению. Начиная с посоха пастора или паломника и кончая маршальским жезлом, она внушает власть, жалуя достоинство и величие. Это – скипетр епископа, кнут боярина, хлыст кавалериста, трость франта, прутик шамана в той же степени, как и древко метлы средневековой ведьмы, если мы вспомним об амбивалентности понятий.

Отметим также брахманскую палку с двойными завитками, которая напоминает **кадуцей** Гермеса, вокруг которого закручиваются в противоположные стороны две змеи, символизирующие поляризованное равновесие двух космических течений.

Скипетр как атрибут королевской власти представляет собой другое качество палки и символ оси, каковым является сам король, выступающий посредником между небом и своими подданными. Основные его функции заключаются в установлении мира и справедливости, о чем должны напоминать меч и весы. А стрелка весов, как и меч, является символом оси.

Одинокая **стрела**, являющаяся еще одним осевым символом, подразумевает вскрытие отверстия, через которое может проникнуть свет, а следовательно, и мысль. Такой она выглядит, как конечный элемент зодиакального знака Стрельца, образованного из трех сущностей: лошади, человека и стрелы, ясно указывающей на прогресс в покорении всех трех состояний.

Нитка – символ, близкий к веревке, но существует в гораздо более сложной форме, поскольку использовалась для создания ткани, представляя собой в древние времена как бы текстуру вселенной. Прялка и веретено, где нить наматывается и разматывается, были зна-

ками судьбы в руках великих богинь, будь то Мойры или Парки, и они работали с песней, как Сирены. Самая старшая из них, Лахезис, пряла человеческие судьбы, но меж ее пальцев проходила только нить прошлого. Младшая, Клото, разматывала нить настоящего, а любимое дитя, Атропос, держала в руках роковые ножницы, чтобы перерезать нить будущего. Гесиод дал им в матери Ночь, а Платон – Необходимость. Эта страшная тройца считалась злосчастной, что, быть может, объясняет, почему в некоторых местах традиционно женские прядение и сучение пряжи были связаны с холодом зимы, ночными замками и запорами, между тем как работа на полях, совершаемая днем и в летнюю пору, предназначалась для мужчин.

Цепочки нитей, элемент непрерывности связывают миры и состояния, в то же время нить жизни неизменно плетет положенную судьбу каждому. Ход челнока взад и вперед представляет, по мнению тайцев, чередование жизни и смерти, вдох и выдох символизирует в Ригведе ритм жизни. В Упанишадах нить одновременно является «атма» (сам, себя) и «прапа» (дыхание). Жемчужное ожерелье – цепь миров, соединенных посредством самих себя (атма). Нить, накручиваемая на веретено, вызывает в памяти колесо с его динамикой. **Колесо** является также символом мира, как и другие цветочные или круглой формы образы: роза и лотос (которые мы встретим далее), а их цветение (распускание) представляет собой проявление жизненного развития.

Но колесо символизирует также построение будущего, случайного и брэнного, бесконечный цикл обновления, весну. «Мир – это колесо в колесе, – как сказал кардинал де Куза, – шар в шаре».

Колесо вместе со ступицей и осью – также солнечный символ, то есть центральный символ. Оно приводится в движение с помощью индусской «чакраварти»

(chakravarti), а тот, кто крутит колесо, является хозяином пространства и времени. Если простой диск представляет собой атрибут Вишну, то колесо колесницы, солнечный атрибут с 8, 12 или 30 лучами, ступица которого – неподвижный центр, является, кроме того, Розой Креста. Тот, кто стоит в центре и крутит колесо, является, согласно ранним верованиям, Человеком универсальным или Высочайшим, для буддистов – самолично Буддой, приводящим в действие «Колесо Закона», которое по смыслу приближается к западному «Колесу Фортуны».

IV. Элементарные посредники: огонь, воздух, вода

Три элемента символизируют влияния, которые земля испытывает со стороны небесного огня в виде света и тепла, в то время как ветер и дождь зависят от промежуточного пространства.

Свет – это видимое проявление невидимого мира, сопровождающее все божественные созидания. Согласно каббале, исходящие от него лучи сотворили такое продолжение, как вибрация, управляющая хаосом. А Бытие ясно выражает это своим божественным «Fiat Lux» («Да будет свет»); им в начале Евангелия от Иоанна предвещается приход Слова.

Это божественное повеление, разделяющее свет и тьму, изначально перемешанные и принимаемые одно за другое, свидетельствует о созидательной мощи и силе, до того сокрытой в ночи непознаваемого. Солнечный свет идентифицируется, таким образом, с разумом и вдохновенным озарением его в момент познания, меж тем как лунный – всего лишь рациональное отражение мысли.

Согласно суфийским изречениям, сердце человека похоже на стеклянный фонарь, в котором его сокро-

венное сознание хранится как некая лампада, зажженная от света разума. Романская символика проиллюстрировала это внутреннее озарение, устанавливая на фронтонах церквей статую Христа, сидящего в **миндалине** или **миндалевидном нимбе** (*mandorle*), от которого исходят лучи, переливающиеся светом. Такой образ мы могли бы приблизить к древнееврейскому преданию, называющего *luz* (или миндаль) ядром, основой, началом, сущностью, орехом бессмертия, что греческая мифология в свою очередь преобразовала в миф об Аттисе, рожденном от девы, сотворившей его из миндального ореха. Раннее цветение миндального дерева, рожденного фаллическим выбросом Зевса, возвещает о весеннем оживлении природы.

Этот венец сияния вокруг миндаля иногда называется **радугой**, **огненным мостом**, соединяющим землю с небом, а небо с землей, и облегчающим переход из мира чувственного в мир сверхъестественный. Радуга – это семицветная лестница, по которой Будда, призываемый иногда этим Великим Мостом, спускался на землю. В Греции она – сверкающий пояс вестника богов, в Индии – блестящий лук Индры, разящий дождевыми или огненными стрелами. Римские императоры и папы были названы понтификами («*pontifes*» – первосвященники, святители), потому что они «раздавали мосты», были посредниками между небом и землей.

Радуга символизирует также опыт очистительного посвящения в таинства, ассоциирующегося с проходом через узкий и страшный мост, уменьшенный до размеров линии «тоньше волоса и острей меча» – именно так описан в исламе мост Сират, открывающий путь к Раю.

Культ **огня** берет начало в духовной природе света. Он восходит к доисторическим временам, а его символический язык поливалентен. Чтобы понять его связь

с вариациями, можно в качестве примера взглянуть на индусские божества, представляющие разные аспекты огня: Агни (Agni), являющийся озарением мысли; Индра (Indra), бог солнца, мечущий стрелы молний, свидетельствуя свою силу и мощь; Сурья (Surya), солнечное божество, согревающее мир. Но Агни являет собой не только озарение разума, а еще и волю, покоряющую и завоевывающую мир, и в то же время сурового воина-разрушителя, он одновременно производитель, очиститель и разрушитель.

Очистительный огонь на алтаре искупительной жертвы всегда сопровождал как восшествие на престол, так и «Божий суд». Именно он дал серафимам эпитет – «пламенные». Именно он в день Святой Троицы опустился на головы апостолов в виде огненных языков, именно он вознес Илию на небо в огненной колеснице.

Молнию небесного огня символизирует обоюдоострый каменный топор (Paraschou-Rama), сделанный, кстати, из метеорита. Это также **молот** скандинавского Тора (Thor), vajra (палица) Шивы и Индры, являющаяся одновременно молнией и алмазом, золотая стрела гиперборейского Аполлона, **меч** Архангела Михаила, **трезубец** Нептуна, в Индии бывший атрибутом Шивы, три зубца которого представляли собой тройное время (прошлое, настоящее, будущее) и три уровня просветления, ставшие тремя жемчужинами буддизма.

В странах ислама во время проповеди китаб (khitab) в качестве символа силы слова держит в руках деревянный меч; также символизирующий Слово обоюдоострый меч выходит изо рта Яхве, как это представлено на некоторых романских раскрашенных рисунках.

В Тибете vajra фигурирует как молния, символ активного проявления небесных сил, в противополож-

ность другому течению, представленному колокольчиком. Именно такое положение и выражает латинская формула относительно любой инициации познания, достигаемого «*mente et malleo*», разумом и колотушкой.

Жар, исходящий от огня, при встрече с материей становился духовным горением всякого испытания и рассматривался алхимиками как горнило испытаний, пребывающее внутри человека, в центре его сердца, однако анатомически расположенном в месте соединения нервов и сосудов, именуемым солнечным сплетением. Поскольку функция огня заключается в преобразовании всего, что он охватывает, из состояния несовершенства в состояние высшего порядка, тантризм уподобляет ее подъему кундалини вдоль центров позвоночника, в которые она въедается, постепенно трансформируя половую энергию в пробуждающуюся духовность. Однако огонь можно низвергнуть и обернуть наказанием, что свидетельствует Люцифер, ангел света, ставший властителем огня преисподней.

Воздух – чистый элемент промежуточного мира, посредник между небом и землей, между огнем и водой. Это – среда, в которой проявляется божественное дыхание, идентичное Слову, истекающему из уст Яхве одновременно с дыханием его ноздрей и представляющему собой созидательную и охранительную силу жизни. В Индии воздух представлен богом Ваю (*Vayu*), повелителем тонких владений, он ездит верхом на газели, самом быстром из животных, и несет знамя, развевающееся на ветру всех восьми космических потоков. Последние связаны с восемью направлениями пространства, которое их определяет, ибо восьмиугольник – промежуточная фигура между земным квадратом и небесным кругом. Афинская Башня ветров также имеет восемь граней, соответствующих символическому языку октав. Воздух – эманация ды-

хания Духа (gouach), который в Бытии перемещается над первичными водами, чтобы разделить их и сотворить мир. Его можно сопоставить с «hamsa» в Ведах, где божественный лебедь на тех же водах высиживает Мировое Яйцо.

Ваю (Vaуu), что связывает, как нить (sutra), цепочку миров – происходит от Атмана (Atma), дыхания мирового Разума. Поскольку вселенная соткана из нити Атмана, человек соткан и сотворен из всех пяти дыханий (вдохновений) чувств, поскольку их циркуляция в сочетании с тантрической энергией кундалини и теологической эмбриологией, не только порождает обыкновенное дыхание, но связывает в одно целое всякую жизненную энергию. Овладение космическим дыханием (prana), которым продолжают заниматься йоги, совершенствует разум, половую энергию и собственно дыхание на тонком уровне.

Когда божественное дыхание разделило первичные воды на абстрактные высшие и конкретные низшие, облака, роса и дождь стали как бы благословенными. Ибо вода земли – это источник жизни. Она представляет бесконечные возможности для использования, сулит развитие и в то же время губительные опасности всякого рода. Окунуться в воду – значит вернуться к истокам. В Индии вода – сущностная форма материи, изначальной субстанции пракрити (prakriti), в то время как будущий мир покоился на дне первичного Океана.

Святой дух – это фонтан Живой воды. Погружение в воду – это регенерация. Крещение – это второе рождение, и любой культ процветал и благоденствовал у водного источника. В Библии колодцы, источники и водоемы играют основную роль в священных местах, где происходят провиденциальные встречи, заключаются союзы и договора.

Луна ассоциируется с водой, как солнце с огнем. Лучась отраженным светом, она представляет собой символ зависимости, а ее периодическое появление – символ обновления. Она – мера времени, отсчитывающая недели и месяцы благодаря собственному циклу и соединяющая в одно целое разнородные ритмы, подобия которых приближаются к ее личным. Она контролирует феномен плодородия и растительности.

Луна стала первым мертвецом, как об этом свидетельствует ее исчезновение с ночного неба в течение трех дней после новолуния. Души мертвых должны пройти через ее сферу, где живут лунные божества: Изиды, Астарта, Артемида, Луцина, Геката и Персефона, которые также являются хтоническими божествами. Лунная сфера символизирует скрытые, рациональные, основанные на рассуждениях знания, что воплощается в образе **совы**, ночной птицы Минервы, богини мудрости. В Индии это конечный пункт Дороги Предков, где разрушаются старые плотные тела, способствуя тем приходу будущего. Это ассоциируется с ролью Шивы-преобразователя, чьей эмблемой как раз и является лунный серп.

Месяц, кстати, является самой распространенной фигурой луны, сравнимой с **чашей** и всеми прочими сосудами, вмещающими обещание обновления, – как Ноев **ковчег** в водах Потопа, собственно представляющий нижнюю половину Мирового Яйца, дополняющая верхняя половина которого – небесный свод. Помимо того, серп месяца представляет букву нун (nun) и в арабском языке повторяет его форму. Согласно исламской традиции, эта буква – рыба, во чреве которой, как Ной в ковчеге, какое-то время был заточен Иона. С точки зрения своего значения, месяц символизирует возрождение к жизни в ежемесячном ритме лунных трансформаций. В древнееврейской каббале буква нун (nun) также связана с идеей возрождения.

Самый распространенный символ сосуда – **рог** изобилия, который включает в себе небесную влагу или молоко материнской груди, напоминающей по форме чашу. Добавим, что некоторые водянистые фрукты, которые можно рассматривать как натуральные чаши для утоления жажды (тыква, лимон, апельсин, арбуз), являются кроме того для теологов символом плодородия из-за обильного количества семян – зачатков будущих плодов.

Легендарным символом сосуда является **Грааль**, чаша Тайной вечери, принявшая кровь Христа, распятого на кресте, и таким образом ставшая чашей всех литургий и признанная всеми сердцем. Именно это подтверждает египетский иероглиф сердца, совпадающий с контуром чаши. И действительно, **сердце** традиционно известно как центр бытия, источник интуитивного разума, и только во вторую очередь – средоточие чувств. Вследствие своего ритма оно является хозяином времени. В Индии это – жилище Брахмы, в Исламе – трон Бога. При бальзамировании во время похоронных церемоний в древнем Египте сердце оставалось единственным нетронутым внутренним органом в теле мумии.

Когда Коран говорит о божественном дыхании, коснувшемся Адама, речь идет именно о прикосновении к сердцу, как утверждает поэт Джили (Djili), поэтому суфии сравнивают духовное зрение с «оком сердца».

Грааль, являющийся и чашей (grasale), и книгой (gradale), представляет собой духовное откровение и в то же время органический быт, догму и ритуал. По древним преданиям, Грааль был выточен из изумруда, упавшего со лба Люцифера в момент его падения – образ, сравнимый с третьим глазом (ugna), этим сакральным наростом, который Шива и Будда носили на лбу между бровей как символ вечности, как раз и утраченный Люцифером при падении с небес.

Круглый стол, где упокоился Грааль, напоминает камень гроба Господня и является прототипом всех алтарей. Это средоточие духовности, и вокруг идеального зодиакального центра, который он изображает, двенадцать апостолов заменены двенадцатью знаками астрологических животных, где позднее будут размещены двенадцать рыцарей Круглого стола, или Грааля. Этот круглый стол. Зодиака – отражение небесного свода, меж тем как Стол сам по себе, согласно Исламу – проекция земли, место явления материальной субстанции, на которой божественный «salame» пишет наши судьбы.

Раковина, как и все виды морских раковин, представляет собой другой водный и лунный символ. Напоминающая, по распространенному мнению, женские половые органы, она – оригинал мифа об Афродите Анадиомене (или морской деве), явившейся на свет из морской раковины.

Жемчуг, плод раковины, подобно миндальному ореху, упавшей с неба капле спермы или росы – символ производящей силы и космической энергии, что поясняет его роль в обрядах возрождения или погребения. Морская раковина из-за странного и таинственного шума, который слышен, если поднести ее к уху, считалась вместилищем и источником звука. Тибетские монахи использовали ее немолчное звучание, чтобы погрузиться в медитацию и понять природу мира.

Поскольку раковина вмещает звук и жемчуг, в Тибете ее рассматривали как созерцательное дополнение к боевой vajra (палице, высекающей молнии) и, таким образом, исполняющей роль **колокольчика**, который и сам напоминает перевернутую чашу, при этом с жемчужиной на месте языка. Это дополнение признавалось и в Китае, где пользовались большой раковиной, чтобы «извлечь» воду из луны, тогда как металлическое зеркало должно было «извлечь» огонь из солнца.

С помощью логарифмической развертки витков, являющихся шифром золотого сечения, управляющего ростом живых существ, винтообразная форма раковины передала свой символический язык спирали.

Сверху **спираль** напоминает план лабиринта, то есть возвращается к центру. Двойная спираль представляет собой оба дополнительных движения – раскручивающееся и скрученное внутрь, эволюцию и инволюцию жизни и смерти. Это также двойное кольцо змей кадуцея, двойной завиток брахманского посоха, двойное движение энергетических каналов (nadis) вокруг центральной чакры sushûta, попеременное движение, осуществляемое девами и асурами, в то время как они пахтают Мировой Океан, чтобы получить напиток бессмертия амриту, возвратно-поступательное движение огнива, добывающего огонь путем трения. Это – символический циклический язык цикличности, напоминающий колесо, также представляющее две взаимопересекающиеся спирали, образующие свастику.

Не забудем о воде, необходимой для жизни и предшествующей зарождению мира. Согласно индусскому мифу, мир произошел из яйца (brahmanda), высиженного лебедем (hamsa) на водах. Эта мысль о Мировом **яйце** присутствует и в других космогониях, например в легенде о яйце, выплюнутом египетским Кперн или же китайским драконом, в легенде о близнецах-Диоскурах, вылупившихся из яйца, снесенного Ледой от ее союза с лебедем, в космогониях Догонов и Бамбаров. В качестве символа рождения и вознесения яйца, высеченные руками Диониса, можно обнаружить на могильных камнях Беотии. Еще и сегодня пасхальное **яйцо** считается символом Воскресения Христа и весеннего возрождения природы. В этом яйце, сферическом, как **Андрогин** платоников, существуют в зачаточном, непроявленном состоянии небо и земля, которые проявились только когда яйцо расколосось на две

половинки в соответствии с действием, аналогичным поляризации Андрогина. Такое яйцо содержало множество существ в одном зародыше, который Веды именуют Золотым Эмбрионом (*hiranyagarbha*), символом потенциальных возможностей всего мира.

После деления яйца действие небес уже нельзя было ощутить непосредственно, так как слепящее сияние солнца позволяло разглядеть лишь его перевернутый образ на поверхности воды. Луна, отражающая его свет, дает о нем только косвенное представление своим прохладным блеском, имеющим иллюзорный характер, и сведено до уровня рационального созерцания, поскольку «созерцать» (*speculer*) – это «наблюдать небо с помощью зеркала» (*speculum*).

Действие оказывается, таким образом, как бы перевернутым отражением Первопричины, образ которой на поверхности воды тоже являет собой символ. Суфии объясняют это тем, что вселенная представляет собой совокупность зеркал, в которых Внутренняя Сущность созерцает себя в различных аспектах всех своих форм. В Японии, например, во всех синтоистских храмах солнечные зеркала встречаются не реже, чем в наших церквях кресты.

Реализация потенциальных возможностей, заключенных в Мировом яйце, происходит благодаря проникновению солнца вглубь (в глубокие воды), что наглядно прослеживается в преданиях о распускании цветка – лотоса, розы, лилии на поверхности вод в плоскости отражения небесного луча, где совершается переход от всемирного к индивидуальному или наоборот.

Цветок здесь – символ пассивного начала. Его чашечка приравнена к чаше, принимающей дождь и небесную росу. Его цветение на глади спящей воды, как у лотоса, или в саду, как у розы, представляет собой вылупление (из яйца) и развертку проявления единого целого.

Цветок как вместилище горизонтального покоя и пассивности является дополнением к активным, вертикально стремящимся символам, которые можно отнести к небесному действию. Таково, к примеру, копье Лонгина, с которого капает кровь Христа в чашу во время обряда Грааля, или кровь Адониса, раненного кабаном, рождающая цветы пурпурного **анемона**. В античности «садами Адониса» называли цветущее возвращение весны.

Лотос, поднявшийся из мрака спящих вод, расцветает на водной глади восемью лепестками, ориентированными в пространстве на восемь направлений. Его раскрывающийся бутон можно сравнить с раскалывающимся яйцом. Индусская иконография показывает нам Вишну, спящего на поверхности первичного Океана, в то время как из его пупка вырастает лотос, в котором сидит Брахма. Впрочем, в Индии различают розовый лотос (*padma*), эмблему солнца, и голубой лотос (*utrala*), эмблему луны. Знаменитый призыв: «О, жемчужина в лотосе!» (*Om! Mani padme!*) выражает божественную экзальтацию в средоточии дхармы (*dharma*), то есть космического порядка.

Персидская **роза** соответствует индусскому и китайскому лотосу. В христианской иконографии – это чаша, принимающая кровь Спасителя, другими словами, это святой Грааль, и он, в свою очередь, сравнивается с сердцем Христа, что ясно указывает на смысл эмблемы Розы-Креста. Это символ воскрешения – именно розами древние всегда украшали могилы усопших. Геката, богиня Ада, всегда изображалась в венке из роз.

Итак, мы можем рассматривать мир как обетованную землю в космическом Океане, как **остров** – в центре его высится гора, а вершину горы венчает святое дерево. Из-под корней святого дерева истекают источники, и в целом это привилегированное место не что

иное, как первобытная концепция космического резервуара, то есть «templum», **храм**.

Этот уменьшенный образ космоса, маленький и ограниченный мир, можно заменить королевским дворцом посреди озера, окруженным рвами замком, садом, разбитым в персидской или японской традициях, обнесенным высокими стенами родовым мусульманским садом или же закрытым монастырем – все это образы обретенного рая. Именно их символизируют самые красивые персидские ковры с множеством цветов, водоемом посередине, обращенными друг к другу павлинами и деревом жизни.

V. Космические посредники: планеты, числа и цвета

Планеты. Небесные тела, звезды и планеты играли тем более важную символическую роль, что все, касающееся неба, носило священный характер; закономерность их движения всегда привлекала внимание астрологов, ставших первыми математиками.

Звезды, впрочем, продолжают пользоваться некоторым престижем, если верить народным симпатиям, окружающим звезды (stars) нашей современности. И не только в примитивном иудаизме, согласно которому ангел бодрствует с каждой из них.

Полярная звезда, играющая роль перво двигателя, вокруг которого вращается небесная твердь, очень рано стала преимущественным символом. В Китае с ней сравнивали мудрецов, в других преданиях она была небесным гвоздем, пупком мира, опорой солнца.

Пятиконечная звезда, или пентаграмма, издавна считалась образом микрокосма человека, это значение унаследовала пылающая звезда масонства. Помещенная между угольником, измеряющим землю, и цирку-

лем, измеряющим небо, пентаграмма стала символом возрожденного человека, мастера, посвященного в таинства и стоящего в мастерской на страже порядка. На мозаиках Помпеи, несомненно, по догадке зодчего, в углу под крышей выложен пятиугольный череп, поддерживаемый крылатым кругом, – обещание воскресения после смерти.

Пентаграмма, будучи тайным опознавательным знаком пифагорейцев, с математической точки зрения соответствует иррациональному числу, золотому сечению, выраженному средней величиной пропорции (1,618), которое Пачиоли, друг Леонардо да Винчи, назвал «божественной пропорцией». Она определяет идеальное соотношение частей человеческого тела, разделенного пупком в соответствии с этим сечением. Кроме того, она управляет логарифмической спиралью роста, в зависимости от которой развитие живых существ не видоизменяет их форм.

Что касается шестиконечной звезды, зовущейся «щитом Давида», – это эмблема иудаизма, знак мира и равновесия, помещенный на официальное знамя Израиля.

Мы уже говорили о символическом языке двух светил – солнца и луны. Он восходит к самой далекой древности; это относится и к другим пяти планетам, известным Халдее и Египту. Удивительная в наше время любовь к астрологии избавляет нас от необходимости доказывать изначальную потребность человека заниматься этими вопросами, и мы ограничимся тем, что отметим соответствие этих планет библейской ангелологии.

К Солнцу привязан Архангел Михаэль, к Юпитеру – Захариэль, к Меркурию – Рафаэль, к Луне – Габриэль, к Венере – Амаэль, к Марсу – Самаэль, к Сатурну – Орифиэль. Принимая ангелов, христианство отвергло их связь со светилами, и только алхимия возродила

взаимозависимость между 7 планетами, 7 человеческими способностями, 7 добродетелями, 7 пороками. Солнцу приписывалась воля, любовь к ближнему и гордость, Луне – воображение, вера и лень, Меркурию – разум, воздержание и зависть, Венере – любовь, надежда и сладострастие, Марсу – деятельность, сила и гнев, Юпитеру – обходительность, справедливость и обжорство, Сатурну – рассудительность, осторожность и корыстолюбие.

Солнце в своем видимом пути через созвездия ежегодно следует путем, именуемым эклиптической, – посередине линии, опоясывающей зону шириной в 17 градусов, определенной зодиаком. Древние делили эту зону сначала на 8 секций, затем на 12 (в соответствии с 12 месяцами в году) и дали им имена заключенных в них созвездий. Греческие астрологи приписали каждое из таких созвездий к одному из 12 великих богов их Пантеона, что преобразовало эту космографию в типологию. Знаку Овен соответствует Афина Паллада, осуществленное знание; Тельцу – Афродита, неизменное плодородие; Близнецам – Гермес, рациональный ум; Раку – Зевс, первоначальное творение; Льву – Аполлон, сила покровительства; Деве – Деметра, аналитический ум; Весам – Гефест, взвешенное суждение; Скорпиону – Арес, революционная трансформация; Стрельцу – Артемида, подчинение принципам; Козерогу – Гера, политическое устройство; Водолею – Гестия, интуитивный ум; Рыбам – Посейдон, социальная самоотверженность.

Числа. Понятие **число** должно было родиться от созерцания совокупности идентичных объектов или предметов, имевших некий общий характер, что подстегнуло мыслительный аппарат первобытного гения рассмотреть их как суммарное повторение одного и того же предмета. Это было первое применение теории групп. Для счета долгое время пользовались ка-

мешками (галькой – calculus) как элементами простых вычислений, используемыми в Китае с той же целью до сих пор, а игра наших детей в шарики является их пережитком.

Приступая к символике чисел, отметим, что понятие о группе, являющееся путеводной побудительной причиной нашего исследования, может облегчить его понимание и, в свою очередь, дать новые познания в этой области. Вначале следует указать на двойственность природы чисел, проявляющих и некоторые добавочные качества. Нужно различать их по основным показателям количества или по порядковым – качества; это различие внешне элементарно, однако в крайних обстоятельствах может завести далеко. Следует также отметить, что «ноль» является не числом, а отправной точкой любого счисления, начиная от единицы, и символом универсальных возможностей.

Единица, 1, всегда считалась символом Сущности, персонального Бога, что не означает «единственный», а просто первый в иерархии власти. Верующий математик мог бы выразить это всемогущество равенством вида $1 = \infty$, то есть Сущность равна бесконечности, что является качественной истиной, которую, вероятно, можно считать количественным абсурдом. Теология отрицания могла даже пойти дальше и предложить другое, еще более абсурдное равенство: $\infty = 0$, то есть бесконечность равна Небытию, что равносильно тождеству Бога с суммой возможного, как уже доказал Лейбниц.

Следовательно, как мы понимаем, атеист и верующий могли бы согласиться с этими двумя равенствами, придавая их членам противоположное значение и рассматривая их либо как тождество, либо как классификацию. Тем не менее когда в колледже в прежние времена первому ученику класса ставили высшую оценку 20, мы могли бы осветить этот факт, как равенство $1 = 20$.

Приступая к разбору символического языка чисел, мы должны, следовательно, прежде всего делать различие между этими двумя противоположными языками, которые очень часто смешивают. Так, цифра 2, которая количественно представляет собой удвоенную единицу, с качественной точки зрения всего-навсего одна из его половинок, которые нужно соединить, чтобы получить ее, что выражается равенством $2 \times 1/2 = 1$. Подобную операцию можно было бы проделать с любым другим числом, например, с 1000; тогда равенство выглядит как: $1000 \times 1/1000 = 1$. Это означает, что чем больше рассматриваемое целое, тем меньше значение каждого элемента. Свобода каждого уменьшается пропорционально числу участников.

2 выражает двойственность, полярность, сексуальность, разделение единицы на мужское и женское начала, активность и пассивность, инь (yin) и янь (yang).

3, триада, усиливает дальнейшее разделение единицы и составляет первооснову ее проявления в качестве утроенного элемента, триады или Троицы. Она представляет собой продуктивный аспект еще неоплодотворенной двойственности, дитя двух или, рассматривая три уровня одного и того же случая, душу духовную (neshamah), душу мыслящую (hoiach) и душу животную (nephes).

В 4, тетраде, мы сталкиваемся с экспансией единицы, поскольку четвертое число является числом проявления Слова во всех 4 направлениях пространства, всех 4 элементах, всех 4 временах года, всех 4 возрастах жизни, всех 4 типах темперамента. 4 – это квадрат и крест, квадратура круга: $10 = 4 + 3 + 2 + 1$ – и циркуляция четверти круга: $1 + 2 + 3 + 4 = 10$, пифагорейский «tetractys».

5, пентакль, представляет собой шар (глобус), материю и жизнь, поскольку состоит из первого четного и первого нечетного чисел: $2 + 3$, то есть самца и самки.

Это все 5 элементов (огонь, воздух, земля, вода и эфир), все 5 чувств, все 5 пальцев руки, все 5 традиционных планет, не считая двух светил, другими словами, это пифагорейская пентаграмма, которая напоминает о золотых пропорциях, представляющих идеального человека, и множество других древнекитайских исчислений, связанных с числом 5.

6 – это макрокосм, мир, сотворенный за 6 дней, стабильность, равновесие, «*natura naturata*», 6 направлений пространства (4 основных горизонтальных, зенит и надир). Это – красота мира и его гармония, представленная планетой Венера, 6 цветов (три первичных: голубой, желтый, красный и три производных: зеленый, оранжевый и фиолетовый). Это – печать Соломона и Человек всемирный.

7 – это число невинности, формирования, существования, это 7 планет, 7 дней недели, 7 нот гаммы, 7 ступеней познания (*trivium* и *quadrivium*), 7 добродетелей, 7 пороков, 7 даров Святого Духа, 7 мудрецов Греции. Суббота (*sabbat*) – седьмой день (день отдохновения) и у евреев число 7 символизирует союз с Богом.

8 – это октава, осуществление, равновесие, отдых, абсолютное согласие, весы каббалистов, крещение христиан, промежуточный мир между окружностью неба и протяженностью земли, конечная точка проявления.

9 – это множество, возвращение, классификация.

10 – это вселенная, сумма, число чисел. Есть 10 сфирот, 10 имен богов, 10 пальцев рук. Есть 10 схоластических признаков (вещество, качество, количество, положение, место, время, связь, облик, действие, страсти). Это – число окружности и ее центр, пифагорейский *tetractys* ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$). Это – основное число, которое почти все народы, использовавшие 0, как то: египтяне, греки, индусы, китайцы, японцы – применяли в своих расчетах.

11 – это грех, по словам святого Августина, поскольку он привязывается к двойным числам ($11 = 1 + 1 = 2$). Это также «главный союз» неба (5) с землей (6). 11 со своими кратными 22 и 33 являются масонскими числами.

12 – это синтез двенадцатеричной и циркуляторной систем. Есть 12 знаков Зодиака, 12 великих божеств античной мифологии, 12 учеников Христа, 12 пэров Франции, 12 рыцарей Святого Грааля, 12 месяцев года, 12 библейских ангелов, 12 колен и 12 патриархов Ветхого Завета, 12 часов дня.

20 – согласно Аристотелю, число изменения; вместе с 2, числом локального движения, и 1000 (число роста) составляет 1022, которое мудрецы Египта, по словам Данте, считали числом неподвижных звезд.

50 – это число юбилея, иначе говоря, $7 \times 7 = 49$ является годом субботним (когда положен отдых), а $49 + 1 = 50$ юбилейным.

60 – основа Вавилонского счета. Это – число идеальное и циклическое, заключающее в себе шестидесятеричную, двенадцатеричную и десятеричную системы одновременно. Оно приобретает смысл, если мы заметим, что год состоит из 6 месяцев по 60 дней в каждом.

64 – является числом символов «Yi-King», **100** – числом завершенного цикла, а **1000** – числом множества.

Цвета. Существует 6 цветов, что хорошо известно художникам и фотографам, а вовсе не 7, если только к ним не прибавить белый, являющийся их синтезом. Три первоначальных – синий, желтый и красный; три прочих – производные от смешения первоначальных: зеленый (синий и желтый), фиолетовый (синий и красный) и оранжевый (желтый и красный). Если мы распределим все 6 цветов по кругу, белый окажется в центре, а черный вокруг. Что касается их символичес-

кого языка, на Западе красный – это цвет животного царства (Адам означает «красный»), зеленый – цвет растительного царства, а белый – царства минералов, хотя в Китае красный противопоставляется черному, как огонь воде, а белый – зеленому.

Двойственность цветов и их дополнительность проявляются вместе с противопоставлением друг другу белого и черного, света и тени, дня и ночи. Например, в индусской Гите (Gita) имя героя Арджуна можно перевести как «белый» и «Я», Кришна же – как «черный» и «Сам».

Белый приписывается солнцу, это предел цветового синтеза. Он – символ смешения, перехода между двумя состояниями или двумя моментами; в античности переход от юности к возмужалости отмечался ношением белой тоги; переход от положения соискателя к положению утвержденного кандидата также в прежние времена сопровождался переодеванием в белое; это переход от жизни к смерти; у древних белый считался цветом траура, как в Китае, цветом крестильных рубах и саванов.

Черный – это изначальный мрак, состояние принципа непроявленности, но также (в ином плане) и цвет внешнего мрака. Он символизирует смерть, пассивность, покорность, траур, подобный покрывалу, накинутому на головы приговоренных к смерти, парусу корабля Тристана, одеяниям кружащихся дервишей, которые скидывают его после танца, чтобы одеться в белое.

Черный – это еще и цвет богинь хтонических (chthonius), темных Дев, камней, посвященных Кибеле, черных, как камень Каабы (Ka'ba). Джелал-эд-дин Руми сравнил этапы развития внутреннего мира суфиев с хроматической шкалой от белого к черному через красный, как в алхимии, когда алхимический черный представляет собой возврат к холодному и равнодушному хаосу, пройдя предварительно через освобождение от красного.

Символический язык цвета имеет астрологическую подоплеку. Марсианский «красный» может быть как дневным, так и ночным. «Красный» дня – мужественный и центробежный, это жизненная сила триумфального эроса, воинская доблесть, богатство и любовь. Пурпур носили византийские императоры и римские патриции, впоследствии его унаследовали кардиналы. «Красный» ночи – женственный и центростремительный; это цвет огня в центре земного шара и в алхимической печи. Это – цвет маточной крови.

Существует желтый цвет солнца. Это – символ молодости и силы, как и золото, в которое облачались императоры и короли. Но желтый луны, бледное золото, считается символом непостоянства, зависти, измены и предательства.

Синий юпитерианский – цвет сдержанности и глубины, цвет воздуха, вакуума, цвет истины у египтян. Светло-голубой вызывает чувство нереальности дневных мечтаний, а темно-голубой, близкий к черному, – образ ночных грез. Кроме того, это чистота и непорочность божественного покровя, подобного покрывалу Девы.

Зеленый венерианский – цвет посредничества растений, цвет очистительных вод возрождения. Поскольку прозрачная вода зелена, изумруд вносит свою лепту в сияние благородного металла.

Фиолетовый сатурнианский – цвет мучеников, цвет рясы епископов и траура вдов.

Оранжевый меркурианский – цвет интеллекта и воздержания.

VI. Земной мир: архитектура

Мы подошли к концу воображаемого спуска, что вывел нас из эмпиреев на твердую почву. По дороге мы видели, как наши предки с помощью космических

явлений выражали свои мысли и чувства, по-прежнему составляющих часть нашего родового мировоззрения. **Земля** откроет нам происхождение других символов, заимствованных из области материалов, используемых для строительства зданий, культуры землепользования и металлургии.

Самым древним материалом наравне с землей было **дерево**, и все детали и элементы строительства остались теми же по форме, функциям и своему символическому языку, когда дерево заменили камнем. Греческое слово «hyle» (дерево) означает кроме того основу существования материи первого мира. Вот почему в масонском языке «Великий Архитектор Вселенной» – это плотник, а Христос именуется сыном плотника.

Используя стволы лесных деревьев для воздвижения храмовых колонн, древняя архитектура нашла блестящее применение естественно совершенным элементам космоса. В Индии, к примеру, первый мастер, демиург Вишвакарма (Vishvakarma) изображается держащим в руке плотницкий топор с мерным прутом, эмблемой которого в Апокалипсисе в руках ангела оказалась золотая трость для измерения размеров Иерусалима небесного.

Замена живого дерева на мертвый **камень**, аналогичная замене кочевой жизни на оседлую, соответствовала чему-то вроде кристаллизации по кругу, это возмещало перенос первых святилищ с горных вершин в глубины пещер. Грубые камни, эти кости Матери-Земли, вырванные из своей теллурической косности, могли быть облагорожены и приведены в божеский вид путем умелого отесывания и преобразования в «вольный» камень, взятый на вооружение масонами, достойный для работ при постройке храмов.

Первобытные люди подбирали в том числе и камни, упавшие с неба. Покорно предоставив полную волю действиям небес, земля получала и до сих пор получа-

ет град метеоритов, считающихся у древних посланиями свыше. Они называли метеориты «громовыми камнями», и между тем это в действительности доисторический кремень. Они приняли «дождь камней» как эмблему плодородия, камни оракулов как Дельфийский «пуп земли» (omphalos), простые грубые камни как черные камни Кибелы, перекочевавшей из Селинонта в Рим в III веке.

Естественным образцом любой архитектуры была, разумеется, гора, символ центра, изображения которого в первобытные времена были, как мы уже отмечали, наравне с такими, как столб буддистов или же Гермеса, бетиль семитов, менгир эпохи неолита, греческий омфалос, индусский лингам, египетская пирамида. Любая постройка, будь то храм, дворец, селение или священный город, считалась центром мира, и такой «mundus» должен был развиваться, как человеческий эмбрион, начиная от центра, точки схождения векторов влияния, исходящих из шести измерений пространства.

Это возвращение к самим себе объясняет, как мы уже видели, «посредническую» роль числа 6 в сотворении мира. Что показывает, почему оно присутствует в систематизации шести законов индийского искусства, помещенных Яшодарой на полях «Камасутры», или в шести принципах китайского рисунка, первая известная редакция которых восходит к «Си-Хо» (Sie-Ho), или в шести правилах, представленных Витрувием в качестве канона античной архитектуры.

Геометрия, первоначально служившая для измерения земли, стала играть новую роль в строительстве и ориентации зданий благодаря небесному компасу и земному угольнику, между которыми идеально размещался мастер-каменщик. Ибо образец всякой архитектуры должен иметь квадратное основание и круглую крышу, как, например, буддийская ступа (stupa) и

исламская кааба (суба). Сверху донизу здание должно обеспечивать переход от единства первопричины к четырем элементам, проявляющим ее. Если бы основание было круглым, оно стало бы квадратным по своей ориентации.

Преимущество круглой формы превалировало еще долгое время, свидетельством чему является «толос» греков, окруженное колоннами святилище и перистиль, которые ведут родословную от примитивной хижины из тростника. Так, «толос» первоначально представлял собой пучок листьев, венец, образованный верхушками стволов, кроной, составлявшей крышу. Круглым был шатер кочевника и периметр античного Рима, поскольку слово «urbs» (город) происходит от «orbis» (круг), так что знаменитое папское благословение «urbi et orbi» («городу и миру») не просто внушительное излишество.

Прежде чем что-либо строить, следовало выполнить геомантические ритуалы, чтобы выбрать благоприятное для постройки место и обозначить его границы. Ибо понятие священной ограды (erkos, temenos) было первостепенным. Ограда окружала родовые владения, дом, жилище, могилу предков, чтобы они оставались запретными для посторонних и были доступны только близким людям своего племени. Слова «sekos» и «erkos», которые сначала означали огороженный выгон для овец, позднее стали применяться к ограждению родовой могилы, а следом и храма (heron). Точно так же «harem» происходит от арабского корня «hrm», означающего запрет.

Изначально латинское «temphan» (от tempare, разделить), храм (temple), обозначало сектор неба, ограниченный авгурами для наблюдения за явлениями природы и полетом птиц, считавшихся небесными вестниками. Впоследствии это слово стали применять к строению, откуда велось такое наблюдение, а затем

возникло слово «созерцание» (*contemplation*), само по себе означающее наблюдение за божественными первопричинами изнутри.

Небесный характер формы круга долго преследовал архитекторов, что отразилось в значении слова «свод» (*dome*). В Китае храм небесного света (*ming-t'ang*) имел круглую крышу, поддерживаемую 8 колоннами, опирающимися на квадратное основание. Ибо, чтобы осуществить квадратуру круга, идущую от небесного свода к квадратной форме земли, нужно воспользоваться восьмиугольником, который сообщается с промежуточным миром с помощью 8 ворот, 8 направлений и 8 ветров.

В египетских усыпальницах потолки были усыпаны звездами, как в масонских ложах. В «золотом доме» Нерона круглый тронный зал был накрыт космическим куполом, день и ночь вращающимся вокруг своей оси. В общем погребении мучеников (*martyria*) у христиан могильные ярусы располагались под куполом, напоминающим своды наших церквей – эта сводчатая крипта приходится далеким потомком первобытной пещере или священному вертепу нимф. Еще в XVI веке короли спали в кроватях, верхняя часть которых называлась «ложе небес». А наше слово «альков», происходящее – через испанский – от арабского «*al'kubba*», означает купол, под которым собирался совет (*diwan*) арабских правителей.

Как город и храм, так и всякий дом является центром мира для его обитателей, местом тишины и покоя, где дети в безопасности, огнем очага, материнским лонном, пробуждающим память. В древнем Китае дом был квадратным, как земля, и открывался навстречу восходящему солнцу. Хозяин стоял лицом на юг, как император в своем дворце. В крыше по центру было устроено дымовое отверстие для очага и еще одно отверстие в земле помогало отводить воду – грубый эскиз образа мировой оси.

Арабский дом, тоже квадратный, окружен двором, квадратным в свою очередь, в центре которого разбит сад и бьет фонтан. В Афганистане квадратные и укрепленные жилища оседлых аборигенов соседствуют с треугольными шатрами кочевников и круглыми туркменскими юртами. Дом солнца «Sioux» – круглый, он поддерживается и крепится к центру 28 столбами, соответствующими месяцу лунного цикла.

Некоторые традиции, например, буддийские, сравнивают тело человека с домом о шести окнах, представляющих собой 6 направлений (5 внешних и одно внутреннее), а христиане считают, что человек сам по себе является храмом Святого Духа. Впрочем, можно было бы сблизить символические языки дома и **одеяний**, которые, согласно святому Павлу, являются «духовным телом» человека. В древнем Китае круглые колпаки ученых и книжных людей и их квадратные башмаки свидетельствовали о том, что они разбираются в небесных и земных материях. Круглый воротник императорской мантии противопоставлялся его квадратным концам.

В повседневном плане самым важным элементом дома была **дверь** и ее порог – переход от места к месту, от состояния к состоянию, от света к мраку, от области мирского к области священного, от бедности к богатству. На языке таоистов выражение «закрывать дверь» означает «затаить дыхание».

Эта символика применима к индусскому «torana», японскому «torii», к порталам наших соборов, поскольку все эти двери открываются навстречу преобразующим шагам, ведущим в «cella» храма, Святая Святых, сердце строения, которое само по себе является небесными вратами. И, в последнем рассмотрении, проход через дверь (ворота) символизирует посвящение в тайные знания. Янус, бог, владевший ключами от врат солнцестояний, управлял кроме того та-

инствами и мистериями. Переход от земли к небу осуществлялся через врата солнца. Отверстие в куполе – это узкая дверь, которую можно сравнить с игольным ушком. В стенах наших соборов образ Христа благословляющего открывается в дверях посреди пасхальной ночи.

VII. Земной мир: сельское хозяйство

Когда дом Бога, «betyle» (beth-el), стал домом хлеба (beth-lehem), алтарь Бога невидимого стал очагом среди полей, способным накормить избранный народ. Первозданная материя, возникшая из водной стихии после разделения хаоса, земля стала элементом плодородия, матрицей, таящей в себе источники, корни и металлы. Она стала Кибелой, «творчеством человечества», как говорил Лукреций, Матерью-Землей для людей, которых она создала, кормит и которых она хранит.

Если огня не бывает без воздуха, то земли не бывает без воды, представляющей собой холодное наследство хаоса. Благодаря корням **растения** имеют природу и происхождение, предшествующие сотворению светил, судя по Библии, и растительность Эдема представляет собой развитие зародышей, происходящих от цикла, предшествующего нашей жизни. Именно так описывается сотворение мира в мифах разных народов. В Японии первичность воды упоминается в легенде о земле, лежащей на рыбе. В Индии, в особенности в Китае, земля лежит на черепахе, у американских индейцев – на змее, в древнем Египте – на скарабее, в Юго-Восточной Азии – на слоне. Движения этих животных вызывают землетрясения.

Но одной воды недостаточно. Чтобы земля стала плодородной, ее необходимо обработать и засеять.

В прежние времена император Китая, а совсем еще недавно король Камбоджи после вознесения молитвы просил небо ниспослать дождь, вспахивая первую борозду **плугом**, лемех которого проникал в почву, как мужской член – сходство, которое можно обнаружить в санскрите, где один и тот же корень означает заступ и фаллос.

Продолжая еще дальше это очеловечивание, первобытные люди, чтобы объяснить рост растений, сравнивали его с женскими божествами – Геей, первобытной землей, Деметрой, обработанной землей, или Кибелой, Матерью-Землей. Впрочем, как первоначальный источник любого плодородия, сельское хозяйство было женским открытием. В то время как мужчина занимался охотой, женщина выращивала и убирала урожай.

Погребение сначала рассматривалось как посадка человеческого зерна, которое должно прорасти. Там же, где сжигали стариков, хоронили и детей. Земля воистину единственная мать, и если человек все еще жив, это происходит только благодаря тому, что он выходец из земли, которая возрождает.

Развитие **зародышей** происходит, таким образом, в сфере мировой живучести, которая объясняет символический язык райского сада, распустившегося на глади вод лотоса и дерева, выросшего из семени, зарытого в землю, на ветки которого садятся птицы, как символы высшего порядка.

Два растительных кормильца, позволившие человеку выжить, это – **зерно** и виноград. Климент Александрийский сравнивал зерно с активной жизнью, а виноград с жизнью созерцательной. К зерну следует присовокупить все другие крахмалосодержащие злаки: просо, рис, фасоль, рожь и кукурузу, происхождение которых, впрочем, пока неизвестно, но которые считались дарами богов. Зерно и виноград были ос-

новными элементами элевсинских и дионисийских таинств, целью которых было открыть посвященным мистерию жизни, приспособляя, как мы уже видели, развитие человечества к растениям, периодическое возрождение и подъем сока которых казались человеку обещанием вечности.

Во время совершения таинств юный Триптолем, сын элевсинского царя Келея, предстал перед Деметрой, подарившей герою колос с зернами, «сжатый в молчании», залог урожаев будущего, как в ином времени и месте Будда в молчании передал собравшимся приверженцам цветок лотоса. Это, кажется, был ритуал освящения колосьев («eroptie»), финальная сцена созерцания мистерии.

В еще большей степени, чем зерно, виноград долгое время считали мессианским растением. Духовному экстазу способствовало опьянение, или, скорее, сравнивалось с ним, а знаменитый персидский суфий Омар ибн-аль-Фарид сочинил поэму «Похвала вину» (Al Khamriya), в которой пишет о «вине наших душ и винограде наших тел». Употребление вина, напитка богов, было средством познания и посвящения в таинства. Его сравнивали с кровью Диониса, а позднее с кровью Христа. Оно порождало мировую плодovitость – растений, животных и самого человека.

Бык и козел, эмблемы животных Диониса, действительно, славились своей способностью оплодотворять, и шествие с фаллосом, связанное со снятием с него покрыва, представляло собой один из элевсинских обрядов. Эти эпизоды изображены в Помпее на стенах «виллы мистерий», соседствующей помимо прочего, как мы обнаружили, с городским виноградником.

Гром, возвещающий о выпадении благодатного дождя, считался чем-то вроде мычания быка, а принесение в жертву козла в дни празднеств Диониса сопро-

вождалось священным пением, породившим традиции трагедии – «tragos-ôidê» означает «козлиная песнь». Эта роль козла отпущения, носителя коллективных грехов племени, могла прояснить процессы «изгнания страстей», которые Аристотель связывал с неожиданной развязкой трагедии.

VIII. Подземный мир: металлургия

Природу подземного мира позволяют представить тьма и ночь. У греков **Ночь** считалась дочерью Хаоса, матерью Неба и Земли, то есть в безвременное мгновение зарождения космоса Ночь окружила мраком его появление, которое, как все творения и метаморфозы, происходило в темноте.

Ночь шествовала по небу, задрапировавшись в темное покрывало; ее сопровождали Фурии и Парки. Она стояла в колеснице, запряженной 4 черными конями, символом 4 ночных часов, что делало ее антиподом Аполлона, правившего колесницей, запряженной 4 белыми конями, символом 4 часов дня. Земной символический язык колеблется, таким образом, между **светом** и **тьмой** (этимологический смысл «янь-уанг» и «инь-уйн»), между стороной земли, освещенной солнцем, и ее темной стороной – чередуясь, подобно танцам на испанских подмостках, они внушали и все еще внушают сооружению наших строений и нашему земледелию ориентацию, закрепленную ранее обрядами геомантии.

Центральное положение тел, расположенных отвесно относительно солнца, называлось «императорским» положением: это само «мировое древо», не дающее тени, как, впрочем, нет ее и у мертвых. Поэтому греки приносили жертвы их памяти в священный полдень, час, лишенный тени, который в наших церквях

является ритуальным временем проведения заупокойной службы.

Своим покровом Ночь оберегала подземные работы Кибелы, которая вначале была богиней гор и передвигалась в колеснице, запряженной 4 львами, солнечными символами, которые проявляли двойственность не только ее небесной, но и хтонической силы, исходящей от жара, скопившегося в земной утробе и способной вызывать чудо обновления.

Проникая в ад (нижнюю и внутреннюю часть земли), мы встречаемся с символами ночи, символами пропасти и бездны, которая является обителью мертвых, что внушает тоску и грусть. Впрочем, как говорил Вергилий, «легко спуститься в Аверн». Но трудно выйти за его пределы, встретиться лицом к лицу с тайной мутации, использовать плодovitость корней или, как говорят китайцы, открыть желтые источники, добраться до другого берега – берега обновленного мира.

Могила – священное место, символизм которого принадлежал горе, керну, кургану, прежде чем в свою очередь переселиться в пещеру, обитель смерти, но вместе с тем и возрождения. Так хоронили своих мертвых семиты, и в Хевроне до сих пор можно увидеть пещеру, где погребены Авраам и Сарра.

Христианская традиция признает за мертвыми, отошедшими в мир иной, некую иерархию посмертных состояний, соответствующую ночи Ада, сумеркам Чистилища и свету Рая. Кроме того, древние разделяли трилогию положения душ умерших на сон без сновидений в Эребе, муки и пытки в Тартаре и сладкий отдых в Раю. Имя хозяина этой мрачной области – Гадес, что по-гречески означает Незримый. Таким именем он обязан маске, сработанной Циклопами и выполненной в форме фригийского колпака, подобием которого покрывали головы освобожденным рабам, и поскольку невидимость, конечно же, считалась выс-

шей степенью свободы, божество всегда желало вернуться в это покрывало благоразумия и осторожности. С почтительной иронией латиняне называли Плутона Плутосом (*plutus*) – божеством, олицетворяющим богатство, ссылаясь на припрятанные сокровища, редкие металлы и драгоценные камни, скопившиеся в земных недрах, и на двойственные символы их стражей. Перед входом в адскую пещеру открывалось пространство, заполненное и защищаемое зловонными миазмами и заразными болотами, в том числе озером Аверн, горой Тенар, болотом Ахерона, подходы к которым охранялись фуриями и трехголовым псом Цербером. Тройственная Геката, богиня смерти, сама всегда находилась в окружении собачьей своры и табуна жеребцов.

Можно было бы удивиться, узнав, что **собаки** и **кони** отнесены к загробной жизни человека, если не иметь в виду, что эти животные, становясь психопомпами, продолжали исполнять функции верных спутников и компаньонов усопших.

Их приносили в жертву, сжигая на погребальных кострах, и Гомер в «Илиаде» показывает нам Ахилла, сжигающего четырех кобылиц на костре Патрокла.

Подчинившись хозяевам, **лошади** стали символом покорности судьбе. Таким образом, участники дионисийских мистерий признавались пригодными для использования в верховой езде богов. Некоторые люди даже становились лошадьми, как Кентавры и Силены, а таоистские наставники выдавали себя за «торговцев лошадьми», другими словами, за верных проводников воли небес.

Древний подземный мир был населен целым сонмом хтонических божеств, среди которых психоаналитики легко узнавали символы наших низших состояний: боль и ненависть, агрессивность и скардность, страх и отчаяние, воплощенные в многочисленных де-

монических существах. Мы и ныне встречаемся с мощью первых космических потрясений, преодоленных разумом Зевса, – Титанами и Циклопами, сражающимися с Гигантами, сторукими Гекатонхейрами, приставленными сторожить их. Следом шли знакомые нам демоны очага и порога, а затем прочие чудовища более общего типа, как, например, китайский «обжора» с вечно раскрытой пастью, лишенный нижней челюсти и непрерывно пожирающий время и все живое.

В основном это были гении огня, хозяева металлургии, восходящей к заре человечества. Ибо работа на кузнице была прежде всего ритуалом – как небесным, так и земным занятием. Эта двойная связь отмечена самим названием железа, «sideros», происходящим от латинского «звезда» (sidus), поскольку первое обработанное железо было извлечено египтянами из метеоритов.

Согласно библейскому преданию первым рабочим был Тувал-Каин. А по-арабски «Каин» означает «кузнец». По индусской легенде, первым кузнецом был ведийский бог Брахманаспати, который выковал или «спаял» мир. Он был не творцом, но демиургом-исполнителем. В подземных кузницах властелины огня – Гефест, Циклопы, Гномы – ковали оружие, каски, мечи и щиты для героев-цивилизаторов; ими пользовались священнослужители Кибелы, дактили на горе Ида, кабиры, куреты и корибанты, исполнявшие воинственные танцы в мистериях на острове Самофракия.

Это оружие было духовным символом. Щитом, позади которого бог обеспечивал свою невидимость, мог служить даже внешний вид окружающего мира. Именно поэтому Гефест запечатлел на щите Ахилла фреску с космическими миражами. Таким же образом Персей победил Медузу, одну из трех Горгон, дав ей посмотреться в отражение на отполированном до зеркального блеска щите.

Меч, агрессивное оружие божества, подобие молнии, представляет собой его светскую власть, как королевский меч, олицетворяющий мир, справедливость и одновременно власть духовную, выразившуюся в поэзии ритмическим строем слов. Вот почему мы можем видеть на рисунках, украшавших старинные романские рукописи, обоюдоострый меч, выходящий из уст Яхве. Меч является, кроме того, молнией, освещающей истину, разрезающей мрак невежества и избавляющей от путаницы узлов.

Это оружие, как мы видели, благодаря своему происхождению, как небесному, так и земному, отражало его двойные возможности. А это позволяет усмотреть в металлах планетарные элементы подземного мира, а в планетах – небесные металлы, что в свою очередь приводит к интересным соответствиям, перечень которых приводим ниже: Сатурну соответствуют свинец и аметист, Юпитеру – олово и сапфир, Марсу – железо и рубин, Солнцу – золото и алмаз, Венере – медь и изумруд, Меркурию – ртуть и карбункул, Луне – серебро и лунный камень.

Вызревшие в недрах Матери-Земли минералы, образовавшись под влиянием небесных светил, рассматривались как эмбрионы, улучшающие свои данные в матрице земли до приобретения ими совершенных свойств золота – ископаемого света, который является воплощенным знанием. Символизм металлургии объясняет язык символов алхимии, тесно с ней связанной, о чем свидетельствуют тройные обязанности китайского императора Хуан-ди, являющегося покровителем кузнецов, алхимиков и таоистов одновременно. Земля была тиглем, природной печью, и плавка металлов была способом достижения бессмертия. Любая кузница была связана с духами подземного огня, они были стражами скрытых сокровищ – как духовных, так и светских. Различные фазы получения зна-

ний и выработки золота были синхронными. Предоставленный собственной природной эволюции мир проявляет тенденцию к упадку в порядке остывания, ассоциирующегося с четырьмя традиционными веками: золотым, серебряным, оловянным и железным. Это духовное вырождение во вселенском космическом ритме проявляется как фаза сжатия земли, за которой должна последовать фаза небесной экспансии по канону, предписывающему периодическую замену эволюции на инволюцию. Эти фазы являются попеременными и одновременными, поскольку, согласно алхимической формуле, «гибель тела есть укрепление духа».

Такая попеременность проявляется в способности «связывать и развязывать», в «*potestas ligandi et solvandi*», в любой операции, зависящей от духовной власти. «Великое Делание» алхимиков состоит в ускорении ритма природных колебаний, чтобы достичь, как и любая операция посвящения, второй фазы, фазы возврата к истокам с целью добиться освобождающего «распада». Этапы «Великого Делания» идут от «делания пустого места» Малых Таинств к «деланию раскаленного докрасна» Великих Таинств, и называются также цветением Золотого Цветка или же появлением Эмбриона, или достижением преемственности положения человека, как настоящего и первоначального, духовного и универсального.

Первичная материя, философское Яйцо заключено в тигль, как Мировое яйцо в космическую пещеру, и его превращения – это превращения самого оператора. Что касается подземной символики, в роли операторов выступают кузнецы – хранители скрытых сокровищ в образе грифонов, драконов, змей, бывших одновременно как наставниками, так и палачами, поскольку пытки и наказания, определяемые ими, являлись испытанием. И **грифоны**, эти крылатые львы, и

драконы со змеиными хвостами соединяли воздух, огонь и землю.

В китайской традиции шесть этапов Великого Делания символизировались шестью позами дракона: скрытый дракон (гниение), дракон на поверхности (брожение), видимый дракон (свертывание), скачущий дракон (растворение), летающий дракон (перегонка) и парящий дракон (сублимация).

Змея, легендарный предок-просветитель – универсальный символ. Она возникает из тени, как молния и представляет собой двойственность любого проявления. Она злотворна в обличье Тифона и Пифона, но она также и воплощение мудрости, на что указывает ее греческое наименование «*orhis*» – за исключением одной буквы являющееся анаграммой «*sophia*» (мудрость). Она соединяет оба потока мировой силы, восходящий и нисходящий. Индийские Асуры (*Asuras*), как и Титаны, принимают обличье змей, так же как ангелы или девасы (*Devas*) – обличье птиц. Вследствие стремления к множественности, проистекающего из их двойной природы, змеи всегда демонстрируют библейское «искушение» в Раю, приглашая человека вкусить от плодов древа познания добра и зла, то есть от двойственного знания соразмерности вещей, что отдаляет человека от первичного единства и мешает ему добраться до плодов древа жизни. Спирали змеи, обвинившей это древо, символизируют бесконечное и постоянно обновляемое пространство существования, подобное созданному ею вокруг дельфийского Омфалоса и вокруг кадуцея Гермеса.

Встречи с мифическими чудовищами во время подземного путешествия представляли собой процедуры испытания в обряде посвящения и были в действительности узнаванием самого себя, уходом от брэнности прежних психических запретов, «отказом от металлов», «растворением внешних оболочек» в соот-

ветствии с призывом, начертанным на Дельфийском храме: «Познай самого себя!»

По преданию Дельфийский храм был построен Трофонием, архитектором и царем Беотии. **Пещера** в священном лесу Лебадеи, где он похоронен, стала пещерой пророчеств, где ночные ритуалы с наставлениями – экзамен, очищение, пост, жертвоприношение, спуск в бездну и летаргический сон – идентифицировались с Элевсинскими мистериями и Дионисийскими таинствами.

Когда образ центра вселенной покинул вершину горы, чтобы проникнуть в ее недра, небесный мир стал миром подземным. Местом погребения стало место воскрешения, а пещера, как масонская ложа, стала подобием мира. Это именно та тема, которую Платон развил в известном мифе. В каббалистике «жилищем бессмертия» был подземный город. Проникновение в пещеру было равносильно, таким образом, возвращению к истокам. Там родился Лао-Цзы, и весть от Иисуса также зарождается в вертепе Рождества.

Глава III

РИТУАЛЫ И МИФЫ

Ритуал вначале означал то, что исполнено
в соответствии с порядком.

Р. Геноп

I. Ритуалы

Ритуал можно определить, как ряд жестов, отвечающих основным потребностям и которые должно выполнить в соответствии с некоторой соразмерностью. Согласно санскритской этимологии, это слово обозначает приказ (rita). Его происхождение теряется во мраке времен и остается неизвестным даже для тех, кто его исполняет, хотя они и сохранили о нем наследственную память.

Нет ничего беспричинного в подобных церемониях. Эти простые жесты, ставшие исполнительскими приемами, состоят из песен, музыки, слов, воспроизводя естественные позы, бывшие изначально рефлексамии, спонтанно вызванными в аналогичных обстоятельствах, отвечающих тем же потребностям. Это – элементарные жесты, которые мы выполняем ежедневно, они сопутствуют нашей манере жить, ходить, одеваться, проявлять доброжелательность или враждебность.

Ритуалы купания, еды, любви, смерти освящают основные моменты существования человека – рождение ребенка, омовение во время крещения, женитьбу, требующую похищения невесты, похороны, сопровождаемые преданием усопшего земле, подобно зерну, которое должно взойти и возродиться, и, наконец, пиршество, дополняющее всякую церемонию и освященное символикой вкушения Евхаристии.

Все ремесла имеют свои ритуалы. Древнее земледелие подчинялось религиозным канонам, как, впрочем, и архитектура, особенно храмовая, следы чего сохранились в ориентации и освящении, или как металлургия, символический язык которой, как мы видели, трансформировался в алхимии.

На заре древних времен не было разницы между оскверняющим жестом и священным ритуалом, потому что сферы осквернения как таковой не существовало. По традициям цивилизации любая должность была жреческой. Ничто не исключалось из числа священных атрибутов и, следовательно, не было ничего порочного. Ибо понятие «порок», как и ложноритуальное «негатив», является всего лишь толкованием в худую сторону всегда «позитивного» характера подлинных ритуалов и незнанием их двойственной основы.

Всякое повседневное занятие было ритуальным. Мы, люди современности, из вежливости снимая шляпу, почтительно склоняя голову или куртуазно протягивая руку, воспроизводим древний священный ритуал, ставший светским, повторяем символический обряд, ставший просто обычаем, и если мы не выполним его, это зачастую приносит вред нашей безопасности и спокойной уверенности или, проще говоря, нашей репутации. Как гласит конфуцианский текст, ритуалы помогали объединить намерения, направить действия, гармонизировать души и добиться всеобщей

го равновесия сил, как физических, так и социальных. И это высказывание позволяет считать Конфуция китайским Пифагором. В древнем Китае изменить ритуал даже в малейшей степени значило совершить преступление; это наказывалось как преступление. Такая коллективная гармонизация была только способом применения закона о тонких соответствиях, связывающих различные уровни человека. Ибо, если потребовать от науки легитимизировать подобные акты, она легко докажет, что их важность зависит от психосоматической связи, которая происходит в голове того, кто совершает богослужение, как мы неоднократно показывали в первой части нашего исследования. Некоторые религиозные ритуалы, называемые таинствами, позволили и позволяют передавать духовное влияние, облегчающее метафизическое исполнение.

В конце концов ритуалы привели к ограничению некоего зарезервированного (то есть священного) круга в цивилизациях, соединивших их со светскими сферами жизни. Итак, сделать священным все, что мы делаем, и все, чем мы являемся, называется «жертвой», «жертвоприношением», посвящением этих действий невидимым силам, от которых мы взамен ожидаем защиты и покровительства, даже если эти силы скрыты под видом закона больших чисел или теории вероятностей.

Формы этой немой мольбы были бесчисленны, начиная с человеческих жертвоприношений у ацтеков или египтян в периоды правления первых династий и вплоть до бойни великих войн. Семь христианских таинств стали чистыми символами, значение которых подчеркивала совместная молитва. Это понятие жертвы, на котором основана традиция таинств, получило необычное развитие у ведийских арийцев. А. Даниэлу (A. Danielou) пишет, что в Индии существовало приношение в жертву лошадей, которое длилось годами,

обслуживаясь множеством священников и поглощая доходы больших королевств.

Эта ритуальная активность включает в течение годового цикла месяцы и дни, подчиняющиеся фундаментальным управляющим жизнью ритмам – сердечным и дыхательным. Ритм постукивающей по земле ноги породил танец, сопровождающийся пением и музыкой. В этом и состоит первобытный и самый древний жест, который отображен в Китае и Черной Африке в пляске медведя, а у американских индейцев в танцах бизона, орла, кондора и змеи.

В этом смысле Индия, к примеру, наиболее подготовлена к этому биению пульса жизни – самим Шивой, богом энергии и космической радости, общедоступным ликом которого является образ Царя танца (nataraja). Он демонстрирует силу жизни в непрерывных столкновениях двух противоборствующих сил. В правой руке божества – маленький барабан, подчеркивающий ритм танца. В ладони левой руки – язык огня. Он танцует на расплюсненном теле убитого им карлика, аллегории поверженного человеческого невежества. Ореол пламени, окружающий божество, – это неиссякаемая живучесть природы и в то же время свет знаний.

Продолжая тему на более естественном уровне, отметим, что индийские танцовщицы добиваются выражения восьми основных эмоций, представляющих любовь, сострадание, изумление, смех, гнев, отвагу, страх и невозмутимость, кодифицируя их с помощью 50 жестов (называемых «мудры», «mudras» – следы колец) и 125 поз своего тела.

Священные танцы позволяют нам проникнуть за кулисы греческого театра, в котором тоже господствовал «choŕgeia», ритм, заключавший в себе поэзию, музыку и танец, игравшие в жизни эллинов гораздо более важную роль, чем пластическое искусство. Ор-

фические мистерии и празднества в честь Бахуса включали в себя танцы, как и таинства в Средние века. А Платон заявлял: «Нужно, чтобы наши молодые люди не только превосходно танцевали, но сделали танец самым совершенством».

В Японии мы находим пример подобного символического языка в театре «но», актеры которого сопровождают священные позы монотонным чтением текстов, напоминающим пение псалмов. В течение одного представления исполняют обычно пять «но». Мы видим на сцене паломника или путешественника, прибывающего в селение, прославленное в древней легенде, которую (в качестве вступления) рассказывает ему местный крестьянин. Затем персонажи драмы появляются в виде духов и призраков, которых играют жители деревни. Некоторые из актеров носят маски и все они двигаются с ритуальной медлительностью. Десять статистов слева образуют хор, а флейта, два тамбурина и барабан справа – оркестр.

Продолжая следовать путем ритма, направившего нас от танца к музыке и театру, мы встречаемся с ритуальными праздниками, торжественно отмечаемыми в начале и конце года, основная цель которых связана с возвращением весны. Обычно их сопровождает тушение или добывание огня, что не является ритуалом, вышедшим из употребления, поскольку мы все еще разводим огонь в Иванов день и тот же обряд периодически исполняется перед Могилой Неизвестного Солдата. Это доказывает, что, помимо религиозных ритуалов, существуют и гражданские, которые являются их современной трансформацией.

Действия, которые сегодня кажутся нам просто играми, были ритуальными, как, например, шахматы, карты Таро, мяч или качели. Вспомним о масках Карнавала, подобно античным Сатурналиям или прими-

тивными Оргиям позволявших свести к нескольким дням или неделям излишества всякого рода, а в обычное время запрещенных.

Все народы в той или иной степени практиковали такие ритуалы, основанные на необходимости иметь хоть какое-то социальное раскрепощение. Существовали и другие, более локальные обряды, хотя они кажутся нам такими же подходящими для повседневного удовольствия, как и первые, – например курение трубки или чашка чая.

У индейцев племени сиу, живущих в резервациях Дакоты, священная курительная трубка, она же «трубка мира», спустилась с неба, и дым ее подобен фимиаму; по словам Ф. Шуона (Schuon), она представляет собой теологический синтез и орудие ритуала, в котором сосредоточена духовная жизнь краснокожих. Полный ритуал трубки содержит три фазы: очищение дымом, распространение его до масштаба Вселенной и символическое жертвоприношение огню.

Японская «чайная церемония» происходит от ритуала, установленного монахами дзэн-буддизма, которые имели обыкновение пить чай из одной чаши перед изображением Бодхидхармы, основоположника этого учения. Все необходимое для этого ритуала – от чайного дома, окружающего дом сада и до ведущей к дверям аллеи – создает впечатление простоты, целомудрия и умиротворения. В приглушенном свете, погруженные в тишину, где, отразившись от голых стен, затухает даже сдержанный звук, мы слышим только журчание воды, поющей в чайнике, куда поместили кусочки железа – их приглушенное позвякивание, кажется, доносит шум водопада или плеск далеких морских волн...

Те же японцы, приверженцы дзэн-буддизма, проводят ритуал стрельбы из лука. Придя на смену молоту из твердой древесины, каменному топору и праще, лук

стал первым более или менее прицельным оружием доисторического человека. Поскольку искусства, в том числе искусство применения оружия, предусматривали умение владеть собой, использование лука стало в Японии школой духовной концентрации. У стрелка должно было хватить ловкости и раскованности, чтобы натянуть лук так же естественно, как он дышит, и автоматизма, чтобы выпустить стрелу и поразить цель с закрытыми глазами. Поскольку стрела была стрелком, а Бог – мишенью, в цель можно было попасть лишь благодаря абсолютному отрешению от временных связей.

Стрельба из лука приводит нас к древним охотничьим и военным обрядам, превратившимся во времена рыцарства в ритуалы посвящения. Мы остановимся на двух наиболее ярких проявлениях этих обычаев, а именно – паломничество и путешествие, которые, впрочем, имеют несомненную связь как между собой, так и с театральным искусством. Например, трудно уточнить, какой из мотивов спровоцировал Крестовые походы – вера или война, поскольку в рыцарском мировоззрении эти понятия, несомненно, неразделимы. Что касается театра, он является не только общим символом человеческой жизни, но, кроме того, обязан своим возникновением путешествию, поскольку у всех народов начинался со странствующей формы существования.

Во многих традициях различные стадии посвящения рассматриваются как этапы странствия или морского плавания. Это состояние странствия не что иное, как состояние послушничества, и различные похождения Улисса в «Одиссее» или приключения, испытываемые китайским героем Юй (Si-Yeou-Ki), могут считаться иллюстрацией к малым таинствам посвящения.

Существует, наконец, последний ритуал, может быть, самый важный, хотя непривычно рассматривать

его под таким углом, – это письмо, символ разговорного языка, который сам по себе является символическим. Следовательно, это символ второго порядка. Но так как человек начал разговаривать с момента своего возникновения, а письменность существует не более 30 000 лет, в течение которых она прошла этапы от доисторических петроглифов, содержащих послания в виде своеобразных «комиксов», и египетских и китайских идеограмм, иллюстрировавших только идею, до силлабической и алфавитной азбуки финикийцев, передававших слово и звук без обязательной эволюции и перехода от одного к другому.

Идеограммы представляют собой то, что мы могли бы назвать абсолютным письмом, поскольку они не зависят от разговорного языка. Они являются синтетическим и бессловесным, чисто визуальным языком, подобно так называемым арабским цифрам, понятным всем народам, хотя по-разному именуемым разными языками.

Используемое вначале священнослужителями, летописцами древних монархов, письмо долгое время существовало как священное хранилище, подобное эху первоначального языка, форма букв которого сама по себе была священна, поскольку предназначалась для распространения мысли, и ее первобытная трансцендентальность была трансцендентальностью мира. Ибо мир рассматривался как книга, которая расшифровывала божественное послание, а традиционное письмо было всего лишь переводом этого высшего Слова на понятный язык. В самом деле, «наука о буквах», по словам Рене Генона, была познанием сути вещей, а каллиграфия, воспроизводившая космогонический процесс, – ритуалом, предваряющим посвящение переписчиков (*scribes*), которые поначалу все были учеными.

II. Мифы

Вырождение символов вызвало путаницу, которая царит в греческой мифологии, лишенной сегодня какой бы то ни было метафизической ценности. Мифы трансформировались в простой вымысел, что сами греки признали уже двадцать веков назад и что затрудняет выделение первобытных ритуалов, затерянных в нагромождении случайных эпизодов.

С течением веков священный характер этих повествований постепенно исчезал, все более скрываясь под их поэтической и романтической интерпретациями, иногда приносившими вред из-за неизбежных искажений, ибо всеобщая двойственность священных символов обнаруживается именно в мифах. Это происходит тем более легко, что слово «священный» не означает «чудесный», разве что слово «чудо» является для нас религиозным обозначением некоего события. «Становясь всеобщим, – сказал Лейбниц, – чудесное уничтожает и поглощает то, что есть в нем необыкновенного, так как придает ему смысл... Вся природа полна чудес, но чудес разумных».

В этой перспективе первичность мифа вполне «не зависит от происхождения», по словам Канта, и является «образом абсолюта», по мнению Гегеля, или, говоря современным языком, «логически подразумеваемой и общей на всех уровнях структурой», по определению Клода Леви-Строса, что объясняет ее многозначность и универсальность. Мифы и ритуалы в действительности – дополнительные способы выражения той же судьбы, поскольку ритуалы представляют собой ее литургический аспект, а миф – осуществление через эпизоды прожитой истории.

Ибо развитие теоретической истины в мифах не является выдумкой, по меньшей мере потому, что «выдумка», она же «фабула» (fable), происходит от

корня, означающего «слово» (fabula), между тем как «миф» происходит от другого корня, означающего «бессловесный» и «безмолвный» (mutus). А мысль о бессловесности связана с вещами, которые по своей природе не могут быть выражены ничем, кроме символов. Мифы и чудеса родились, таким образом, из одного и того же эзотерического мировоззрения, характер которого вытекает из их первостепенности и необходимости.

Следовательно, тенденции, выявленные мифами, – это прототипы, стоящие на заднем плане любого спектакля, как воспоминание о предках, забытое даже теми, кто участвует в этих репетициях. Всякая существенная деятельность человека, отвечающая его потребностям, становится, таким образом, тематической и повторной. Миф предлагает себя в качестве логического примера действия, пристрастия или духовности, при этом цели, которых они домогаются, позволяют различить три возможности их метафизической реализации – действие, любовь и познание.

В историческом аспекте эти возможности могут принять вид героя, пустившегося на поиски богатства, славы или святости. Актеры сменяют друг друга, но их амплуа остаются, поскольку мы знаем, что темы жизненных ситуаций не могут превысить весьма малое число из возможных.

В любом случае над логикой мифов довлеет архаическое направление мыслей, упорствующее в неизменности позиций, и «цивилизованное» сознание тех, кто счастлив спроецировать свои надежды, страхи или страсти на личность героя, именуемого Крезом, Александром или Буддой. Поскольку герой любого мифа заменяем, миф каждый раз навязывает свой образец, зачастую скрытый под романтическим флером.

В этой необъятной демонстрации триумфов и катастроф никакая судьба не в силах исчерпать мифичес-

кую тему во всей ее полноте; мы можем утверждать это, сведя некоторые знаменитые мифы к их первоначальному смыслу.

Остановимся на таких примерах, как Психея и Орфей. Сократив детали, можно сказать, что миф о Психее – это история принцессы, каждую ночь посещаемой таинственным любовником, запрещающим ей смотреть на него. Сестры из зависти убеждают Психею в том, что ее любит чудовище. Чтобы проверить это, Психея однажды ночью зажигает светильник, капля масла из которого падает на спящего незнакомца (которым оказывается Эрос), будит его, и тот исчезает. История об Орфее аналогична. Потеряв свою жену Эвридику, он собирается вытребовать ее у Плутона, бога Ада. Последний соглашается ее вернуть. Но Орфей не сможет увидеть ее, прежде чем не выйдет на свет. В тот момент, когда Орфей вот-вот обретет свою супругу, он оборачивается и видит лишь тень, исчезающую в бледном свете гаснущего дня.

Обе истории происходят в одной и той же обстановке полутени-полусвета. Любовник Психеи и жена Орфея – призраки ночи, исчезающей, по своему обыкновению, с первым криком петуха или с первыми лучами солнца. Это переходные и недолговечные существа грез или, как уже говорил Пиндар, кратковременное видение, которое исчезает тогда, когда мы думаем, что оно вот-вот материализуется.

Нет сомнения, что нужно учесть массу деталей, обогащающих (или искажающих) первоначальную любовную тему. Имя Психеи – это образ души, ищущей земную любовь. Орфей, бывший аргонавт, отправлявшийся за золотым руном, является посвященным высокого ранга, пение которого покоряет мир. Однако все это не должно скрывать попытку обоих мифов рассказать о психическом освобождении.

Психология может, по-видимому, занять место ритуала посвящения. Личные чувства, кажется, зачастую заменяют высший смысл мифа, основанного на поиске первобытной духовности. Мотивы могут меняться, остается в силе основная интрига, даже если миф и удерживает своих героев в состоянии неопределенности.

Мифы о Соломоне и Семирамиде – это рассказ об образцовых подвигах. Обе легенды повествуют о завоевании светской власти двумя персонами, основателями городов, которые начинают царствование с двух ритуальных убийств – таким же образом Каин, основатель первого города, убил Авеля, а Ромул, основатель Рима, убил Рема. Царствование Соломона начинается с убийства старшего брата Адиния, а царствование Семирамиды – с убийства царя Нина, бывшего ее мужем. И это позволяет обоим царствовать и вести большое строительство, которое делает их легендарными: храм Соломона в Иерусалиме и сады Семирамиды в Вавилоне. Их цели различны, поскольку исторический характер повествования в обоих случаях раскрывается в разной степени. Соломон впадает в идолопоклонство, и только смерть позволяет ему не стать свидетелем раскола десяти племен. Что касается Семирамиды, ее трансформация оказывается полной. Вынужденная уступить трон собственному сыну, когда ее армии терпят поражение на Инде, она не умирает, а исчезает в небесах, превратившись в голубку.

Подлинная история, как, например, Троянская война, состоит не только из достоверных, но и чисто символических эпизодов. Все начинается с экзогамного и ритуального похищения Парисом Елены, а это – повод к войне. Несмотря на осторожность и желание оставаться вне конфликта, Улисс, бывший одним из претендентов на руку Елены, в конце концов становится

героем войны, которой он не хотел, правда, не совершая при этом подвигов.

Основная тема «Одиссеи», описанной Гомером, состоит в кругосветном плавании царя Итаки, стремящегося вернуться на родину. Это – паломничество к истокам. Возвращение к ним выглядит здесь чередой таинственных испытаний, во время которых герой последовательно пристает к землям, расположенным все севернее. Сначала это остров Лотофагов, пожираателей лотоса, этого священного цветка арийцев; затем земля Циклопов, героев докосмических сражений; земля Эола, бога ветров; земля Лестригонов и плавающих в море скал; остров Цирцеи, превратившей спутников Улисса в свиней, чтобы позднее воскресить их молодыми и прекрасными; наконец, берега Киммерии, где открывается вход в Ад, осененный зарослями вербы.

Здесь Улисс совершает жертвоприношение, позволяющее ему вызвать души умерших, и видит толпу призрачных теней, воскрешающих для него историю греческих мифов. Затем он снова пускается в путь по морю, проплывая мимо острова Сирен и между сталкивающимися скалами Харибдой и Сциллой. Он достигает острова Гелиоса, уцелев после кораблекрушения, в котором спасается только он один, а затем самой северной оконечности известного древним мира – Оигии. Это последний этап перед возвращением в собственное царство на Итаку, до берегов которой он добирается вплавь, в одиночестве, нагой, как в день своего рождения. И тогда начинается то, что господин Е. Миро справедливо назвал ритуалом, касающимся наследования в те времена, когда царский титул не был пожизненным, а царевубийство давало право на корону, – ритуалом, частоту которого мы уже отмечали, рассказывая о Соломоне. Впрочем, и Улисс кончит тем, что разделит та-

кую же судьбу, поскольку будет убит своим сыном Телегоном, который впоследствии женится на его вдове Пенелопе*.

С мифами об Александре и Клеопатре VI пружина действия, начавшегося с завоевания светской власти, раскручивается в обратную сторону и в том, и в другом случае. Александр превращается в пророка, а Клеопатра погибает, покончив с собой.

Александр в возрасте двадцати лет занимает место убитого отца, а в тридцать три года уже правит империей, границы которой простираются от крайнего Запада до дальнего Востока. Если в начале эпопеи он с военной стремительностью разрубает знаменитый гордиев узел, о котором мы уже упоминали, то в дальнейшем постепенно преображается в миролюбивого государя. Он умирает в Вавилоне, будучи полным иранским властелином, купаясь в восточной роскоши и великолепии и приняв послов со всех концов света. Под именем Искандера он остается в памяти арабов как человек высшего типа, пламенный и великодушный рыцарь. В «Коране» Мухаммед изображает его ведомым таинственным гением с высоким челом, увенчанным «рогами» божественного вдохновения – как у Моисея. Фирдоуси и Низами, два великих персидских поэта, представляют его как правоверного и пророка, предвосхищая на примере его завоеваний расширение границ Ислама от Иллирии до вод Инда.

Подобному превращению человека в божество Клеопатра демонстрирует полностью противоположное действие, разрушающее божественный характер фара-

* *Mireaux E.* Les poemes homeriques et l'histoire greque, 1948–1949 (*Миро Е.* Гомеровские поэмы и греческая история. 1948–1949). Автор восстанавливает действительную хронологию Одиссеи, потерявшую последовательность в тексте, составленном по приказу Лисистрата после его вторичной ссылки.

онова царства до самого приземленного уровня человеческого существа. Выйдя замуж по очереди за собственных братьев, Птоломея XIV и Птоломея XV, и совершив тем самым ритуальное кровосмешение, бывшее для египетских правителей нормой, она решается после битвы при Фарсале завоевать расположение Цезаря. Ей удается проникнуть к нему в Александрию, спрятавшись в корзине для белья. Когда Цезарь с триумфом возвращается в Рим, он берет с собой и египетскую царицу, которой посвящает статую в храме Венеры.

После убийства Цезаря Клеопатра решает соблазнить Антония, получившего в управление восточные области Римской державы. Она проплывает перед ним в галере, раскинувшись в шитом золотом шатре в окружении прислужниц, обнаженных подобно нимфам, и пажей, занятых амурными играми. Ослепленный ее красотой, Антоний забывает о долге перед отечеством и многие месяцы ведет «бесподобную жизнь» в пышности и великолепии оргий, которым с тех пор, несомненно, не было равных. После поражения Антония Клеопатра предает его, сдав Александрию Октавиану, будущему императору. Но тот не поддается ее чарам, и после самоубийства Антония она велит принести ей корзину со смоквами, где спрятана змея. Смерть находит ее облаченной в императорские одежды.

Три современных мифа о Гамлете, Дон Жуане и Фаусте подводят нас к «демаркационной линии», отделяющей священное от разрушения и некромантии. Ибо эти истории отмечены сатанизмом XVI века, ставшего свидетелем их первоначальной версии.

История Гамлета – это история ритуальной мести, следующей за убийством отца и должной стать примером, достойным подражания. Но месть срывается из-за характера героя, восстающего против исполнения

своего долга. Королевский сын, бывший студент Виттенбергского университета, неврастеник, в высшей степени умный и ироничный дилетант, судит обо всем свысока и считает смешным любой человеческий поступок, как думал бы на его месте последователь дзен-буддизма. Тем не менее – из равнодушия и вежливости – он дает вовлечь себя в драму, исход которой он предвидит и которая становится как бы самоубийством «по доверенности», на что он намекает уже в первом монологе. В конечном счете это герой познания, втянутый в драматические перипетии по необходимости. Противоборство призвания и судьбы героя приводит его к несчастью.

Объединяя две дополняющие друг друга темы и три исторических персонажа, миф о Дон Жуане прослеживает путь героя от распутства к святости. Первая тема, поставленная на сцене Тирсо де Молина, – тема совратителя, пригласившего мертвеца отобедать с ним. Распутник дон Жуан Тенорио убивает на дуэли дон Гонзало де Уллоа, командора Калатравы, дочь которого соблазнил. Насмехаясь над своей жертвой в часовне францисканской обители, где похоронен командор, Дон Жуан становится жертвой статуи Командора. В действительности, монахи, желавшие отомстить за смерть своего благодетеля, убивают героя, а впоследствии разносят слухи, что чудесным образом ожившая статуя увлекла того в ад. Второй темой мифа является хорошо известная история о ставшем отшельником дьяволе, о кающемся и обращенном в другую веру развратнике, в действительности происшедшая в другие времена с аббатом де Рансе или Шарлем де Фуко, так поэтично поставленная на сцене Милошем.

Итак, в реальности этот обольстительный персонаж имел тысячу лиц, но лишь эпизодически. Герой Тирсо заимствовал имя и фамилию у двух благородных со-

временников поэта: Крестобалья де Тенорио, соблаздившего и похитившего одну из дочерей Лопе де Вега, и дон Жуана де Тассиса, обершталмейстера испанского короля Филиппа IV и преданного любовника королевы, считавшегося в свое время, как говорила одна из его поклонниц, «самым прекрасным кабальеро, которого когда-либо видели».

Что касается развратника, ставшего святошей, за него нужно поблагодарить Мигеля Манара, крупного андалузского сеньора, ужасавшего Севилью публичными скандалами. По возвращении с одной из оргий ему кажется, что во мраке улочки волокут по земле его собственный труп. Это галлюцинация в духе Мюссе. Внезапно он приходит в себя, преобразуется, достает одежду в Госпитале призрения у братьев милосердия, которым предписывалось напутствовать приговоренных к смерти перед казнью и сопровождать их к месту оной. Он даже просит похоронить себя у входа на кладбище, чтобы его прах вечно топтали ногами и чтобы на его могиле начертали: «Здесь покоятся останки наихудшего из людей, когда-либо существовавшего на земле». Чересчур надменное смирение должно было задержать его на пути к святости, и процесс его канонизации остался без последствий. Тем не менее этот испытатель абсолютной любви открыл путь посвящения в милосердие.

Легенда о Фаусте держит нас в обстановке духовного подъема. Ее отправная точка – бурная жизнь двух персонажей, о которых у нас есть как точные, так и расплывчатые сведения, в свое время очаровавших самые великие умы от Марло до Валери.

В качестве мифического героя Фауст соединяет в себе несколько характеров, свойственных его знаменитым предшественникам. Подобно Гамлету, это студент немецкого университета, ведущий жизнь угрю-

мого эрудита-неврастеника. Как и Дон Жуан, это ищущий наслаждений эгоист и гордец, интересующийся, правда, высокими истинами. Подобно Улиссу, это ретроспективный поклонник Елены Спартанской, и подобно Орфею – он спускается в преисподнюю.

Прослушав в Кракове курс «высших наук», он умеет вызывать демонов и становится автором трактата «Черная магия», где описывает свои связи с одним из семи inferнальных князей – Мефистофелем, имя которого складывается из имен Гермеса Трисмегиста (Hermes Trismegiste) и ангела Сатурна (tris magistos Ophiel).

Один из его современников, известный бенедиктинец Тритем (Tritheme), рассказывает, что встретил его в пригороде Гессена. Тот сам представил себя, как магистр Георг Фауст младший, владыка некромантов, астрологов, магов, хиромантов и гидромантов. Взяв имя Георга, Фауст (надо думать, это один и тот же человек) прослушал ряд лекций в Гейдельберге и Эрфурте и, объездив Германию, умер в пригороде Брисгау самым загадочным и трагическим образом.

Однако героем-прототипом сделало его отнюдь не стремление к безграничному могуществу и знаниям, а роль изобретателя печатного дела, вкладчика в кооперативное товарищество Гутенберга, тяжбу с которым он затеял и выиграл. Легендой он обязан монахам-переписчикам, делу которых угрожало разорение и которых спасло его изобретение, квалифицированное ими как «дьявольское». Фауст, по-видимому, напечатал свою первую книгу во Франкфурте и продал ту первую типографию в Майнце, где сотрудничал с Гутенбергом. Скорее всего, именно он подарил Людовику XI первопечатную «Библию» своего производства и завещал своему ученику Кристофу Вагнеру два дома, которыми владел в Виттенберге.

Легенда, согласно которой герой, подобно Адаму из Рая, продолжает заниматься познанием добра и зла, была, как убеждает нас Рене Генон, источником подключения ритуала посвящения к первым подмастерьям-печатникам.

Восстанавливая исторические рамки нескольких знаменитых мифов, мы хотели всего лишь уточнить условия их зарождения, но таким образом, чтобы символический язык описанных историй не утратил основных и вневременных фрагментов, изначально присущих мифам.

Заключение

МЫСЛЬ КАК РЕМЕСЛО

Познание использует метод сопоставления,
привнося в природу отношения,
главенствующие в деятельности человека.

С. Вайль

Опыт подсказывает, что наши мысли и эмоции могут быть переданы прямо и наглядно только в исключительных обстоятельствах. Обычно мы обязаны заимствовать способы выражения, которые долго анализировались нами в настоящей работе, и если мы попытаемся свести эти символические способы к одному общему элементу, они найдут решение в комбинации жестов. А способы и жесты могут казаться противоречивыми.

В самом деле, повсюду распространено мнение о противоположности людей физического труда, имеющих дело с инертным или живым материалом, и улучшающих или изменяющих его свойства, и людей умственного труда, сделавших речь своим ремеслом, чтобы направлять тех, кто живет словами и символами. В нашем исследовании мы пытаемся доказать, что эта дихотомия искусственна. Всякая мысль, как и физический труд, является ремесленной. Только она актив-

на перед лицом пассивной материи. И скульпторы, тесавшие камни для кафедральных соборов, «думали» не менее глубоко, чем комментаторы древних авторов. Одна и та же работа должна была быть сделана разными способами, ибо любая экспрессия поверхностна, даже если претендует на то, что проникла в суть вещей. Самая разработанная метафизика сводится к приблизительной геометрии, материализующей мысль или, скорее всего, с самого начала приспособляющейся к космической мысли.

Тем не менее не следовало бы смешивать способы и цели, преследуемые ими. Когда Декарт в свое время в результате подобного демарша свел мир к одной комбинации движения в пространстве и утверждал, что может идентифицировать любое явление, пользуясь только его символом (заблуждение, которое в религии называется идолопоклонством), предложенное им алгебраическое выражение реальности было лишь новой и более удобной ее записью, такой же приветливой, как те гостиницы, где каждый имеет лишь то, что принес с собой, и такой же мало что объясняющей, как словесные портреты, в которых любой может опознать самого себя.

Между вещью и мыслью символ создает образ, подобно театральному костюмеру, наряжающему наши свежайшие идеи в старые платья, затасканные поколениями шутов, утратившие форму в соответствии с потребностями персонажей, которых они последовательно воплощали. Реальность, скрытая под этим переодеванием, необъяснима. Между эмпирическим номинализмом, для которого существуют только слова, то есть видимый «костюм» вещей, и платоновским реализмом, основанным на неизменной полноте сущности, символ перебрасывает мост, воскрешающий любое лицо таким же образом, как актерское ремесло трансформирует слова в ощущения, в куски жизни, волнующие зрителя.

Эта метаморфоза проявляется на всех уровнях. «То, что мы называем фактом, – говорит Эддингтон, – это интерпретация некоего наблюдения... Физика изучает не неисповедимые качества материи, а показания аппаратуры, которые имеют не большее отношение к качеству, чем номер телефона к абоненту». Это утверждение, как показал Гильберт, применимо и к математике, поскольку в алгебре человеческая природа не берется в расчет. Важны только математические связи и имеют значение только они, как справедливо устанавливает топологическая логика.

Информируя о явлении, мы искажаем его внутри себя, когда хотим его описать. Мы не можем быть объективными, не отрекаясь от себя, и запоминаем в рассматриваемой вещи только то, как мы оцениваем ее, если можно так выразиться, в единицах наблюдателя. А таких единиц столько, сколько сознаний. Всякое выражение персонально и не разрушает других возможных проявлений.

Сводя любую вещь только к движению, мы, подобно Декарту, исключаем из мира то, что представляет для нас ее ценность, что позволяет попробовать ее, оценить ее цвета, запахи, звуки, вкус ее плодов, все изобилие чувственного мира, без которого не существовало бы и пространства, поскольку со времени Эйнштейна известно, что оно существует только для тех, кто в нем находится.

Но, если символ, как чудотворство, воскрешает для нас исчезнувшее время или чувство благодаря образам, вызванным отсутствующим или давно ушедшим свидетелем, будь то слова или изображение, мы никогда не поймем их во всей полноте, как они задумывались автором или были прожиты им, особенно если они отделены от нас многими веками. Каждый из нас – пленник своего времени, да и сама математика является историей. Человек полностью погружен в океан

истории. Его ум ограничен родным языком. Он живет и мыслит в ограниченном мире, который исследуется его культурой, позволяющей ему давать определения. Новое воплощение по-прежнему реанимирует любую человеческую экспрессию, чтобы она стала общедоступной. Между логическим утверждением, что всякий человек смертен, и скоропостижной смертью нашей матери существует шок поразительного откровения, преобразующего нас магическим образом. Эту мысль великолепно выразил Кьеркегор: «Я понимаю правду лишь тогда, когда она становится моей внутренней жизнью».

Наглядная реакция на смерть матери никогда не сможет быть решена посредством простой логики. Всегда будет существовать нечто традиционное, нечто существовавшее до нас, нечто заданное. «Во всякой абстрактной конструкции, – говорит Гонсэ, – имеется интуитивный остаток, который невозможно исключить и который составляет ее ценность и смысл». Объяснимая и видимая часть, подобно верхушке айсберга, является тревожным сигналом невидимой и неизмеримой реальности.

Сами символы имеют, таким образом, свои пределы. Но до того, как зафиксироваться, мысленные образы являются нам, как внутренние проводники, как материя самой жизни. Эта патетическая жестикуляция, это нескончаемое кино, этот театр теней, тайно оживляемые нашим сознанием, могут родиться в реальной жизни лишь при условии, что нас посвятили в систему сигналов, доступных нашему пониманию, и мы, подобно Орфею, научимся давать свободу собственной песне. Поскольку именно упорядочение знаков, азбука символов и ритуалов определяет уровень цивилизации.

Приложение 1

300 французских глаголов, классифицированных в соответствии с органами чувств, направлением действия и значением символа (соответствующие английские наречия и предлоги указаны в скобках)

Действия

1. Действия непереходные

agir – действовать, поступать, ходатайствовать, вести против кого-либо дело (в суде)

travailler – работать, трудиться, стараться; // коробиться // бродить // обрабатывать, обделывать // мучить, терзать, беспокоить // волновать, подстрекать к возмущению.

bouger – трогаться, шевелиться.

voyager – путешествовать, ехать // перелетать, странствовать (о птицах).

voler – летать, лететь // (охот.) ловить, травить.

voler – красть, украсть, воровать, обкрадывать, обокрасть, выкрадывать.

nager – плавать // грести.

courir – бежать, бегать, рыскать; торопиться, спешить // стремиться // течь, протекать, проходить // гоняться, гнаться, добиваться // ездить, странствовать // разъезжать, посещать // подвергаться.

2. Действия переходные

engendrer – рождать, родить// порождать, производить, причинять.

engendrer (par denigr.) – навязать в зятя.

creer – сотворять, создавать// творить, изобретать// учреждать (должность)// пожертвовать капитал для учреждения из процентов пенсии.

faire – делать, сделать// творить, создавать// сочинять, написать// родить, метать// производить; исполнять, возбуждать// совершать// причинять// наносить// держать// потерпеть// составлять// запасаться// получать, зарабатывать// собирать// представлять, корчить, прикидываться, притворяться// приучать; велеть, приказывать, заставляя// употреблять, дeвать, деть// сдавать// ценить// образовывать; давать// вменять// работать// поступать, действовать// сказать, возражать.

reproduire – производить вновь; воспроизводить, возрождать// снова представлять// перепечатывать, снова издавать.

former – создавать// образовывать// составлять// делать// наставляя// (воен.) формировать.

placer – ставить, помещать// определяя// класть; положить; отдавать под проценты.

forgier – ковать, выковывать; варить, сваривать// et fam. – вымышляя, сочиняя, выдумывать, слетать// ковать (о лошади).

3. Действия на поверхности (op)

toucher – трогать, дотрагиваться, касаться, прикасаться// упоминать, касаться, затрагивать// расстрагивать, трогать// получать// пробовать, испытывать// быть смежным, прилегать// играть// погонять// доставать, приближаться// изменять.

effleurer – обрывать цветы// царапать, ссадить, содрать// задевать, касаться// касаться слегка; говорить, рассуждать, писать поверхностно (о чем-либо); хватать верхи// оскabливать, очищать (замшу).

- caresser** – ласкать; приласкать// гладить (рукою)// лстить.
- couvrir** – крыть, покрывать, накрывать, закрывать, укрывать// прикрывать, защищать// заглушать// скрывать// накрывать (кобылу).
- nuancer** – оттенивать, оттенять (краски, характеры).
- enduire** – обмазывать, покрывать, штукатурить.
- etaler** – выставлять, раскладывать (товары)// разлагать, развертывать// размазывать, намазывать кистью// выставлять напоказ, выказывать (что-либо), хвастать (чем-либо)// излагать (что-либо)// сопротивляться, выдерживать напор (ветра, течения)// un autre navire, une autre auto, иметь одинаковую скорость с другим судном, с другим автомобилем.
- ecrire** – писать, записать, написать// начертить.
- voiler** – завешивать, закрывать покрывалом// скрывать, закрывать// (de) прикрывать (чем-либо)// коробить.
- apposer** – приложить// включить.
- essuyer** – вытирать, утирать, оттирать// осушать, высушивать// выдерживать, сносить, терпеть.
- colorer** – красить, окрашивать, цветить// прикрашивать, скрашивать, прикрывать.
- appliquer** – прикладывать, прилагать// применять// употреблять.
- marquer** – замечать, метить// клеймить, таврить// обозначать, означать, ознаменовывать// изъяслять, выражать, показывать, объяснять// (мор.) обозначать знаками// быть замеченным, заметным.
- raser** – брить, выбрить, обрить// срыть, разломать, снести.
- parsemer** – усыпать, насыпать (чем-либо).
- rayer** – чертить, проводить линии// исцарапать, делать царапины// вычеркивать, вымарывать, помарывать.
- frotter** – тереть, натирать// et fam. – бить, колотить, вздуть, нагреть бока// надрать (уши)// тереться (обо что-то).
- empreindre** – отпечатывать, оттиснуть// запечатлевать, начертывать.

tracer – чертить, рисовать, расчерчивать, намечать, проводить// расстилать корни (о деревьях), расстилаться (о корнях), проводить.

effacer – заглаживать, стирать// вычеркивать, вымарывать, зачеркивать// уничтожать// заглаживать// превосходить, затмевать.

4. Действия «с» (with)

unir – соединять, совокуплять; сочетать, связывать// выравнивать, выглаживать.

grouper – группировать//fam. собирать, соединять//составлять группу, группироваться

concerter – обдумывать, соображать, условливаться// сыгрываться, репетировать; исполнять музыку.

tresser – плести, заплетать.

entremeler – перемешивать// примешивать.

concilier – примирять// соглашать// доставлять.

guider – провожать, указывать дорогу; вести// править (чем-либо)// руководить, наставлять.

joindre – соединять, совокуплять, складывать, сводить, сплачивать (что-либо, что-либо с чем-либо)// прибавлять, присоединять, причислять; присовокуплять, прилагать (что-либо к чему-либо) // присоединяться; нагонять, догонять, настигать// соединяться// vp – соединяться, смыкаться, примыкать.

participer – участвовать// (de) иметь свойство, сходство.

confondre – смешивать, перемешивать; принимать одно за другое// пристыдить смущать, ставить в тупик, озадачивать// уничтожать, расстраивать.

cumuler – присовокуплять, прикоплять.

accorder, va – соглашать// примирять, помирить// склониться, быть согласным// пожаловать, даровать// (грам.) согласовать.

assembler, va. – собирать, сзывать// (стол. и плотн.) набирать, вязать, соединять в целое, собирать// (тип.) складывать, поднимать отпечатанные листы// обучать лошадь, чтобы она хорошо держала голову// сметать, сшить.

5. Действия увеличительные (for)

aider, va. – помогать, вспомоществовать, пособлять// споспешествовать, способствовать.

guerir, va. – исцелять, излечивать, вылечивать// vn. – вылечиваться, выздоравливать.

amender, va. – исправлять// улучшать, удабривать// изменять// vi. – налагать денежные пени// vn/ поправляться// vi. – дешеветь.

polir, va. – полировать, шлифовать, лощить// образовывать, смягчать// выправлять (слог).

affiner, va. – очищать (металлы)// фришевать (железо)// полировать и заострять (иголки, гвозди)// чесать (лен, пеньку)// сделать тоньше// истолочь, превратить в порошок (цемент)// обманывать, получать что-либо хитростью//.

endurcir, va. – делать твердым, жестким// укреплять (тело)// (а) приучать (к чему-либо)// ожесточать, очерствлять (сердце).

prodiguer va. – расточать, мотать, проматывать// не щадить.

stimuler, va. – возбуждать, подстрекать// (мед.) раздражать.

epurer, va. – очищать, вычищать, прочищать, процеживать// возвышать, исправлять// улучшать, совершенствовать (язык, вкус).

vivifier, va. – оживлять, живить// бог. животворить.

pourvoir, vn. – помогать, принимать меры// назначать, заместить// va. – определить, назначить// снабжать// оделять, одарять// пристраивать.

exciter, va. – возбуждать, вызывать// ободрять, поощрять, подстрекать// порождать, производить, причинять.

honorer, va. – почитать, чтить, уважать; чествовать// удостоивать.

instruire, vn. – учить, обучать, образовывать, наставлять, просвещать// дрессировать, обучать (о животных)// уведомлять, извещать// (юрид). исследовать, подготавливать к докладу дело; разбирать.

celebrer, va. – прославлять, торжествовать, праздновать
nourir, va. – кормить, питать; кормить грудью// содер-
жать// воспитывать// производить// поддерживать/
vn. – быть питательным.

satisfaire, va. – доставлять утешение, удовольствие; утешать
веселить// угождать// удовлетворять// vn. удовлетворять, исполнить.

justifier, va. – оправдывать// доказывать// делать при-
водку.

recommander, va. – приказывать, наказывать// советовать//
поручать, рекомендовать

favoriser, va. – благоприятствовать, вспомоществовать,
способствовать, помогать.

garantir, va. – ручаться, поручиться, быть порукою//
обеспечивать, гарантировать// уверять, утверждать//
предохранять, охранять, оберегать (от чего-либо).

approuver, va. – одобрять, соглашаться, дать согласие.

soulager, va. – облегчать// утешать// помогать.

consolider, va. – скреплять, укреплять, утверждать//
(мед.) залечивать, заживлять (рану)// обеспечивать
(долг).

gonfler, va. – надувать, раздувать// пучить// напыщать
(гордостью).

augmenter, va/ – умножать, увеличивать, усиливать,
прибавлять, возвышать.

6. Внутреннее действие (in)

agencer, va. – распоряжать, прибирать, устанавливать
порядок// vi. – убирать, нарядать.

changer, va. – менять, променивать, выменивать, обмени-
вать, разменивать; переменять, наменять// превра-
щать, обращать// vn. – менять и меняться, переменить
и перемениться, изменить и измениться.

reformer, va. – вновь образовать или составить// пере-
формировать, вновь формировать.

modifier, va. – изменять// смягчать.

impregner, va. – напитывать, пропитывать (что-либо чем-
либо)

saturer, va. – напитывать, насыщать// пресыщать; наполнять, насытить.

7. Действие, начиная с (from)

provenir, vn. (de) – происходить (от чего-либо).

emaner, vn. – исходить, истекать, происходить (от, из чего-либо).

exhaler, va. – испускать, испарять, издавать// изливать, давать волю.

enfanter, va. – родить// порождать// выдавать, выпускать в свет (книгу).

exprimer, va. – выжимать, выдавливать// выражать, высказывать, изображать.

8. Действие к (to)

aimer, va. – любить// быть охотником (до чего-либо), питать страсть (к чему-либо), жаловать.

desirer, va. – желать.

viser vn. et va. – прицеливаться, целить, мстить// добиваться.

viser, va. – визировать, прописывать (паспорт), свидетельствовать (документ).

tendre, va. – натягивать, напрягать, протягивать, вытягивать, напяливать// ставить, расставлять// раскидывать, разбивать// обивать, обвешивать// подставлять// воздевать, поднимать// vn. – идти, вести// клониться, стремиться.

transmettre, va. – передавать.

offrir, va. – предлагать// подносить, приносить// представлять.

9. Действие кверху (up)

lever, va. – поднимать// собирать, взимать; набирать// снимать// отрезать// устранять// vn. – всходить// киснуть, подниматься

eriger, va. – воздвигать, сооружать// учреждать// возводить.

encherir, va. – наддавать, набавлять цену, давать более

другого// (sur) превосходить, перещеголять (кого-либо), возвышать, повышать цену (на что-либо)// *vn.* – дорожать, вздорожать, повыситься в цене.

exalter, *va.* – превозносить, восхвалять// *воспламенять, восторгаться, восхищаться; возбуждать.*

10. Действие вниз (upon)

dominer, *vn. et va.* – властвовать, владеть// *господствовать// преобладать// обуять.*

reussir, *vn.* – успевать, удаваться; иметь успех, удачу; преуспевать// *хорошо расти, родиться.*

regner, *vn.* – царствовать, властвовать// *господствовать, царить; владеть; преобладать// простираться.*

diriger, *va.* – управлять, править// *направлять, устремлять, обращать// руководствоваться.*

abriter, *va.* – укрывать от дурной погоды// *защищать.*

11. Действие перед и до (before)

commencer, *va.* – начинать, зачинать; *починать// vn.* – начинаться.

preceder, *va.* – предшествовать// *первенствовать.*

prevenir, *va.* – предупреждать// *предварять, предуведомлять, извещать; отворачивать// обвинять.*

predire, *va.* – предсказывать, предвещать, прорицать.

12. Вертикальное действие (up)

grimper, *vn.* – карабкаться, взлезать, взбираться// *вить-ся, вползать (о вьющихся растениях)*

suspendre, *va.* – вешать, повесить// *откладывать, отсрочивать// останавливать; прекращать// отрешать на некоторое время от должности.*

accrocher, *va.* – вешать// *зацепить, задеть.*

13. Горизонтальное действие (along)

ramper, *vn.* – ползать, пресмыкаться// *стлаться по земле (о растениях)// ползать, раболепствовать, подличать// унижаться, унизиться.*

trainer, va. – тащить, таскать; везти, вести// влечь, влачить, волочить// тянуть, проволакивать, водить// vn. – волочиться// валяться, быть разбросанным// тянуться// хиреть, хворать// играть накатом (на бильярде).

allonger, va. – удлинять; надставляя// вытянуть; протянуть// продлить.

cotoyer, va. – идти подле (кого-либо)// идти, ехать или плыть подле (чего-либо), или вдоль берега.

accoster, va. – подходить// (мор.) приставать, причаливать.

14. Действие между (between)

penetrer, va. et vn. – проходить насквозь, входить// проникать, проникать, прохватывать// сильно трогать.

intercaler, va. – прибавлять, вставляя.

introduire, va. – вводить (кого-либо куда-либо)// впускать, запускать (что-либо куда-либо)// ввозить (товары)// вводить (что-либо).

trier, va. – тянуть, тащить, везти, таскать, вытаскивать, дергать, драть, выдергивать// извлекать// вынимать, доставать, добывать// снимать// высовывать// получать// добиться// заимствовать; взять// выводить, вывозить// освобождать, избавлять// вытягивать, натягивать// волочить, тянуть// выстрелить, стрелять// пускать// отпечатывать// разыгрывать// ком. трассировать// (манеж.) умышленно задерживать лошадь, чтобы не дать ей взять приз// vn. – стрелять, выстрелить// идти.

substituer, va. – подменять// (юрид.) определить, назначить на место другого// признать кого-либо (после другого).

correspondre, vn. – соответствовать// сообщаться, соединяться// переписываться; иметь сношение.

balancer, va. – качать// балансировать, держать в равновесии// взвешивать// уравнивать, приводить в равновесие// комм. подвести баланс, балансировать// (живоп.) равно располагать группы фигур// (морск.) наблюдать равновесие// vn. – колебаться.

15. Действие вокруг (about)

concerner, va. – касаться (ne s'emploie qu'à la 3e pers. du singul. et du pluriel).

Envelopper, va. – завертывать, обертывать, обвивать// скрывать, прикрывать, облекать// покрывать, обнимать, окружать, обступать, облагать// омрачать// вовлекать, включать.

embrasser, va. – обнимать, обхватывать// лобызать, целовать// окружать// обвивать// постигать, обнять// предпринимать, брать на себя, принимать// избирать (занятие, род жизни)// ловить (случай).

assiéger, va. – осаждать// беспокоить, докучать.

noeuer, va. – завязывать узлом// завязывать; затевать// vp. – завязываться.

16. Действие после и за (after)

suivre, va. – следовать, идти// сопровождать, сопутствовать// преследовать, гнаться// следить, наблюдать// слушать// держаться// часто ходить, часто посещать// предаваться, увлекаться// vp. – происходить, проистекать.

imiter, va. – подражать (кому-либо, чему-либо); переразвивать (кого-либо)// походить (на что-либо).

17. Действие под (under)

reverer, va. – чтить, почитать (кого-либо), благоговеть (перед кем-либо).

obeir, vp. – повиноваться, слушаться// покоряться, уступать; состоять в подданстве// гнутья.

servir, va. – служить, прислуживать// подавать// vp. – служить, послужить, заступать место, приносить пользу; годиться.

respecter, va. – чтить, почитать, уважать.

18. Действие сверху вниз (down)

descendre, vp. – сходить, слезать, выходить, нисходить// опускаться, упадать, понижаться, спускаться// ниспа-

дать, висеть// вторгаться// останавливаться// происходить, простекать// унижаться, снисходить// распространяться// лишаться, падать// сходить, высаживаться на берег (с корабля)// ва. – опускать, спускать, снимать, сносить (вниз)// ссаживать// сходить// высаживать.

humilier, va. – унижать, уничижать, посрамлять, оскорблять.

abattre, va. – рубить, валить, повалить; ломать, сломить// изнурять, ослаблять// убить// каменщ. стесать, скосить, снимать углы, грани// плотн. перевертывать, кантовать// морс. спустить (верхний рангоут), упасть под ветер (о судне).

abaissier, va. – опускать, понижать// унижать, уничижать, смирять.

mepriser, va. – презирать (кого-либо), пренебрегать (чем-либо).

asservir, va. – порабощать// покорять, укрощать.

condamner, va. – осуждать, приговаривать// осуждать, хулить// заколачивать, заделывать (дверь, окно).

accabler, va. – задавить// отягчать, обременять, завалить// побеждать, одолевать// удручать, надоедать.

19. Действие внутри (into)

enfermer, va. – запирать// посадить, заключить, заточить// прятать, скрывать// огораживать, обносить// окружать// заключать, содержать в себе.

contenir, va. – содержать, вмещать, заключать в себе// удерживать, обуздывать.

celer, va. – таить, скрывать, содержать в тайне.

cacher, va. – прятать, скрывать, закрывать, укрывать, таить, затаить.

inserer, va. – включать, вмещать, вставлять, помещать, припечатывать.

enterrer, va. – закапывать, зарывать// погребать, хоронить// скрывать.

engloutir, va. – глотать// проматывать// поглощать.

garnir, va. – снабжать// убирать, отделявать, осыпать// обкладывать, обшивать// набивать, подшивать// устанавливать, украшать// наполнять, занимать// (поварск.) гарнировать (кушанье).

inclure, va. – включать, влагать.

20. Действие остановки (stop)

arreter, va. – останавливать, удерживать// задерживать, арестовать, налагать арест// нанимать, заподражать// решать// утверждать, укреплять// vp. – остановиться.

fermer, va. – запира́ть, затворять, закрывать// заграждать, преграждать// огораживать// оканчивать, заканчивать// замыкать (о шествии)// vp. – закрываться.

borner, va. – означать границы столбами, ставить межевые столбы; служить границей, граничить// ограничивать.

contenir, va. – содержать, вмещать, заключать в себе// удерживать, обуздывать.

interdire, va. – запрещать, воспрещать// удалять временно от должности// учреждать опеку над расточителем или безумным// изумлять, смущать, приводить в смятение.

21. Действие насквозь (through)

desunir, va. – разделить// разлучать// разъединить, ссорить.

separer, va. – отделять, разделять; разгораживать// разлучать; разнимать, разводить; рассорить// отличать.

diviser, va. – разделять, разъединять// (арифм.) делить// (юрид.) разлучать, разводить// поселять несогласие, вражду, производить; ссорить.

ouvrir, va. – отворять, открывать, растворять, раскрывать, отпирать// начинать, вскрывать, разрезывать// проламывать// vp. – отворяться, отпираться, открываться, начинаться; выходить.

traverser, va. – переезжать, проезжать, переправляться; переходить; проходить; протекать// пересекать// пробивать, промачивать насквозь// мешать, препятствовать исполнению, перечить// переживать.

moudre, va. – молотъ.

rompre, va. – ломать, ломить; изломать, разломать, разломить, переломить, переломать, проломить, сломать, сломить// разбивать, портить// нарушать, прерывать, прекращать, разрывать, расторгать// порвать, прорвать// колесовать// приучать// vn. – сломаться, переломиться; ломиться; проламываться.

dechirer, va. – раздирать, драть, изодрать, рвать, изорвать// рассекать// терзать, растерзать (сердце, душу)// огорчать, приводить в отчаяние// поносить, злословить// et fam. – драть (уши плохим пением, музыкою)// разбивать (бочку)// воен. – скусить (патрон)// морск. – разламывать (лодку).

22. Действие против (against)

gener, va. – беспокоить, жать// затруднять, мешать// стеснять, принуждать// обезденежить// юрид. пытаться, мучить.

envier, va. – завидовать (чему-либо)// хотеть, желать.

offenser, va. – обижать, оскорблять// согрешать// повреждать.

tromper, va. – обманывать, fam. – надувать.

affronter, va. – нападать, подвергаться, пренебрегать// vi. – нагло обманывать// s'~, v. pr. – нападать друг на друга спереди// хир. – снова принять естественное положение.

hair, va. – ненавидеть// не терпеть, не любить.

railer, va. et vn. et se ~, v. pr. ~ qn, ou ~ de qn, ou se ~ de qn, – насмехаться, издеваться, подсмеиваться, глумиться, трунить над кем-либо, или осмеять кого-либо

duper, va. – обманывать, надувать, проводить.

contester, va. – спорить, оспаривать и оспаривать.

vexer, va. – притеснять, утеснять; мучить// fam. – досаждать.

insulter, va. – оскорблять, обижать// воен. – нападать (на что-либо), атаковать (что-либо)// vn. – надругаться (над чем-либо)// s'~, v. pr. – оскорблять друг друга, ругаться.

salir, va. – марать, вымарать, замарать, пачкать, выпачкать, запачкать; грязнить, выгрязнить, загрязнить// чернить, очернить// se ~, v. pr. – мараться, замараться; пачкаться, запачкаться// быть марким.

menacer, va. – грозить, угрожать; страшать// грозиться// se ~, v. pr. – грозить, угрожать друг другу.

diffamer, va. – поносить, позорить, бесславить, злословить// se~, v. pr. – позориться, бесславиться.

envahir, va. – нахлынуть, захватывать// наводнять, заливать.

persecuter, va. – гнать, преследовать// докучать, надоедать (кому-либо).

frapper, va. – ударять// поражать, разить// чеканить, выбивать (медали, монету)// морск. – привязывать, связывать, закреплять// vn. – бить, ударять// стучать// se ~, v. pr. – ударяться, стукаться// поражать себя// fam. – предаваться мрачным предчувствиям.

23. Обратное действие (back)

reagir, vn. – противодействовать, обратно действовать, реагировать.

opposer, va. – противопоставлять, противопоставлять// возражать// сопоставлять, сравнивать.

protester, va. – обещать, уверять// протестовать.

resister, vn. – противиться, сопротивляться// бороться, не поддаваться; переносить, сносить; устоять.

renier, va. – отрекаться, отрицаться, отступаться.

24. Действие уменьшительное (less)

user, vn. – употреблять; пользоваться// va. – издерживать, расходовать, тратить// изнашивать, портить// сточить (о ноже и т. п.)// утонять шлифовкой (о стекле)// перетираться (о канатах)// *bruheznm? vcnjofnm*// s~, – изнашиваться, портиться// слабеть, убавляться.

avilir, va. – делать презренным, уничтожать, унижать// ронять цену// s~, v. pr. – унижаться, унижаться, унижать себя.

deposseder, va. – лишать владения, отнимать.

leser, va. – оскорблять, обижать// повреждать; причинять вред, ущерб.

corrompre, va. – портить, искажать// развращать// подущать; обольщать// se~, v. pr. – гнить; портиться; развращаться.

desesperer, vp. – отчаиваться (в чем-либо), приходиться в отчаяние// va. – приводить в отчаяние, огорчать// se~, v. pr. – унывать, отчаиваться, предаваться отчаянию.

affaiblir, va. – ослаблять, обессиливать// уменьшать ценность или вес (монеты)/ разводить, разжижать (краску)// s~, v. pr. – слабеть, дряхлеть, тупеть.

compromettre, vp. – согласиться на третейский суд// va. – поставить в неприятное, неловкое положение; компрометировать// se ~, v. pr. – поступать предосудительно, поставить себя в неприятное положение, компрометировать себя.

restreindre, va. – вязать, стягивать (о лекарствах)// ограничивать, сокращать, сократить, убавлять// se~, v. pr. (a) – ограничиваться, довольствоваться (чем-либо).

profaner, va: – осквернять (святыню)// унижать.

deranger, va. – смешивать, спутывать, приводить в беспорядок// расстраивать// беспокоить// запутывать// отвлекать// расстраиваться// запутываться// впадать в распутство, баловаться// геол. пересекаться (о жиле).

giter, vp. pop. – жить, ночевать// морск. лежать выброшенным на берег (о судне)// se~, v. pr. – селиться, обитать, укрываться.

dessecher, va. – сушить, высушивать// осушать (болота)// иссушать, изнурять, изнурить (тело)// иссушать, притуплять (разум, воображение), ожесточать, ожесточить (сердце, душу)// se~, v. pr. – высыхать, сохнуть; пересыхать, иссыхать, иссохнуть, черстветь (о сердце).

refroidir, va. – прохлаждать, простужать// охлаждать, охладить// vp. – стынуть, охладеть// se~, v. pr. – прохлаждаться, простывать// простужаться (о теле)// охладяться, охладеть, охладеть.

26. Действие, притягивающее (to)

appeler, va. – называть, звать, именовать// кликать, окликать, позвать, призывать// вызывать// посылать// навлекать, привлекать, обращать// перекликать// vn. – подать апелляцию// s'~, v. pr. – называться, зваться, именоваться.

convaincre, va. – убеждать// изобличать, уличать// se ~, v. pr. – убеждаться, удостовериться (в чем-либо).

obeir, vn. – повиноваться, слушаться// покоряться, уступать; состоять в подданстве// гнутья.

attirer, va. – притягивать// привлекать, завлекать, заманивать, влечь// s~, v. pr. – притягиваться// приобретать, снискивать, навлекать на себя, накликать на себя.

prendre, va. – брать, взять// нанимать// ловить, поймать// принимать// утащить// хватать, охватить, захватить// забирать// взять в плен// пить, кушать, есть// надевать// нюхать// нападать// заставить, застигать// выбирать// заражаться// понимать, перетолковывать// снимать// vn. – приниматься, приставать// иметь успех// стать, замерзать // se~, v. pr. – зацепляться, задевать; хвататься// браться, взятыся; приниматься, начинать// сгущаться, густеть. Il ne sait comment s'y prendre – он не знает, как за это взятыся, принятыся. S'en prendre a qn – обвинять кого-либо, пенять на кого-либо

accaparer, va. – скупать, перекупать; захватывать все в одни руки.

accueillir, va. – принимать, встречать// постигать, застигать// s~, v. pr. – приниматься.

enlever, va. – поднимать, воздымать// срывать, уносить, сносить// похищать, увозить// отнимать, отбивать// воен. – брать, овладевать// восхищать, приводить в восторг// ком. скупать, закупать, раскупать (товары)// выводить, сводить (пятна, краску) // вычищать, выскабливать (написанное)// сдирать (кожу)// выколачивать молотом (дно котла); выпрямлять (покривленный котел)// s~, v. pr. – подниматься// лупиться, сходиться// раскупаться (о товарах).

demander, va. – просить// требовать// спрашивать// искать// расспрашивать// юрид. искать судом, ходатайствовать// se~, v. pr. – спрашиваться// расспрашивать друг друга.

utiliser, va. – утилизировать, употреблять в пользу или с пользой// s~, v. pr. – употребляться в пользу.

prelever, va. – предварительно вычитать, вычесть// юрид. взять часть имущества до раздела остального// se~, v. pr. – предварительно вычитаться.

choisir, va. – выбирать, отбирать, избирать// se~, v. pr. – выбираться, избираться, быть выбранным; выбирать самого себя; выбрать друг друга; выбирать, избирать себя.

saisir, va. – хватать, схватывать, взять; ловить, поймать// пользоваться// понимать, угадывать// постигать, овладеть, обуять// поражать// юрид. налагать арест, запрещение// морск. принайтовить, прихватить// se~, v. pr. – схватить, поймать// завладеть, овладеть.

consommer, va. – совершать, оканчивать// потреблять, расходовать// se~, v. pr. – совершаться// потребляться, расходоваться.

27. Действие, направленное на снятие (off)

oter, va. – убирать, снимать, скидать; выносить// вынимать// отнимать, лишать// избавлять// заслонять// отрезать, отрубать, убавлять// s~, v. pr. (de) – отходить, отойти, убираться.

supprimer, va. – отменять, упразднять, уничтожать// пропускать// утаивать, скрывать; умалчивать// запрещать печатание или продажу// se ~, v. pr. – пропускаться.

prohiber, va. – запрещать, возбранять.

sacrifier, va. – приносить в жертву, жертвовать, пожертвовать// посвящать// se~, v. pr. – (pour) жертвовать собою (для кого-либо).

detruire, va. – разрушать, истреблять, ниспровергать, уничтожать, губить// se ~, v. pr. – разрушаться, разва-

- ливаться// гибнуть, уничтожаться// налагать на себя руки, лишать себя жизни// истреблять, избивать друг друга.
- abolir**, va. – уничтожать, отменять// s~, v. pr. – уничтожаться, выходить из употребления.
- annuler**, va. – уничтожать, отменять// юрид. прекратить действие контракта, закона// s~, v. pr. – уничтожаться, отменяться.
- equipiser**, va. – снаряжать, снабжать всем нужным, экипировать// воен. обмундировывать, вооружать// морск. вооружать (судно)// s~, v. pr. – снаряжаться, экипироваться// вырядиться, нарядиться.
- exterminer**, va. – истреблять, уничтожать// искоренять// изгонять из страны (en ce sens)// s~, v. recipr. истреблять друг друга// fam. – выбиваться из сил, убиваться.

28. Действие звуковое

- murmurer**, vn. – роптать, сетовать// журчать (о воде)// шуметь (о ветре)// va.-бормотать, пробормотать// se~, v. pr. – распространяться, пересказываться.
- parler**, vn. – говорить// va. – говорить, разговаривать, рассуждать, толковать// se~, v. pr. – употребляться (о языке)// говорить самому себе.
- proclamer**, va. – провозглашать, провозвещать// обнародовать// se~, v. pr. – провозглашаться, объявлять себя (чем-либо).
- rythmer**, va. – подчиняться ритму, сочинять в ритме.
- dire**, va. – говорить, сказывать// сообщать// рассказывать, показывать// стих. – петь, воспевать// открывать// выражать// значить, означать// служить (обедню)// юрид. судить, решать// se~, v. pr. – говорить, выражаться// называться; наименовываться, выдавать себя за// говорить самому себе.
- chanter**, va. et vn. – петь; воспевать// fam. – говорить.
- precher**, va. et vn. – проповедовать, проповедать, говорить проповедь// увещевать, уговаривать// прославлять.

enoncer, va. – изъяснять, выражать, высказывать, юрид.-
faux – ложно показывать, доносить// s~, v. pr. – изъяс-
няться, выражаться.

sonner, vp. – звенеть, гудеть, звучать// трубить; звонить,
благовестить// бить// va. – ударять; звонить, благове-
стить// трубить.

crier, vp. – кричать, закричать// бранить, браниться//
вопить, взывать// жаловаться, роптать// скрипеть//
va. – обнародовать// вопить, призывать, требовать//
жаловаться// se~, v. pr. – провозглашаться, объяв-
ляться.

narrer, va. – повествовать, рассказывать.

lire, vp. – читать, прочитывать, прочесть// узнавать, уга-
дывать// разбирать (ноты)// se~, v. pr. – читаться.

nommer, va. – называть, именовать// назначать, опреде-
лять// se~, – v. pr. – наименоваться, называться.

29. Действие световое

luire, vp. – светить, светиться// мерцать (о звездах)// си-
ять, блистать.

briller, va. – блестеть, блистать, блеснуть, сиять, сверкать,
гореть.

bruler, va. – жечь, сжигать, сожигать; обжечь, спалить,
опалить; печь; прожигать, прижигать// vp. – гореть,
пылать; теплиться// se~, v. pr. – обжечься, сжечь себя,
опалить себя.

embraser, va. – зажигать// охватывать, воспламенять//
архитект. – расширять зал// s~, v. pr. – загораться, вос-
пламеняться.

30. Страсти

Чувство слуха

ouir, va. – слушать, внимать// выслушивать.

ecouter, va. – слушать, подслушивать, выслушивать//
слушаться, повиноваться// внимать// s~, v. pr. – зани-
маться, любоваться самим собою; нежиться.

Чувство зрения

voir, va. – видеть, видать, зреть; смотреть, рассматривать// se~, v. pr. – смотреться, видеть себя// смотреть друг на друга// видеться, знаться, бывать друг у друга// виднеться, быть видным// находиться, быть// случаться.

regarder, va. – смотреть, глядеть, взглянуть, посмотреть, выглядывать// рассмотреть, подумать// касаться// стоять лицом, выходить// se~, v. pr. – глядеться, смотреться// смотреть на себя// смотреть друг на друга// стоять один против другого.

Чувство осязания

eprouver, va. – испытывать, пробовать, изведывать, отвеживать// ощущать, испытывать, чувствовать// претерпевать, переносить// s~, v. pr. – испытывать себя.

sentir, va. – чувствовать, почувствовать; ощущать, ощутить// нюхать, обонять// пахнуть, отзываться, иметь вкус// походить// se~, v. pr. – чувствовать себя// чувствовать свою силу.

Чувство обоняния

humer, va. – втягивать, всасывать в себя; глотать, хлебать (влажное).

sentir, va. – чувствовать, почувствовать; ощущать, ощутить// нюхать, обонять// пахнуть, отзываться, иметь вкус// походить// se~, v. pr. – чувствовать себя// чувствовать свою силу.

Чувство вкуса

gouter, va. – вкушать, отвеживать, пробовать// одобрять// нравиться// наслаждаться// vp. – попробовать, отведать// полдничать// se ~, v. pr. – отвеживаться, пробоваться.

savourer, va. – отвеживать// вкушать, вкусить (что-либо), наслаждаться (чем-либо).

Состояния

Внутренние чувства

31. Жизнь и привычки

être, *vp.* – быть, бывать.

respirer, *vp.* – дышать// жить// отдыхать; вздохнуть//
va. – дышать// жаждать.

vivre, *vp.* – жить; кормиться, питаться.

reposer, *va.* – положить// дать отдохнуть, доставлять
спокойствие, покоить// *vp.* – спать, поживать, отды-
хать// лежать, держаться; основываться// *se~*, *v. pr.* –
отдыхать// полагаться.

resider, *vp.* – жить, житьствовать, иметь пребывание,
пребывать// состоять, находиться.

32. Высшее состояние

exceller, *vp.* – превосходить, превосходить, отличиться.

culminer, *vp.* – астроном. – проходить через меридиан (о
светиле).

avoir, *va.* – иметь// получать, доставать.

vouloir, *va.* – хотеть, желать; приказывать, повелевать,
предписывать, требовать// *se~*, *v. pr.* – требоваться; ~
du bien – желать себе добра. *Je m'en veux d'avoir fait
cela* – я сержусь на себя за то, что я это сделал. *Ils s'en
veulent* – они сердятся, злятся друг на друга.

33. Возвышающее состояние

devenir, *vp.* – делаться, становиться; ~ *a rien* – значитель-
но уменьшаться// сильно исхудать (о больном). *Que
deviendrai-je?* – Что со мною будет? *Qu'est-il devenu?* –
Что случилось, что стало с ним? *Qu'etes-vous devenu?* –
Где вы были? Что вы делали? *Que voulez-vous devenir?* –
Что вы думаете делать? Что вы намереваетесь пред-
принять? *Que devenir?* – Что делать? Как быть? *Qu'est
devenu mon chapeau?* – Куда девалась моя шляпа? *
Qu'est devenu votre courage? – Куда же делось ваше му-
жество? Где же ваше мужество?

surgir, *vn.* – прибывать; показываться// возникать; ~ au port, прибыть в гавань/ достигнуть цели своих желаний// Une querelle surgit entre eux – между ними возникла ссора; De grands desagrements surgirent entre lui et moi – у нас с ним вышли большие неприятности; Faire ~ – производить, произвесть, причинить.

naître, *vn.* – рождаться, родиться// произрастать// происходить, проистекать. Il est a ~ celui qui... – еще не родился тот, который бы... et fam. Il ne fait encore que de ~, счастье его только начинается; fam. Son pareil est a ~ – еще не было такого человека. fam. vi. Il est a ~ que... – не видано, не слыхано, чтобы...

croître, *vn.* – расти, вырастать, возрастать// прибывать, прибавляться, увеличиваться, усиливаться, умножаться// *vn.* – увеличивать.

34. Интеллектуальное состояние

penser, *vn.* – мыслить// думать, полагать// размышлять; рассуждать// *va.* – думать, обдумывать// задумывать// придумывать.

raisonner, *vn.* – рассуждать// философствовать, умничать// *va.* – обдумывать; fam. Ne raisonnait pas tant – поменьше умничайте. Морск. ~ a la patache – предъявить на брандвахте свои бумаги (на судне); ~ un navire – опросить судно, переговорить с судном; Se ~ , *v. pr.* Les ordres des superieurs ne se ~ nent pas – о приказаниях начальства не рассуждают, приказ начальника не обсуждается.

juger, *va.* – судить, решать// рассуждать, разбирать// думать, воображать себе// ~ une personne, судить кого-либо// *vn.* – ~ les gens sur l'apparence, судить о людях по наружности// *va.* – Jugez-nous – рассудите, разберите нас// *vn.* – Que jugez-vous de cela? – Что вы об этом думаете? Jugez de ma surprise – Вообразите мое удивление, представьте себе мое удивление// Se ~ , *v. pr.* – судить самого себя или о самом себе// считать, находить себя// судиться, быть судимым.

imaginer, va. – воображать// выдумывать, вымышлять, изобретать// S'~, v. pr.-воображать, представлять себе// думать, мнить.

deviner, va. – прорицать, предсказывать// отгадывать, разгадывать, угадывать; ~ l'avenir – предсказывать, прорицать, угадывать будущее// ~ nez combien cela me coute, угадайте, сколько это мне стоит// C' est une enigme a ~ – это не про нас писано; это слишком мудро для нас// fam. Il n'y a la rien a ~ – это весьма понятная вещь// Il faut toujours le ~ – он всегда выражается весьма темно, туманно// Посл.: Je vous le donne a ~ en cent – Держу сто против одного, что вы не угадаете; ~ les fetes quand elles sont venues – и дурак знает, что в Христов день праздник. // Se ~ , v. pr. – понимать, разгадывать друг друга.

comprendre, va. – вмещать, заключать, включить, содержать в себе// понимать, постигать, разуметь, смыслить// Se ~ , v. pr. – понимать себя. Il ne se ~end pas lui-meme? – Он сам себя не понимает; ~ les uns les autres – понимать друг друга; Cela se ~ rend – Это понятно.

observer, va. – соблюдать, хранить, исполнять// наблюдать// замечать// присматривать, примечать; ~ les commandements – исполнять, соблюдать заповеди// ~ le jeune et les regles – соблюдать пост и правила; Prenez garde, on vous observe – остерегайтесь, за вами наблюдают// ~ les longues et les breves, ou ~ les points et les virgules – быть очень осмотрительным, осторожным; держать ухо востро// S' ~ , v. pr. – быть осторожным// наблюдать друг друга.

rever, vp. – грезить, грезиться, сниться, видеть во сне// бредить// думать, размышлять, обдумывать// мечтать// va. – видеть во сне// алкать; бредить (чем-либо) // J'ai ~ de combats – мне снилось, приснилось сражение; J'ai ~ve que.. – мне снилось, что... C' est un radoteur, il ne fait que ~ – это пустомеля, он вздор городит, несет околёсную; ~ a une affaire? sur une affaire – думать, размышлять о деле, обдумывать дело.

Осязаемые и мускульные чувства

reconnaitre, va. – узнавать, распознавать// признавать// сознать, сознаться// выведывать, разузнавать// обозревать, осматривать// воен. – рекогносцировать, опознавать, разведывать, опрашивать// морск. – усматривать; быть благодарным, отблагодарить. *On reconnait les amis dans le malheur*, друзья познаются в несчастье. *Se faire ~* – представить доказательства о своей личности; объявить свое имя и звание// *~qn pour heritier* – признавать кого-либо наследником. *Je reconnais qu'il serait utile de faire cela* – я признаю полезным сделать это. *On le reconnait pour honnete homme* – его принимают, считают честным человеком или за честного человека. *~ l'innocence de qn* – признать, объявить кого-либо невинным; *~ son seing* – признать подпись своею // *~ les dispositions de qn* – выведывать, разузнавать о чьих-то намерениях// *~ les lieux* – обозреть, осмотреть место// воен. – *~ les ennemis, les lieux* – рекогносцировать, опознавать неприятеля, местность, или разведывать о неприятеле, о местности. *~ une hftrouille* – опросить патруль// морск. – *~ un batiment* – подойти к судну, чтобы узнать его силу// *~ les bienfaits de qn* – быть признательным, благодарным кому-либо за благодеяния. *Je reconnaitrai ce service a l'occasion* – при случае я отблагодарю за эту услугу// *Se ~*, v. pr. – узнавать себя// узнаваться, познаваться// сознать себя// опомниться, прийти в себя// раскаиваться. *Les hommes se reconnaissent a leurs actes* – люди узнаются, познаются по делам их; *~ pecheur* – сознать себя грешником. *Donnez-moi le temps de me ~* – дайте мне время опомниться, прийти в себя.

compter, va. – считать, отсчитывать// vp. – думать, полагать; надеяться, рассчитывать, полагаться// *Se ~*, v. pr. – считаться.

35. Низшие состояния

subir, va. – подвергаться, претерпевать, выдерживать// *Se ~*, v. pr. – выдерживаться.

succomber, vn. – изнемогать, падать, не сносить; не устоять, поддаваться// умирать. ~ sous le poids – изнемогать, падать под тяжестью; ~ , sous le travail, не снести тягости работ. La place succomba – крепость пала, сдалась; ~ a la tentation, не устоять против искушения, или поддаться искушению. Elle a ~ be – она поддалась оболъщению; она пала. Vous attaquez un homme trop puissant, vous ~ berez – вы нападаете на слишком сильного человека, вы будете побеждены, потерпите поражение. Le malade a succombe – больной умер.

douter, vn. – сомневаться (в чем или в ком-либо). ~ du succes, сомневаться в успехе. Je doute si je partirai demain – сомневаюсь, уеду ли я завтра, или едва ли я завтра уеду. ~ de qn – сомневаться в чьей-либо честности; не доверять кому-либо// fam. Ne ~ de rien – говорить обо всем с плеча; смело решать всякие вопросы;// бросаться очертя голову в рискованное предприятие// видеть все в радужном свете. // Se ~ , v. pr. – подозревать, предполагать, догадываться.

perir, vn. – пропадать, погибать// приходиться в упадок. Les fleurs ont peri de froid – цветы пропали, погибли от холода; ~ par le feu – погибнуть от огня; ~ corps et bien – потерпеть крушение с гибелью команды и судна. La liberte perit par la licence, свобода гибнет, погибает от своеволия, или через своеволие. ~ d'ennui – умирать от скуки. // юрид. Laisser ~ son appel – пропустить срок апелляции.

ignorer, va. – не знать, не ведать (чего-либо). J'ignorais qu'il fut malade – я не знал, что он болен. Il n'ignore pas ce fait – ему небезызвестен этот факт, он знает об этом факте. Il n'ignore rien, или: fam. Il n'ignore de rien – он знает все.// S'~ , v. pr. S'ignorer soi-meme – не знать самого себя.

36. Состояние убывания

dechoir, vn. – приходиться в упадок// упадать, уменьшаться// дряхлеть, стареть. Commencer a ~ – стариться. // Ange dechu – падший ангел.

faillir, *vn.* – погрешать, проступаться, провиняться// ошибаться// погасать, пресекаться// рушиться// изменять, оставлять// коммерч. – обанкротиться, делаться несостоятельным. Il est dans la nature humaine de ~ – человеческой природе свойственно погрешать, проступаться, ошибаться. S'il a failli, il faut qu'on le chatie – если он провинился, то следует наказать его. // Cet auteur a failli en beaucoup d'endroits – этот автор ошибся во многих местах. Les plus doctes sont sujets a ~ – самые мудрые люди ошибаются.// Le jour commence a ~ – день начал погасать. La branche des Valois a failli dans la personne de Henri III – ветвь Валуа погасла, пресеклась в лице Генриха III. La memoire lui faillit tout a coup – память вдруг изменила ему, оставила его. Cet ami ne lui faillira pas au besoin – этот друг не изменит ему, не оставит его в нужде.// Ce banquier a failli – этот банкир обанкротился, сделался несостоятельным.// J'ai failli de mourir – я чуть было не умер.// Le coeur me faut – мне дурно// J'irai la sans faillir – я непременно пойду туда. // Il a faillinou arriver un malheur – чуть было не случилось с нами несчастья.

degenerer, *vn.* – вырождаться, портиться// отставать// падать// превращаться; переходить. Le ble degene dans un mauvais terrain – хлеб вырождается, портится на дурной почве; // ~ de ses ancetres – быть недостойным своих предков// ~ dans l'esprit de qn – упасть в чьем-либо мнении. // L'altercation degenera en rixe – ссора превратилась, переросла, перешла в драку.// Медиц. – Son rhume a degene en bronchite – насморк его перешел в бронхит.

vieillir, *va.* – делать старым, старить// *vn.* – стареть, постареть, состариться, ветшать// выходить из употребления.// Se ~, *v. pr.* – казаться старым, делаться старобразным.

mourir, *vn.* – умирать// засыхать (о дереве); потухать (об огне); ~ de faim – умирать, умереть с голоду; ~ martyr – умереть мученической смертью; ~ d'ennui – умирать со скуки; ~ de rire – помирать со смеху. C'est a ~ de rire –

это умора. Il est malade a ~ – он при смерти. Va ou tu reux, ~ tu dois – двум смертям не бывать, одной не миновать. Le loup ~ rra dans sa peau – горбатого могила исправит/ как волка ни корми, он все в лес глядит.// Se ~ , v. pr. – быть при последнем издыхании// потухать (об огне).

Примечание. Эти 300 глаголов были выбраны пропорционально числу каждой группы из 8000 глаголов, собранных в словаре Le Nouveau Bescherelle, l'Art de conjuguer (Hatier, 1966).

Приложение 2

Краткий словарь символического языка

Accord – сходство и сообразность между двумя лицами или двумя концепциями.

Affinite – сходство, родство, дополнительные отношения или привязанность между двумя лицами, двумя элементами или двумя концепциями.

Algorithm – знакоположение, обозначение. Язык, использующий знаки, правила и операционные формулы для облегчения решения проблем специфического рода.

Allegorie – аллегория, иносказание, притча, намек. Стилевой, языковой образ, использующий долгую метафору, чтобы выразить скрытый смысл, который не желают открыть прямо, или который трудно или даже невозможно передать.

Allusion – намек. Стилевой, языковой образ, состоящий в том, чтобы сказать одно, а намекнуть на другое, с которым оно традиционно ассоциируется.

Ambivalence – амбивалентность, двойственность. Качество или свойство, которые предполагают в вещи или в рассматриваемой концепции некую двойственность значения или качества, противоположные или дополняющие друг друга.

Analogie – сходство, аналогия. Соотношение сходства или сообразности между двумя вещами или двумя концепциями. Курно (Cournot) определял аналогию как «мыслительный процесс, который из рассмотрения некоторых отношений перерастает в причину этих отношений».

Antonomase – антономазия (риторический прием). Стилевой, языковой образ, который состоит в том, чтобы назвать персонаж общим именем или перифразой, которая резюмирует его характер. Она определяет также и обратную операцию.

Apologue – аполог, притча, басня. Стилевой, языковой образ, который в форме короткого рассказа дает урок нравственности или подает пример духовности.

Assimilation – ассимиляция, уподобление, усвоение, приравнивание. Процесс, с помощью которого одна вещь превращается в другую или, наоборот, поглощает ее.

Attachement – привязанность, преданность. Основной эмоциональный импульс как в животном, так и в человеческом мире, которым этологи, специалисты в области обычаев и нравов народов, намереваются заменить фрейдовское либидо (*libido*), ненадлежащим образом считающееся тоталитарным и принадлежащим аутизму (*autisme*: манера отрешения от внешней реальности, сопровождаемая интенсивной внутренней жизнью. – *Примеч. пер.*). Он с самого начала соединяет нас с существами и вещами, – как корневая система в почве, – которые своей любовью, своей защитой или просто своим существованием позволяют нам жить.

Attribut – атрибут, принадлежность, признак, свойство, знак различия (воен.). Отличительный знак, который сопровождает образ реального или аллегорического персонажа и убеждает нас в его идентичности. Он может также внушить мысль о себе, при его отсутствии, подобно кресту – о Христе или зонту – о Будде.

Cachet – личная печать, предназначенная для удостоверения написанного текста или предмета, а иногда и их происхождения.

Comparaison – сравнение. Стилевой образ, предназначенный для освещения того, о чем говорят, приводя его к аналогичной ситуации, однако более простой или более известной тому, кому это адресуется.

Concordance – соответствие, сообразие. Сходство, соответствие или подобие двух вещей или двух концепций.

- Conformite** – идентичность качеств и свойств, применимых к двум вещам или двум концепциям.
- Convenance** – приличие, соответствие, приемлемость. Характер всего, что находится во взаимносогласии.
- Correlation** – соотношение связей между двумя явлениями, но при помощи эффективной причинной связи.
- Correspondance** – соответствие, сходство. Соотношение связей или взаимности между двумя терминами одной или нескольких систем.
- Devise** – девиз, лозунг. Максима, служащая для идентификации вещи, семьи, города или любой другой заметной реальности.
- Effigie** – изображение; изображение лица на монете. Воспроизведение человеческого лица или мифического образа на поверхности или в объемной форме.
- Ellipse** – эллипсис. Стилевой образ, направленный на сокращение речи и использующий разум или память того, кто слушает, чтобы тот мысленно дополнил то, что не было сказано.
- Embleme** – эмблема. Образный атрибут, традиционно сопровождающий или представляющий персонаж, или власть, или ремесло, или партию...
- Empreinte** – отпечаток, оттиск, след. Знак, оставленный телом или частью этого тела на поверхности,
- Equilibre** – равновесие, баланс, уравнивание. Равноценность двух вещей, двух сил или двух каких-либо сущностей, индивидуальностей.
- Expression** – выражение (лица, чувств, алгебраическое, численное), выразительность, экспрессия, выжимание, выдавливание. Жест живого существа или технический способ, предназначенный для сообщения зрителю некоего чувства или определенной идеи.
- Eurythmie** – эвритмия, равномерность ритма; гармония. Хорошая, добрая гармония чувствительного феномена.
- Fable** – небылица, басня, выдумка. Воображаемый рассказ, иллюстрирующий легенду или нравственный урок.

- Figure** – лицо, образ, облик, внешний вид, внешность. Видимое изображение вещи или человека с помощью одного из видов пластического искусства, с помощью объема понятий, представляющих факт или идею посредством некоего типа языка, называемого тропом.
- Forme** – форма, строение, внешность, внешний вид. Контур, который можно пощупать, имеющий материальный внешний вид вещи или человека.
- Harmonie** – гармония, созвучие, благозвучие, согласие, соответствие. Приятная комбинация форм, звуков или идей.
- Hieroglyphe** – иероглиф. Литеры древней египетской письменности, состоящей из пиктограмм, другими словами, из образных, идеографических или фонетических изображений.
- Icone** – икона. Религиозная живопись, свойственная восточной ортодоксальной церкви.
- Idee** – идея, мысль, замысел. От греческого «eidos», что означает «форма, облик, изображение», а в более широком толковании «внятная и вразумительная суть». Этот последний смысл остался единственным значением французского слова «idée», что скрывает его первый смысл, означающий «идея-форма».
- Identite** – тождественность, тождество, идентичность; совпадение; опознание личности, подлинность. Свойства и качества вещей или людей, совершенно подобных или похожих, которые, однако, не могут быть перепутаны. Говорится в особенности в отношении того предмета или лица, которые являются уникальными, хотя в разных аспектах они воспринимаются вполне четко.
- Idole** – идол, кумир. Фигура или статуя, изображающая божество, которое предполагается обожать в результате его внешнего восприятия, что приводит к заблуждению, называемому «идолопоклонством».
- Image** – изображение, картинка, образ. Изображение некоего существа или предмета с помощью пластического или графического искусства. В расширительном

смысле это описание одних и тех же существ и предметов с помощью рассказа или в ментальном представлении, имеющих чувственное происхождение.

Initiation – посвящение, посвящение в тайну; ознакомление с чем-либо; приобщение к чему-либо; воспроизведение жестов, действий, образов, некоторых природных аспектов чувств или работы, выполненной человеческими руками.

Indice – знак, признак, симптом, показатель. Знак или след, указывающие на вероятность настоящего присутствия человека, вещи или происшедшего события.

Marque – знак, метка, отметина, след, пятно, признак. Естественный или условный след, применяемый в отношении вещи для определения ее идентичности или происхождения.

Mediation – медиация, посредничество. Мысленная или стилистическая операция, служащая «посредником» между двумя понятиями, благодаря освещению некоей общей модальности.

Metaphore – метафора. Стилиевой образ, обогащающий слово путем перемещения смысла таким образом, что он применим к двум внешне похожим вещам либо в материальном плане (лист дерева или лист бумаги), либо в моральном и материальном плане (например, «un vilain», гадкий, плохой, мерзкий, скверный, противный, гнусный, презренный), житель римской виллы (виллан – свободный крестьянин), затем простолюдин, разночинец, а потом и вовсе безобразный человек).

Metonymie – метонимия. Стилиевой образ, состоящий в том, чтобы изобразить одну вещь через другую, которая связана с первой с помощью постоянной связи, как причина и следствие, сосуд с содержимым, знак со смысловым содержанием вещи.

Mimetisme – миметизм, мимикрия. Способность одного живого существа имитировать другое существо во всех общих или частных проявлениях его характера.

Modele – модель, образец. Лицо или предмет, служащие примером для выработки чело-либо подобного им.

- Mythe** – миф. Изложение некоей доктрины, веры или концепции в форме традиционного или воображаемого легендарного рассказа.
- Ombre** – тень, сень; призрак; темнота, мрак. Темная зона, рисующая силуэт тела, оказавшегося на пути освещающего его света. Ее можно также рассматривать как ускользящий от реальности облик.
- Parabole** – парабола, притча. Образцовый рассказ, взятый из некоторых священных писаний, который аллегорически излагает урок нравственности или догматического учения.
- Parite** – паритет, равенство, равное отношение. Состояние равноценности, подобия или равенства.
- Participation** – участие, соучастие; причастность. Способ мышления, который подразумевает идентичность чувств у двух лиц, двух индивидуальностей или двух существ, отличающихся по внешним признакам, но объединенных одной идеологией.
- Presage** – предзнаменование. Знак, позволяющий объявить о грядущем событии.
- Rapport** – соотношение, сообщение, возвращение. Отношение, существующее между двумя событиями, двумя концепциями или двумя лицами благодаря общности некоего порядка: равенства, аналогии, сходства, соответствия, причинности, преемственности или конечной цели.
- Reflet** – отражение, отсвет, отблеск. Перевернутое изображение в зеркале, а в расширительном смысле – ослабленное, приглушенное воспроизведение модели, которая может быть человеком, чувством или концепцией.
- Relation** – отношение, соотношение, зависимость, связь. Логическая связь между двумя существами или двумя концепциями, обычно независимых по своей природе.
- Representation** – изображение, воспроизведение, представление. Процесс, с помощью которого возможно эмоциональное воздействие на человека через органы зрения или другие органы чувств некоего факта, события, мысли или личности благодаря картинке, рассказу, спектаклю.

- Ressemblance** – сходство, подобие. Отношение между двумя лицами или двумя вещами, имеющими довольно многочисленные сходные элементы, которые не позволяют нам их полностью или частично спутать.
- Sceau** – печать, след, отпечаток. Отпечаток или печать, приложенная к вещи или предмету, чтобы удостоверить подлинность их происхождения или гарантировать их тайну.
- Signe** – аббревиатура (буквенное сокращение). Начальная буква или ряд инициалов, используемые не как знаки сокращения.
- Signe** – знак, признак, примета. Родовой термин, в основе которого лежит посредничество, медиация. Он определяет любые проявления всякого рода, в том числе и исключая проявления природного или условного характера, которые могут быть интерпретированы как раскрывающие существование другого явления, которое само зачастую не проявляется, а иногда и не может иметь места. Однако этот временный недостаток интерпретации вовсе не навязывает существования знаков без смысла, что означало бы явное противоречие.
- Similitude** – подобие, сходство. Связь, объединяющая две в точности подобные вещи.
- Simulacre** – подобие, видимость; изображение, образ; призрак, видение. Изображение или заметный, осязаемый облик, который может сойти за реальный образ.
- Symbole** – символ, знак. Этимологически и по происхождению – это знак узнавания, опознавания, составленный из двух дополняющих друг друга половинок одного и того же предмета. В расширительном смысле он определяет сущность, концепцию, предмет, человека или рассказ, представляющий другую сущность в силу основной аналогии или спорного соглашения.
- Symetrie** – симметрия. Точная пропорция, отличающая различные части видимых изображений.
- Synchronisme** – синхронизм, синхронность действия, одновременность. Характер периодических явлений, происходящих одновременно.

Synecdoque – синекдоха. Стилиевой образ, расширяющий или сужающий смысл слова таким образом, что он определяет некоторое свойство вещи таким словом, которое применимо к другому порядку величин, но из той же группы. Например, называют часть вместо целого, имя нарицательное собственным именем, или наоборот.

Trace – след, отпечаток. Знак, оставленный после осуществления некоторого действия.

Trope – троп. Стилиевой образ древней риторики, с помощью которого слово или выражение искажается и теряет свой первоначальный смысл. Мир тропов включает в себя более восьмидесяти фигур, которые были исследованы древними знатоками риторики. В настоящем словотолкователе фигурируют только метафоры, метонимия, синекдоха и антономазия.

Vestige – след, признак; остаток. След, остающийся после совершившегося действия или после разрушенной вещи и который свидетельствует о реальности его существования.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Знаки и теория жестов	8
I. От сенсации к знаниям	8
II. От жеста к знаку	12
III. «Я» как начало	15
IV. Крик как песня	18
V. От имени собственного к простым словам	22
VI. Мутация жеста	25
VII. Первенство ритма	28
VIII. Три лица глагола	31
IX. Тридцать шесть фактов и жестов	34
X. Топологическая аналогия	42
Глава II. Мир символов	45
I. Амбивалентность символов	45
II. Небесный мир	50
III. Центр и ось мира	55
IV. Элементарные посредники: огонь, воздух, вода	62
V. Космические посредники: планеты, числа и цвета	73
VI. Земной мир: архитектура	81
VII. Земной мир: сельское хозяйство	87
VIII. Подземный мир: металлургия	90

Глава III. Ритуалы и мифы	98
I. Ритуалы	98
II. Мифы	106
Заключение. Мысль как ремесло	117
Приложение1.	
300 французских глаголов, классифицированных с соответствии с органами чувств, направлением действия и значением символов	121
Приложение2.	
Краткий словарь символического языка	150

*Университетская библиотека —
это серия книг для высших учебных заведений
по всем основным областям знаний
Все книги серии написаны ведущими
специалистами в своих областях*

Человек стал пользоваться языком символов, как только произнес первое слово. С тех пор мы существуем в мире символов, они неотъемлемая составляющая развития цивилизации. Как происходила эволюция символического языка: от жеста первобытного человека к знаку, символу, сложным мифологическим структурам и, наконец, современному уровню символического мировосприятия — на эти вопросы отвечает в своей книге известный французский ученый. Увлекательная форма изложения и парадоксальность суждений в сочетании с широчайшим привлечением источников из различных отраслей знаний и строгой логикой научного анализа сделают чтение книги приятным и полезным.

ISBN 5-17-022697-7

9 785170 226979

